

А. ДЖ. РИДДЛ



ПАНДЕМИЯ

Смертельная угроза

А. Дж. Риддл

Пандемия

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Риддл А.

Пандемия / А. Риддл — «Издательство АСТ»,
2017 — (Смертельная угроза)

ISBN 978-5-17-118280-9

На дне Северного Ледовитого океана американское судно береговой охраны обнаруживает затонувшую подводную лодку. Она не имеет национальной идентификации и нигде не зарегистрирована. Внутри исследователи находят доказательства научного эксперимента, который должен изменить судьбу человеческой расы. В Атланте доктора Пейтон Шоу разбудил телефонный звонок, которого она боялась годами. В Кении вспышка эпидемии смертельной болезни. Команда под руководством Шоу отправляется на место происшествия. И очень быстро они понимают, что эта эпидемия не похожа ни на что, с чем они сталкивались раньше, — складывается впечатление, что кто-то вывел вирус в лабораторных условиях и намеренно выпустил на свободу. В это время в Берлине ученый, изобретатель и предприниматель Десмонд Хьюз просыпается в гостиничном номере, не помня, как он туда попал и кто он. На полу мертвый сотрудник международной фармацевтической компании. Единственная подсказка приводит Хьюза к Пейтон Шоу — женщине, которая, кажется, знает его, но отказывается рассказать ему откуда. Пока полиция ищет его, Десмонд отчаянно пытается разобраться, что с ним произошло. К своему ужасу, он узнает, что может быть причастен к вспышке болезни — а может, имеет единственный ключ, чтобы остановить ее.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-118280-9

© Риддл А., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Несколько слов о фактах и вымысле	7
Пролог	8
День первый	11
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	46
Глава 12	52
День второй	57
Глава 13	58
Глава 14	60
Глава 15	61
Глава 16	66
Глава 17	69
Глава 18	70
Глава 19	71
Глава 20	73
День третий	77
Глава 21	78
Глава 22	79
Глава 23	83
Глава 24	89
Глава 25	91
Глава 26	92
Глава 27	93
Глава 28	94
Глава 29	101
День четвертый	103
Глава 30	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

А. Риддл Пандемия

A. G. Riddle
Pandemic

© A. G. Riddle, 2017

Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Эта книга посвящается героям, о которых мы редко слышим. После ураганов и прочих природных катаклизмов они приезжают на место одними из первых, а уезжают последними. Эти люди действуют в раздираемых войнами точках повсюду в мире, но не носят оружия для собственной защиты. Они и в настоящую минуту рискуют жизнью, чтобы спасти нас от опасностей, грозящих всем народам Земли и каждому человеку в отдельности.

Они живут среди нас, они – наши соседи, друзья, родные и близкие. Это сотрудники систем здравоохранения США и других стран. Исследование их свершений вдохновило меня на сочинение этой повести. Именно они – подлинные герои «Пандемии».

Несколько слов о фактах и вымысле

«Пандемия» содержит в себе и факты, и вымысел. Я постарался представить реакцию Центра по контролю и профилактике заболеваний (ЦКПЗ) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) на чрезвычайную ситуацию настолько реалистично, насколько позволяет жанр. В частности, бактериофаг M13 и белок GP3 на 100 % реальны. Препараты, созданные на основе M13 и GP3, сейчас проходят клинические испытания, они обещают большие успехи в лечении болезней Альцгеймера, Паркинсона и амилоидоза.

На моем веб-сайте (agriddle.com) имеется раздел «Факты и вымысел», а также дополнительный контент.

Благодарю за чтение.

— Джерри

А. Дж. Риддл

Пролог

Корабль береговой охраны США прочесывал Северный Ледовитый океан уже три месяца, но ни один из членов экипажа понятия не имел, что они ищут. В последнем порту на борт ледокола подняли группу из тридцати ученых и десятки ящиков с причудливыми инструментами. Команде ничего не объяснили про штатских с их загадочным оборудованием. День за днем нос «Хили» резал и крошил лед, мужчины и женщины на борту занимались своим делом и, выполняя приказ, соблюдали режим радиомолчания.

Секретность и монотонность ежедневной службы порождали нескончаемые потоки слухов. Команда обсуждала происходящее во время еды и в часы отдыха за шахматами, картами и видеоиграми. Наиболее расхожим было мнение, что они ищут подводную лодку или затонувший боевой корабль – скорее всего, американский либо русский, а может быть, грузовоз с какой-нибудь дрянью в трюмах. Кое-кто в команде считал, что их послали искать ядерные боеголовки, потерянные посреди Северного Ледовитого океана много десятилетий назад, в разгар холодной войны.

В четыре утра по анкориджскому времени рядом с капитанской койкой зажужжал настенный телефон. Командир корабля ответил, не включая свет:

– Миллер слушает.

– Остановите судно, капитан. Мы нашли то, что искали, – сказал старший научный сотрудник экспедиции, доктор Ганс Эммерих, и тут же повесил трубку.

Позвонив на мостик и скомандовав «полный стоп», капитан Уолтер Миллер быстро оделся и отправился в главный исследовательский отсек. Как и все его подчиненные, он сгорал от любопытства. Впрочем, сейчас его волновал вопрос, не таит ли в себе находка угрозу для жизни ста семнадцати членов судовой команды.

Миллер кивнул часовому у люка и, наклонив голову, шагнул внутрь. Десяток ученых о чем-то спорили у мониторов. Он подошел ближе и, прищурив глаза, взглянул на зеленоватое изображение каменистого морского дна. На экранах был виден темный продолговатый предмет.

– Капитан, – остановил его доктор Эммерих; Миллеру показалось, будто он наткнулся на натянутую проволоку, – боюсь, в настоящую минуту мы очень заняты.

Эммерих заступил капитану дорогу и попытался заслонить собой экраны, однако Миллер не поддался на уловку.

– Я пришел спросить, не нужна ли вы в нашей помощи.

– Мы вполне справимся сами, капитан. Прошу вас оставаться на месте и по-прежнему соблюдать радиомолчание.

Миллер сделал жест в сторону мониторов.

– Значит, все-таки подлодку искали?

Эммерих промолчал.

– Чья она? Американская? Русская?

– Мы полагаем, что судно принадлежит... транснациональным спонсорам.

Миллер, не уловив смысла сказанного, поморщился.

– А теперь, капитан, прошу меня извинить, у нас сейчас будет много работы. Мы должны спустить батискаф.

Миллер кивнул.

– Понятно. Желаю удачи, доктор.

После того, как Миллер вышел, Эммерих распорядился, чтобы два младших сотрудника заняли места по обе стороны двери и никого больше не впускали.

Со своего компьютерного терминала доктор отправил зашифрованное сообщение: «Обнаружены обломки, предположительно – научно-исследовательской подводной лодки „Бигль“. Начинаю поиск. Координаты и первичные снимки прилагаются».

Через полчаса доктор Эммерих и трое других ученых уже сидели в батискафе, готовые к погружению на морское дно.

* * *

На другом конце света грузовое судно «Кентаро Мару» бороздило Индийский океан, держа курс на сомалийский берег.

В соседнем с мостиком конференц-зале с обеда громко спорили двое мужчин, их крики заставляли периодически вздрагивать членов судовой команды.

Вахтенный офицер тревожно постучал в дверь и замер в ожидании. Двое орущих не обратили на стук ни малейшего внимания.

Офицер постучал еще раз.

Наступило молчание.

Набравшись смелости, он толкнул дверь.

За длинным столом заседаний стоял высокий мужчина по имени Коннер Макклейн. Злость делала его изрезанное шрамами лицо еще более отталкивающим. Он заговорил быстро, с австралийским акцентом, чуть не срываясь на крик:

– Если ты с какой-нибудь ерундой, лейтенант, пеняй на себя.

– Сэр, американцы обнаружили «Бигль».

– Да ну?

– Они использовали новую технологию топографической съемки морского дна.

– С самолета, подлодки, корабля?

– С корабля – «Хили», ледокол береговой охраны США. Сейчас спускают батискаф.

– Они еще не знают, что на «Бигле»?

– Трудно сказать.

– Хорошо. Потопить ледокол.

Второй человек, находившийся в конференц-зале, только сейчас вступил в разговор.

– Не делай этого, Коннер.

– У нас нет выбора.

– Есть. Нам предоставляется возможность.

– Возможность чего?

– Предъявить груз «Бигля» всему миру.

Коннер повернулся к молодому офицеру.

– Приказ отдан, лейтенант. Исполняйте!

Когда закрылась дверь, Коннер заговорил спокойнее:

– Мы накануне важнейшего события в истории человечества. Нельзя отдавать этот вопрос на голосование ордам варваров.

* * *

Ганс Эммерих, сдерживая дыхание, наблюдал, как открывается внешний люк батискафа. За его спиной доктор Питер Финч смотрел на экран ноутбука.

– Все в порядке. Изоляция не нарушена.

– Радиационный фон?

– Можно пренебречь.

Эммерих и еще трое ученых спустились по лесенке внутрь судна. Лучи светодиодных ламп на шлемах скафандров прорезали могильную тьму, группа продвигалась по заваленным коридорам, стараясь ни за что не зацепиться. Повреждение защитного костюма означало верную смерть.

Добравшись до мостика, Эммерих направил луч света на бронзовую табличку на стене.

– «Прометей», говорит «Альфа-один». Вы это видите?

Ученый на борту «Хили» без промедления ответил:

– Вас слышу, «Альфа-один». Мы принимаем и картинку, и звук.

На табличке было написано:

НИС «Бигль»

Гонконг

1 мая 1965 г.

Ordo ab Chao¹

Эммерих перебрался с мостика в капитанскую каюту и начал ее обыскивать. Если повезет, можно найти судовые журналы, проливающие свет на то, где побывала лодка «Бигль» и какие открытия сделал ее экипаж. Если он не ошибся, где-то здесь на борту имелось свидетельство величайшей сенсации, способной в корне изменить ход истории человечества.

В наушниках Эммериха раздался трескучий голос доктора Финча:

– «Альфа-один», говорит «Альфа-два». Как слышите?

– Вас слышу, «Альфа-два».

– Стоим у входа в лабораторию. Разрешаете войти внутрь?

– Разрешаю, «Альфа-два». Соблюдайте осторожность.

– «Альфа-один», мы обнаружили два смотровых кабинета с металлическими столами – метра три длиной каждый, они имеют герметичную биозащиту. Остальное пространство заполнено рядами капсул – похоже на подземное банковское хранилище с клиентскими сейфами. Открыть какую-нибудь?

– Отставить, «Альфа-два». Капсулы пронумерованы?

– Так точно.

– Надо найти инвентарный список.

– Минутку. На каждой капсуле имеется диск, прикрывающий смотровое отверстие наподобие дверного глазка. В первой капсуле – кости. Человеческие. Нет, я, кажется, ошибся...

Заговорил второй исследователь:

– В моей капсуле – какое-то млекопитающее, похожее на кошку. Неизвестный вид. Похоже, ее заморозили живьем. Существо находится внутри куска льда.

До слуха Эммериха доносились щелчки отодвигаемых и закрываемых дисков, словно работал затвор фотоаппарата.

– Альфа-один, вам лучше самому спуститься. Здесь настоящий Ноев ковчег!

Эммерих двинулся вперед по захламленному коридору, не забывая об осторожности.

– Прометей, говорит «Альфа-один». Вы ведете запись видео- и аудиоматериалов от «Альфы-два», «три» и «четыре»?

Не услышав ответа, ученый остановился как вкопанный.

– «Прометей», говорит «Альфа-один». Вы меня слышите?

Эммерих послал вызов еще раз. И еще. До него донесся глухой гул, пол под ногами закачался.

– «Прометей»?

¹ «Порядок через хаос» (лат.).

День первый

320 инфицированных
0 умерших

Глава 1

Доктор Элим Кибет наблюдал из своего кабинета с белыми стенами, как над каменистым ландшафтом северо-восточной Кении восходит солнце. Лечебно-диагностический центр Мандеры представлял собой захудалое строение в одном из наиболее обездоленных уголков мира. Его передали под начало доктора совсем недавно. Другой увидел бы в этом обузу – Элим почел назначение за честь.

Из-за закрытой двери тишину пронзил крик. В коридоре затопали, медсестра крикнула: – Доктор, идите сюда! Быстрее!

Кого звали, гадать не приходилось. Кроме Элима Кибета, других докторов в медицинском центре не было. Все остальные после терактов разъехались. Вслед за врачами центр покинуло большинство младшего медперсонала. Правительство не согласилось выделить сельской больнице вооруженную охрану. Чиновники даже не сдержали свое обещание полностью и в срок выплачивать зарплаты, после чего хиреющий медцентр покинула еще одна волна сотрудников. Больница осталась с минимальным штатом – людьми, которым либо некуда было бежать, либо слишком увлеченными своим делом. Элим Кибет относился к обеим категориям.

Доктор надел белый халат и поспешил навстречу призывам о помощи.

Мандера – один из самых нищих округов Кении. Доход на душу населения составлял 267 долларов США в год – меньше 75 центов в сутки. Пыльный, грязный придорожный городишко находился на стыке границ трех стран: Кении, Сомали и Эфиопии. Жители Мандеры кормились с земли, едва сводя концы с концами и находя радость в малом. Они жили, окруженные захватывающей дух красотой и невыразимыми трудностями.

В регионе часто вспыхивали самые смертельные в мире болезни, но не они таили в себе главную угрозу. На деревни и государственные объекты регулярно совершала налеты связанная с «Аль-Каидой» исламистская группировка «Аш-Шабаб». Беспощадность террористов сеяла среди местных жителей смятение. Меньше года назад боевики «Аш-Шабаб» остановили идущий в Мандеру автобус и приказали выйти из него всем мусульманам. Те отказались и смешались с пассажирами-христианами. Боевики вытащили из автобуса всех до единого, не разбираясь, кто мусульманин, а кто христианин, поставили в один ряд и расстреляли. Тридцать семь убитых.

Поэтому, быстро шагая по коридору, Элим первым делом подумал: «Опять нападение „Аш-Шабаб“».

К своему удивлению он обнаружил в смотровом кабинете двух белых мужчин с длинными спутанными каштановыми волосами и такими же бородами. Посетители обливались потом. Парень, стоявший у дверей, держал в руках видеокамеру. Второй лежал на диагностическом столе, катаясь с боку на бок с закрытыми глазами. В нос шибанула вонь испражнений и рвоты.

Две медсестры склонились над больным, проводя первичный осмотр. Одна из них вытащила изо рта пациента термометр и повернулась к Элиму:

– Сорок градусов, доктор!

Молодой человек опустил руку с камерой и схватил Элима за предплечье.

– Вы должны ему помочь!

Элим высвободил руку и отодвинул посетителя в угол, подальше от диагностического стола.

– Я помогу. Отойдите, пожалуйста.

Сначала Элим решил, что у них малярия. Эта болезнь бушевала в тропических и субтропических регионах, особенно в таких бедных, как Мандера, – город находился всего в 150 милях от экватора. По всему миру малярией ежегодно заражались до двухсот миллионов чело-

век, почти полмиллиона умирали. Девяносто процентов смертей приходились на Африку, где от малярии каждую минуту умирал один ребенок. Посещающие Кению граждане западных стран тоже иногда ее подхватывали. Болезнь поддавалась лечению, что обнадеживало. Элим натянул резиновые перчатки и приступил к осмотру.

Пациент был на грани бреда. Он крутил головой и что-то бормотал. Задрав на нем рубашку, Элим был вынужден немедленно пересмотреть диагноз. Пространство от паха до груди покрывала сыпь.

Симптомы указывали на брюшной тиф. И эта болезнь была частой гостьей в регионе, ее вызывала бактерия *Salmonella typhi*, которая размножалась в стоячих водоемах. Тиф тоже не трагедия. Он хорошо лечился фторхинолонами, единственными оставшимися в больнице антибиотиками.

Надежда Элима на благополучный исход рассеялась, когда больной разлепил веки. На доктора уставились желтушные глаза. Скопившаяся в уголке левого глаза кровь медленно стекала по щеке мужчины.

– Всем выйти! – приказал Элим, замахав руками на медсестер.

– Что с ним? – поинтересовался приятель пациента.

– Освободите помещение.

Медсестры немедленно вышли, но молодой человек и не подумал подчиниться.

– Я его не оставлю.

– Придется.

– Ни за что.

Элим внимательно посмотрел на юношу. Что-то тут не так – видеочамера, гонор, приезд с непонятной целью...

– Как вас зовут?

– Лукас Тернер.

– Зачем вы сюда приехали, мистер Тернер?

– Он заболел...

– Нет, что вы делаете в Кении? И здесь, в Мандере?

– Раскрываем бизнес.

– Что-что?

– «Кузницу городов» – краудфандинг для городских властей, – заученно объяснил Лукас.

Элим покачал головой. Что за чушь он несет?

– Вы установили, что случилось? – спросил Лукас.

– Возможно. Вам следует покинуть помещение.

– Нет уж.

– Послушайте, у вашего друга крайне опасное заболевание. Вероятно, заразное. Вы очень рискуете.

– Что с ним?

– Я не...

– Но вы же что-то подозреваете? – перебил его Лукас.

Элим оглянулся, проверяя, все ли медсестры вышли.

– Марбург, – тихо произнес он. А когда Лукас никак не отреагировал, добавил: – Подозрение на Эболу.

Потное лицо Лукаса мгновенно побледнело, отчего стало совсем белым на фоне спутанных темных волос. Он глянул на распростертого друга и попятился из комнаты.

Элим подошел к столу и сказал:

– Я вызову помощь. Сделаю для вас все возможное, сэр.

Доктор стащил перчатки, швырнул их в мусорный бак и достал смартфон. Сделав снимок сыпи, попросил больного открыть глаза, щелкнул еще раз и отправил фотографии в Министерство здравоохранения Кении.

За дверями он проинструктировал медсестер, чтобы те никого, кроме него, в палату не выпускали. Через некоторое время доктор вернулся в защитной накидке, маске, бахилах и очках. Он также принес с собой единственное имевшееся у него и подходящее к случаю снаряжение.

Элим выставил на узкий деревянный столик три пластмассовых ведра. На каждом коричневой клейкой лентой была закреплена бумажка с краткой надписью – «рвота», «кал», «моча». Ввиду состояния пациента отделить одно от другого представлялось затруднительным, однако такие действия предписывал стандартный протокол на случай Эболы и сходных заболеваний. Элим не собирался отступать от протокола. Несмотря на нехватку лекарств и персонала, африканский доктор считал своим долгом обеспечить пациенту лучший уход.

Он протянул белому мужчине стаканчик с таблетками – антибиотиками для предотвращения вторичной инфекции – и бутылку с наклейкой «ПРР» – пероральный регидрационный раствор.

– Примите это, пожалуйста.

Нетвердой рукой мужчина опрокинул стаканчик с таблетками в рот и сделал глоток из бутылки, скривившись от неприятного вкуса.

– Я знаю. Вкус противный, но иначе нельзя. Вам требуется восполнить потерю жидкости.

В среднем от Эболы умирала половина заразившихся. Даже когда организм побеждал инфекцию, понос во время острой фазы нередко приводил к смерти от обезвоживания.

– Я скоро вернусь, – сказал Элим.

Выйдя за дверь, Элим снял комплект СИЗ – средств индивидуальной защиты. Запасов СИЗ не хватало, чтобы обеспечить безопасность всех работников больницы, ухаживающих за пациентом. Они отчаянно нуждались в пополнении снаряжения и подкреплении. А пока что больного следовало изолировать, а Лукаса поместить в карантин, пока не станет ясно, инфицирован он или нет.

Врач обдумывал план действий, когда его опять окликнула медсестра.

Он бросился в комнату, служившую приемным отделением, где обнаружил еще одного высокого белого мужчину, привалившегося к дверному косяку. Этот был заметно старше двух других, но, как и первый пациент, был бледен, потел и вонял поносом и рвотой.

– Прибыл с остальными? – спросил Элим.

– Не знаю, – прошептала сестра. – Его прислали прямо из аэропорта.

– Сэр, закатайте, пожалуйста, рубашку.

Высокий поднял полу, открыв взору обширную сыпь.

Элим сделал еще один снимок и отправил его в Министерство здравоохранения. А сестре сказал:

– Проводите его во второй смотровой кабинет. Не прикасайтесь к нему. Не подходите близко. Не задерживайтесь в помещении. И никого не выпускайте.

Доктор набрал номер Центра чрезвычайных ситуаций при Министерстве здравоохранения Кении. Когда ему ответили, доктор сказал:

– Я звоню из лечебно-диагностического центра Мандеры. У нас серьезная проблема.

Глава 2

Его избили. Это было первое, о чем он подумал, когда очнулся. Ноги болели; он прикоснулся к пульсирующей шишке на левой стороне черепа – и тут же отдернул руку.

Односпальная кровать, на которой лежал очнувшийся, была застелена. Просвечивающее сквозь тонкие занавески утреннее солнце слепило глаза, высекая новые искры боли в отяжелевшей голове.

Он прикрыл глаза и отвернулся.

Через несколько секунд попробовал снова открыть их. На тумбочке стояла серебристая лампа и лежал небольшой блокнот. Шапка гласила: «Отель „Конкорд“. Берлин».

Попытки вспомнить, как он сюда заселился, не увенчались успехом. Хуже того – он даже не знал, какой сегодня день. Или как попал в Берлин. Не помнил собственного имени.

Встав, он доковылял до туалетной комнаты. Ребра отзывались болью на каждый шаг. Мужчина вытащил синюю рубашку на пуговицах из брюк цвета хаки. Левый бок – сплошной кровоподтек, черный в середине, синий ближе к краям, красный на периферии.

Он посмотрел на себя в зеркало. Лицо физически крепкого, тренированного человека, высокие скулы. Густые светлые волосы до бровей, кончики слегка завиваются в кольца. Легкий загар, но судя по оттенку кожи и гладким ладоням, работал он в закрытых помещениях, в какой-нибудь конторе. Потрогал шишку на голове – большая, однако кожа не лопнула.

В кармане нашелся лишь клочок бумаги размером с визитную карточку: «Купон на 20-процентную скидку, химчистка „Качество за нормальные деньги“».

На обороте его, а может быть, чьим-то еще почерком были нацарапаны три строчки. Первая:

ФНГЙЛ ЗМ

Вторая:

7379623618

Третья строка состояла из трех ромбиков в скобках:

(<><><)

Какой-то код.

Голова болела слишком сильно, чтобы разгадывать загадки.

Мужчина оставил записку на столике ванной комнаты, вернулся в номер и прошел через спальню в гостиную, где остановился как вкопанный. На полу лежал человек с пепельно-бледным лицом. И не дышал.

Рядом с мертвецом у входа в номер валялся белый листок бумаги – счет за пользование номером в течение недели, включающий несколько доставленных блюд и напитков.

Счет был выписан на постояльца по имени Десмонд Хьюз. Человек немедленно понял, что это и есть его настоящее имя.

Лежащий на полу мертвый мужчина был высок и строен. Седые, редющие, коротко подстриженные волосы. Черный костюм, белая сорочка, но без галстука. Мощную шею охватывало кольцо ссадин.

Десмонд опустился на колени рядом с трупом и протянул руку, чтобы пошарить по карманам, но тут включился инстинкт самосохранения. Вытащив из-под стола корзину для бумаг, он вынул из нее и обернул вокруг своей руки пластмассовый мешок, чтобы не оставлять отпечатков пальцев или следов ДНК.

В карманах мертвеца нашлись бумажник и заправленное в жесткий пластик удостоверение сотрудника Rapture Therapeutics. Оно не сообщало занимаемую владельцем должность – одно лишь имя: Гюнтер Торне. Фото совпадало с бледным ликом лежащего на ковре мертвеца. Немецкое удостоверение личности и кредитные карты были выданы на то же имя.

Десмонд засунул документы обратно и осторожно отвернул полу пиджака, обнаружив черный пистолет в кобуре.

Десмонд присел на корточки, отчего сразу заныли ноги. Он поднялся, размял их, осмотрелся в номере. Номер был не самый худший. Причем недавно убран. Дальнейшие поиски не обнаружили никаких новых улик – ни багажа, ни вещей в шкафу Маленький сейф открыт и пуст. Туалетных принадлежностей и тех нет.

Он еще раз взглянул на счет. Телефонных звонков из номера не делали.

Что все это означает? Он что, приехал сюда только поесть и попить? Спрятаться? Или живет в Берлине? Если бы не труп Гюнтера Торне в гостиной, Десмонд давно бы позвонил в приемную и попросил вызвать неотложку. Увы, сначала надо разузнать, что к чему. А зацепка всего одна.

Он вернулся в туалетную комнату и снова взял клочок бумаги с непонятной серией букв и цифр. До него, наконец, дошел смысл скобок. В финотчетах они означали отрицательную величину – потери, вычеты из текущего баланса.

Откуда он это знал? Он что, разбирается в финансах?

Десмонд присел на кровать и взял с тумбочки блокнот. Выходит, ключ – вычитание? Уменьшение? Отрицательная величина?

В скобках помещались три ромба. Вычесть три? Да, последняя строка явно служила ключом, первые две – сообщением. В голове мелькнуло: да это же элементарный подстановочный шифр! Более того – шифр кесаря. Таким шифровал свои письма знаменитый Юлий Цезарь.

Десмонд отнял по три знака от каждой буквы и цифры:

СКАЖИ ЕЙ

4046390385

Если вставить дефисы, получался номер телефона:

404-639-0385

«Скажи ей» и номер телефона. О чем сказать? Десмонд взглянул на труп в гостиной. Может быть, Rapture Therapeutics отправили Гюнтера Торне не за ним, а за «ней»? Или все это никак не связано, и сам Десмонд устроил Гюнтеру ловушку? «Она» могла быть сообщницей Гюнтера. В любом случае, если ей позвонить, что-нибудь да прояснится.

Десмонд набрал номер.

На третьем гудке сонный женский голос ответил:

– Шоу слушает.

– Это... я. Десмонд. Десмонд Хьюз.

Женщина насторожилась.

– Привет.

– Привет. – Он не имел понятия, о чем говорить. – Ты... ждала моего звонка?

Женщина вздохнула. Что-то зашуршало. Видимо, она села на постели.

– В чем дело, Десмонд?

– Мы знакомы?

– Это не смешно, Дез, – ответила она печальным тоном.

– Послушай, ты не могла бы мне просто сказать, кто ты? Где ты работаешь? Пожалуйста.

Наступила пауза.

– Пейтон Шоу.

Когда он ничего не сказал в ответ, женщина добавила:

– Сейчас я работаю в ЦКПЗ. Эпидемиологом.

Из гостиной донесся уверенный стук в дверь, постучали три раза.

Десмонд насторожился. Часы на столе показывали семь часов тридцать четыре минуты утра. Для горничной слишком рано.

– Алло? – раздалось в трубке.

Опять троекратный стук, на этот раз громче. Низкий мужской голос произнес: «Polizei»².

– Послушай, Пейтон. Мне кажется, тебе грозит опасность.

– Какая еще опасность? О чем ты?

Опять троекратный стук в дверь – настойчивый, способный разбудить любого по соседству: «Polizei! Herr Hughes, bitte öffnen Sie die Tür»³.

– Я потом перезвоню.

Десмонд повесил трубку и подбежал к двери, не обращая внимания на боль в ногах. В глазок он увидел двух сотрудников полиции в форме и человека в черном костюме, скорее всего охранника отеля.

Охранник уже подносил к замку карту-ключ.

² Полиция (*нем.*).

³ Полиция! Господин Хьюз, прошу вас открыть дверь (*нем.*).

Глава 3

В Атланте доктор Пейтон Шоу села на кровати, прижимая к уху беспроводной телефон.
– Десмонд?

В ответ – тишина.

Пейтон повесила трубку, надеясь, что Десмонд еще позвонит.

Часы показывали тридцать четыре минуты второго. Наступало воскресенье; она была дома одна и легла спать три часа назад. Теперь сон как рукой сняло, и на душе стало тревожно.

Пейтон захотелось обследовать трехкомнатную квартиру, убедиться, что в нее никто не проник. Со времени переезда в Атланту еще двадцатилетней девушкой она жила одна и за редким исключением всегда чувствовала себя в безопасности.

Пейтон взяла сотовый телефон, встала с кровати и на цыпочках вышла из спальни. Каждые несколько секунд босые подошвы извлекали скрип из холодных деревянных половиц. Входная дверь закрыта и заперта на замок с ригелем. Дверь во вторую спальню, которую хозяйка использовала как кабинет, тоже закрыта, отделяя ее от просторной жилой комнаты и кухни – фотографии сцен эпидемий со всего мира действовали приглашенным в гости на нервы, поэтому хозяйка квартиры всегда держала эти двери закрытыми.

Пейтон выглянула из большого – от пола до потолка – окна вниз на пустынную в этот ранний час Пичтри-стрит. Сквозь стекло ощущался холод, стояла непривычно низкая для конца ноября температура.

Хозяйка квартиры подождала, надеясь, что телефон вновь зазвонит. Она десятки раз собиралась отключить стационарную линию, но кое-кто еще помнил ее номер, к тому же по непонятной причине наличие стационарной линии уменьшало счет за кабельное телевидение и интернет.

Пейтон запустила руку в длинные до плеч темные каштановые волосы. Она унаследовала от матери – наполовину китайки, наполовину немки – прозрачную, как фарфор, кожу. Что ей досталось от отца-англичанина, сказать было труднее – он умер, когда Пейтон едва исполнилось шесть.

Женщина плюхнулась на обтянутый серой тканью диван и поджала под себя озябшие ступни, пытаясь их согреть. Взяв сотовый, она совершила операцию, которую поклялась никогда больше не делать: открыла Google и ввела в поиск имя Десмонда Хьюза. Звук его голоса взбудоражил ее. Последние слова Десмонда – «ты в опасности» – до сих пор эхом звучали в голове.

Первый результат поиска – веб-сайт венчурной фирмы Icarus Capital. В разделе «Наши люди» Десмонд Хьюз значился как сооснователь и один из менеджеров компании. Самоуверенная, граничащая с высокомерием улыбка.

Щелкнув на «Инвестиции», Пейтон прочитала:

Говорят, нет лучше времени, чем настоящее. В Icarus Capital с этим не согласны. Мы считаем: нет времени лучше, чем будущее. Именно в него мы инвестируем – в будущее. А конкретно – в людей, которые его создают своими изобретениями. Ниже приведена небольшая подборка таких людей и компаний. Если вы тоже изобретаете будущее, свяжитесь с нами. Мы готовы протянуть руку помощи.

Пейтон быстро пробежала глазами список компаний – Rapture Therapeutics, Phaethon Genetics, Rendition Games, Cedar Creek Entertainment, Rook Quantum Sciences, Extinction Parks, Labyrinth Reality, CityForge, Charter Antarctica.

Ни одного знакомого названия.

Она щелкнула на следующий результат поиска – ссылку на видеозапись выступления Десмонда на конференции. Ведущий за камерой задал вопрос:

– Icarus инвестирует в пестрый набор стартапов – от фармацевтики и биотеха до виртуальной реальности, распределенных вычислительных систем и даже экстремального отдыха в местах вроде Антарктиды. Что их всех объединяет? Здесь собрались начинающие предприниматели. Скажите, что для вас в стартапе главное?

На сцене сидящий в кресле Десмонд поднес микрофон ко рту и заговорил неторопливо, но с заразительным воодушевлением. В уголках его губ играла легкая улыбка. Глаза смотрели в упор, не мигая.

– Как вы уже заметили, выделить конкретный тип компаний, который интересует Icarus, крайне трудно. Но можно сказать, что любая наша инвестиция представляет собой часть более крупного, скоординированного эксперимента.

Ведущий вскинул брови.

– Интересно. Какого такого эксперимента?

– Научного. Призванного ответить на очень важный вопрос.

– Какой?

– Почему мы существуем.

Модератор прикинулся пораженным и повернулся к зрителям:

– Всего-то?

В аудитории засмеялись. Десмонд тоже усмехнулся.

Он наклонился вперед, взглянул на ведущего и сосредоточился на камере.

– Ладно, положим многие из вас – здесь в зале и у экранов компьютеров – считают, что на этот вопрос легко ответить: мы существуем, потому что физические свойства нашей планеты поддерживают зарождение биологической формы жизни, и наше появление – неизбежность, продиктованная земной средой. Это верно, только почему так? Почему Вселенная поддерживает биологическую форму жизни? С какой целью? В чем состоит назначение человечества? Я уверен, что ответ на этот вопрос существует.

– Ух ты! Послушать вас, можно подумать, что вы верующий!

– Так и есть. Моя вера абсолютна. Я верю в то, что вокруг нас происходит великий процесс, общая картина которого доступна нам лишь в малых проявлениях.

– И вы думаете, что технологии, которые берется финансировать Icarus, позволят постичь эту истину?

– Я готов поспорить на собственную жизнь.

* * *

Пейтон снова задремала, как вдруг ее разбудил шорох в области прикроватной тумбочки. Она застыла от страха, прислушалась, но звук прекратился.

И опять – какое-то движение на крышке стола.

Дрожь.

Под лампой что-то светилось, слабый свет отражался от потолка.

Пейтон вздохнула, схватила свой мобильник и проверила время – 3:35 утра. Звонили с незнакомого номера, код страны – 41, Швейцария.

Она без дальнейших колебаний ответила на звонок.

– Пейтон, извини, что разбудил, – произнес Йонас Беккер.

Немецкий эпидемиолог возглавлял группу быстрого реагирования при Всемирной организации здравоохранения. Пейтон занимала похожую должность в Центре по контролю и профилактике заболеваний. Оба десяток раз работали вместе в зонах эпидемий, и за это время между ней и Йонасом сложились крепкие дружеские отношения.

- Ничего страшного, – ответила Пейтон. – Что случилось?
- Я только что отправил тебе сообщение электронной почтой.
- Погоди.

Босые ноги еще раз быстро зашлепали по деревянному полу. Прибежав в спальню-офис, Пейтон села за дешевый столик, запустила ноутбук, активировала VPN-связь и дистанционно подключилась к своему терминалу в ЦКПЗ.

К сообщению были прикреплены несколько фотографий, доктор внимательно рассмотрела каждую.

- Вижу, – наконец сказала она.

– Их несколько часов назад прислали из кенийского министерства здравоохранения. Снимки сделал врач сельской больницы в Мандере.

Пейтон никогда прежде не слышала о Мандере. Она открыла Google Maps и нашла местоположение городка – северо-восток Кении, на стыке границ с Сомали и Эфиопией. Хуже места для вспышки эпидемии трудно себе представить.

– Очевидно, какая-то разновидность геморрагической лихорадки, – продолжал Йонас. – В этом регионе распространен вирус Рифт-Валли. А также Эбола и Марбург. После вспышки Эболы в Западной Африке все относится к таким вещам крайне серьезно. Мне уже звонили из приемной генерального директора.

- Зарегистрированы пока только эти случаи? – спросила Пейтон.

– На данный момент – да.

– Что о них известно?

– Мало что. Все трое заболевших приехали из западных стран.

Пейтон насторожилась.

– Двое, что помоложе, – американцы, недавние выпускники Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл. Приехали в Кению по заданию какого-то стартапа. Третий – из Лондона, работает на британскую компанию, устанавливающую радиолокационные системы.

– Какого рода?

– Для управления воздушным движением. Заболел во время работы в аэропорту Мандеры.

– У них там есть аэропорт?

– Одно название. Всего несколько месяцев назад он представлял собой грунтовую взлетно-посадочную полосу. Правительство приложило руку: сделали твердое покрытие, установили оборудование поновее. Открытие состоялось на прошлой неделе.

Пейтон потеряла виски. Действующий аэропорт в очаге вспышки заболевания – кошмарный сценарий.

– Мы наводим справки насчет аэропорта: плотность полетов, кто приезжал на церемонию открытия, работают ли там другие иностранцы. Уже подключили англичан. Там сейчас восемь сорок утра, они свяжутся с родственниками и коллегами британца. Решать, помещать ли их в карантин, будем, когда станет известно, как давно он уехал в Кению.

Пейтон быстро прочитала текст сообщения, пометив для себя имена и фамилии двух американцев.

– Мы начнем отрабатывать американцев, посмотрим, не получится ли выявить хронологию: где они побывали, как долго находились в стране. Что еще можно сделать?

– Пока все. Кенийцы не просили о помощи, но, если дела пойдут, как в Западной Африке, помощь им понадобится – и не маленькая.

Это в первую очередь означало деньги и снабжение. Во время вспышки Эболы в Западной Африке ЦКПЗ отправил сотни сотрудников и предоставил снаряжение, в том числе средства индивидуальной защиты, тысячи мешков для трупов и несчетное количество полевых диагностических комплектов.

– Я поговорю с Эллиотом, – предложила Пейтон. – Подключим Госдеп и АМР⁴.

– И еще. У нас только что был инструктаж по мерам безопасности. Округ Мандера – очень беспокойное место. В этом районе действует террористическая группировка «Аш-Шабаб» – под стать ИГИЛ, не любят американцев. Если они пронюхают о вашем приезде... Мы прилетаем в Найроби сегодня поздно вечером, могли бы дожждаться вас, чтобы выехать на север Кении вместе в сопровождении местных военных.

– Мы вряд ли доберемся туда до воскресенья.

– Ничего, мы подождем. В Найроби тоже много дел.

– Прекрасно. Спасибо, Йонас.

– Счастливого пути.

Пейтон опустила телефон на стол и посмотрела на покрывавшую всю стену карту мира. Разноцветные булавки торчали практически из всех континентов. Почти все, кроме одной, обозначали места вспышек заболеваний. И только посреди национального парка Маунт-Эльгон на востоке Уганды, близ границы с Кенией, был воткнут серебряный значок в виде посоха с обвившей его змеей, традиционная эмблема медиков, Посох Асклепия, который часто рисуют внутри шестиконечной «Звезды жизни» на боку машин скорой помощи. Значок принадлежал брату Пейтон Эндрю. Именно он подвигнул ее начать карьеру эпидемиолога. Теперь Пейтон всегда брала значок с собой, когда отправлялась в экспедицию. Значок – все, что осталось от брата.

Пейтон сняла серебряную реликвию с карты, сунула в карман и воткнула булавку с красной головкой в карту на пересечении границ Кении, Сомали и Эфиопии, в то самое место, откуда сообщили о новой вспышке вирусной геморрагической лихорадки.

Она всегда держала наготове две заранее упакованные дорожные сумки, одну для западных стран, вторую – для стран третьего мира. Как только выдастся свободная минута, надо будет позвонить матери и сестре, сообщить, что летит в командировку. До праздника Благодарения оставалось четыре дня, предчувствие подсказывало, что вовремя вернуться не удастся.

И хотя в этом неприятно было признаться, Пейтон почувствовала облегчение. Кроме Мэдисон у нее не было сестер и братьев. Смерть брата сблизила их, однако с недавних пор любой разговор с Мэдисон сводился к расспросам, почему Пейтон ни с кем не встречается, и настойчивым предупреждениям, что ее шанс обзавестись семьей быстро уходит. В свои тридцать восемь лет Пейтон понимала разумность довода, но никак не могла решить, желает ли она завести семью. По сути дела, она вообще не могла сказать, чего хотела от жизни помимо работы. Работа и стала ее жизнью, и доктор ею очень дорожила. Пейтон нравились неожиданные ночные звонки, нравились тайна, которую таила в себе каждая новая вспышка эпидемии, и сознание, что ее нелегкий труд спасает людям жизнь, что ни секунды не уходит на пустяки.

И вот опять часы пущены, секунды бегут.

* * *

Человек, сидевший в машине на улице, проследил, как Пейтон выезжает из подземной парковки.

Заводя машину, он сказал по открытой связи:

– Объект в движении. Посетителей не было. Текстовых сообщений тоже. Один телефонный звонок – от напарника в ВОЗ.

⁴ Агентство международного развития США.

Глава 4

Десмонд увидел в «глазок», как охранник отеля подносит карту-ключ к дверному замку. Рядом с ним, уперев руки в бока, стояли два берлинских полицейских в форме.

Десмонд опустил щеколду, не позволяя двери открыться.

– Одну минуту, пожалуйста, – сказал он по-английски с показным раздражением. – Я не одет.

– Прошу вас поторопиться, мистер Хьюз, – произнес охранник.

Десмонд взглянул на мертвеца.

Разум быстро перебрал несколько вариантов действий. Вариант первый: вылезти в окно. Он подошел к высокому окну и осмотрел его. Этажей десять, не меньше, пожарной лестницы нет, иначе как в виде кляксы вниз не спуститься. Кроме того, окно, похоже, вообще не открывалось.

Вариант второй: дать деру. Шансы на успех никудышные. В его состоянии трудно растолкать трех человек, еще труднее соревноваться с ними в забеге на длинную дистанцию.

Оставался третий вариант: спрятать труп и заговорить зубы.

Но куда?

В гостиной стояли стол с офисным креслом, диван, стул и развлекательная система. Под высокими окнами за шторами длиной до пола находилась батарея отопления. Широкий проход с двойной дверью вел в спальню с двуспальной кроватью, двумя ночными столиками, еще одним окном, батареей под ним и кладовкой. Попасть в тесный санузел можно было только из спальни.

Десмонд быстро принял решение.

Когда он оторвал мертвеца от пола, тело пронзила боль. Ребра отозвались ножевыми уколами – такими резкими, что чуть не пресеклось дыхание. Мертвый был высок, почти одного с Десмондом роста – метр восемьдесят, но худ. В нем было килограммов семьдесят, а казалось, что все сто пятьдесят. Тело сковало трупное окоченение. Значит, Гюнтер Торне мертв уже несколько часов.

Возясь с трупом, Десмонд удивился, что знает такие подробности, как время наступления трупного окоченения. Однако больше всего его встревожило, что ему ни на секунду не пришла в голову мысль открыть дверь, впустить полицию и объясниться. Как будто потайной частью своего мозга он знал: полиции следует избегать; если факты выйдут на свет божий, ему несдобровать. Поэтому нужно оставаться на свободе, установить, что произошло.

Он вспотел и запыхался. Когда постучали еще раз, Десмонд обтер пот с лица, подскочил к двери и, чуть приоткрыв ее, опасливо выглянул.

– Да?

– Вы позволите нам войти, мистер Хьюз? – спросил охранник.

Если ответить «нет», это вызовет подозрения, и тогда от них не избавишься. Десмонд молча открыл дверь пошире.

– Чем обязан? – поинтересовался он.

– Нам позвонили насчет шума, – сказал полицейский, проходя в гостиную и не встречаясь взглядом с постояльцем. Он заглянул за диван, потом за стойку с развлекательным центром. Похоже, был у них старшим.

Через проем входа в спальню Десмонд заметил, что второй полицейский остановился перед закрытой дверью кладовой. Он приоткрыл ее и замер на месте. Окинув кладовку взглядом снизу доверху, полицейский повернулся к Десмонду:

– У вас что, нет багажа?

– Я уже отправил его вниз, – быстро соврал Десмонд, всем видом давая понять, что они зря теряют время. Надо перехватить инициативу, заставить их уйти. – Какой еще шум? Вы уверены, что не ошиблись номером?

Полицейский в гостинной закончил осмотр и наконец соизволил обратить внимание на Десмонда.

– Мистер Десмонд, вы приехали в наш город по делу или ради развлечения?

– По обеим причинам.

– В какой сфере вы работаете?

– В сфере технологий, – туманно ответил Десмонд. – Послушайте, мне грозят какие-то неприятности? Может, мне следует позвонить в американское посольство? – спросил он, повышая голос с каждой фразой. – Вы хотя бы скажете, что тут происходит?

– Как долго вы собираетесь оставаться в городе, мистер Хьюз? – гнул свое полицейский.

– Неделю. А вам какая разница?

Полицейский был непоколебим. Краем глаза он наблюдал за своим коллегой, который, положив руку на пистолет, осторожно протянул ладонь к ручке двери санузла.

Десмонд сменил тактику. Он быстро проговорил, обращаясь к охраннику:

– Я оставляю отзыв об этих безобразиях на вашем веб-сайте.

Глаза охранника расширились.

– Да-да! Как вам заголовочек: «Допросы в гестапо и говенный вай-фай»?

Охранник зыркнул на полицейского.

– Вы закончили?

Дверь санузла скрипнула. Через секунду там зажегся свет. Второй полицейский посмотрел на своего напарника и охранника. Все еще не снимая руки с пистолета, он быстро покачал головой.

– Закончили, – объявил полицейский в гостинной. – Извините, что побеспокоили, мистер Хьюз. Желаю приятно провести время в Берлине.

Все трое собрались у входной двери. Охранник взялся за ручку – и вдруг тишину разрезал скрип кожи, трущейся о стекло. Наступила тишина, тройца застыла на месте, дружно повернулась в Десмонду. У него за спиной, повинаясь силе тяготения, труп Гюнтера Торне рухнул на пол. Десмонд прислонил мертвеца в углу к оконному стеклу и прикрыл его шторой, но тот не устоял. На секунду лицо трупа задержало стекло, потом тело наткнулось на батарею отопления и с глухим стуком упало на пол.

Десмонд не стал медлить. Он бросился вперед, покрыв расстояние до трех человек меньше, чем за секунду, и вложил в удар правой всю силу, попав стоявшему справа полицейскому в скулу под глазом. Голова блюстителя порядка откинулась и ударилась о железную прилолку. Он сразу же отключился.

Десмонд корпусом врезался в стоявшего между полицейскими охранника, прежде чем тот успел вскинуть руки. Второй полицейский успел достать пистолет, но Десмонд сделал быстрый разворот на 180 градусов и шарахнул полицейскому локтем в лоб. Тот врезался в деревянную дверь и, потеряв сознание, клюнул носом, уронив оружие. Десмонд подхватил с пола пистолет и направил его на охранника.

– Руки перед собой. Отойди от двери.

Охранник разжал дрожащие ладони.

– Я тебя не трону, если не будешь орать. Ясно?

Охранник кивнул.

– Почему они пришли?

– Вроде бы... им позвонили.

– Кто?

Тот лишь покачал головой.

- Не знаю.
- Кто звонил?
- Они сказали – звонок анонимный.
- В фойе есть полиция?
- Я не...
- Не ври! – Десмонд приподнял ствол.
- Охранник зажмурился.
- Приехали на двух машинах. Я не знаю, кто остался, а кто нет.
- Повернись!
- Охранник не пошевелился.
- Кому сказано!

Тот медленно повернулся, не в силах унять сильную дрожь. Десмонд ударил его по голове рукояткой пистолета. Охранник рухнул на пол.

Десмонд оттащил его подальше от двери, вынул магазин, убедился, что в патроннике нет патрона и пистолет на предохранителе. Он сунул оружие за пояс под рубашкой и забрал у полицейских запасные магазины. У младшего полицейского он также позаимствовал служебное удостоверение, а у охранника – рацию. Воткнув в ухо прозрачный наушник, Десмонд некоторое время слушал переговоры на служебном канале. Они велись вяло и по-немецки, но Десмонд почти все понимал.

Пора решать – лестница или лифт, парадное или черный ход.

Каждый путь отхода имел свои преимущества и недостатки. Если бежать вниз по лестнице, возникнут подозрения у тех, кто следит за камерами наблюдения, как и попытка выйти через черный ход. Остаются лифт и парадное.

Десмонд подсчитал все деньги, которые смог найти, – 312 евро. Беглецу деньги пригодятся; ему в любом случае вменят сопротивление аресту, нападение на офицера полиции и, возможно, убийство, так что ограбление, рассудил он, не сильно отяготит его участь.

В коридоре Десмонд спокойно подошел к лифту и нажал кнопку вызова. Через несколько секунд дверь открылась. В кабине стояла седоволосая женщина, не обратившая на него никакого внимания.

Пока он спускался, по рации никто не болтал. Дверь лифта открылась на нижнем этаже. Десмонд отступил в сторону, пропуская женщину.

По рации кто-то по-немецки спросил:

– Герхард, ты еще в тысяча двести седьмом?

Десмонд пристроился за женщиной.

– Герхард, ответь!

У вращающейся двери стояли и болтали два улыбающихся полицейских в форме. Расстояние – шесть метров. Заметив Десмонда, они замолчали и уставились на него.

Глава 5

Пейтон прибыла в штаб-квартиру ЦКПЗ к четырем утра. Административный комплекс, официально находящийся в Атланте, на самом деле был расположен за чертой города, на северо-западе, в зажиточном районе Друид-Хиллз округа Декалб. Предтеча ЦКПЗ был открыт в Атланте по простой причине – из-за малярии. В то время, в июле 1946 года, это заболевание доставляло здравоохранению Америки больше всего забот, особенно во влажных жарких юго-восточных районах. Размещение штаб-квартиры прямо в центре рассадника малярии давало организации существенное преимущество.

Когда Пейтон только-только начинала работать в ЦКПЗ, войти в здание можно было, попросту вставив карту в сканнер. Теперь на входе просвечивали рентгеном и обыскивали. Безопасность, конечно, хорошее дело, но ей не терпелось попасть на рабочее место и приступить к работе. На счету была каждая секунда.

Миновав кордон охраны, Пейтон направилась в Центр чрезвычайных операций ЦКПЗ – командный пункт организации, реагирующий на вспышки эпидемий. Главный зал ЦЧО напоминал Центр управления полетами НАСА. Весь этаж был заполнен рядами связанных между собой рабочих столов с плоскоэкранными мониторами. На экран шириной во всю стену была выведена карта мира с индикаторами, показывающими состояние текущих операций. В ЦЧО могли одновременно работать 230 человек сменами по восемь часов – вскоре центр будет гудеть, как потревоженный улей. Но даже в столь ранний час больше десятка сотрудников уже сидели за столами, делая звонки и вводя результаты опросов.

Пейтон поздоровалась с теми, кого знала лично, спросила, нет ли каких новостей. В конференц-зале ЦЧО пока не горел свет, но объявление на дверях возвещало, что полный сбор персонала по очагу заболевания в Мандере назначен на восемь утра.

Маркеры разного цвета на стене показывали текущую степень реагирования на чрезвычайную ситуацию. Степеней было три: первая, красная, была самая критическая. За ней шла желтая, третьей степени соответствовал зеленый цвет. Маркер на стене был желтый, что означало: ЦЧО и управление чрезвычайных операций ЦКПЗ вызвали персонал из дома и готовы оказать активную поддержку в ликвидации вспышки заболевания. Пейтон была рада это видеть.

Доктор начала готовиться к командировке в своем кабинете. В дорожной сумке лежало все необходимое: одежда, туалетные принадлежности, спутниковый GPS-навигатор, крем от загара, халаты, перчатки, защитные очки, переносной проектор и, главное, полевые сухпайки. Пайки с готовой едой – крайне важная деталь при проведении операций в зараженных зонах третьего мира, нередко местная вода и пища содержали тот самый патоген, с которым приходилось вести борьбу.

Пейтон спешно отправила заказы на прочие материалы, которые понадобятся ее команде в Мандере: лекарства от типичных заболеваний региона, противомоскитные сетки, средства от насекомых, адаптеры-насадки для смартфонов, позволяющие звонить и передавать данные по спутниковой связи. Возможность делать снимки в полевых условиях и немедленно передавать их в лабораторию значительно улучшила скорость реагирования на вспышки болезней и спасла жизнь многим людям.

Затем Пейтон принялась готовить для своей команды комплекты документации: распечатала карты Мандеры и прилегающих районов, составила списки контактов в кенийском офисе ЦКПЗ, посольстве США, ЦЧО, представительстве ВОЗ в Кении, а также местном Министерстве здравоохранения и общественной гигиены. Она разыскала опросник, которым пользовалась во время эпидемии Эболы в Западной Африке, внесла в него несколько поправок для нового региона и распечатала сотни копий. Некоторые эпидемиологи отстаивали электронный

режим работы в полевых условиях, но Пейтон предпочитала старые добрые бумажные формуляры: они не ломались, у них не садилась батарейки, дорожных грабителей картонные папки интересовали гораздо меньше, чем электронные планшеты. Бумага не подводила.

Оставалось принять последнее серьезное решение: кого посылать?

В дверь кабинета тихо постучали. Обернувшись, Пейтон увидела прислонившегося к дверному косяку начальника, Эллиота Шапиро.

– Привет, – поздоровалась она.

– Как ты умудряешься всегда прибывать на место так быстро?

– Сплю с одним открытым глазом.

– Ага, – улыбнулся Эллиот. – Чем занята?

– Подбором персонала.

– Молодец. Фотографии видела?

– Да.

– Скверное дело.

– Очень. Нам бы следовало быть уже на месте. Если вирус дойдет до Найроби, возникнут большие проблемы.

– Согласен. Я сделаю пару звонков. Посмотрим, получится ли отправить вас пораньше.

– Спасибо.

– Если буду нужен – звони, – сказал напоследок Эллиот и вышел из кабинета.

– Хорошо.

Пейтон разыскала в справочнике ведомственной сети номер коллеги, с которым прежде не встречалась, – Джозефа Руто. Руто руководил операциями ЦКПЗ в Кении. Под его началом там работали 172 человека – частью граждане США, частью принятые на работу в агентство местные кенийцы. Большинство персонала находилось в офисе ЦКПЗ в Найроби, откуда поддерживало тесную связь с Министерством здравоохранения Кении.

Пейтон внимательно прочитала несколько подготовленных Руто отчетов. Она уже хотела было позвонить их автору, но тут ей пришла в голову мысль, что двух больных американцев еще можно спасти. Быстро проверив данные, Пейтон убедилась, что такая возможность ей не померещилась. Этим же способом можно было предотвратить проникновение патогена в столицу Кении.

На пороге снова возник Эллиот.

– Мне улыбнулась удача – ВВС подбросят вас до Найроби.

– Отлично.

– Не первый класс, конечно. Самолет – транспортный, для перевозки войск и грузов. Подберут вас на авиабазе резерва ВВС Доббинс, в час тридцать. Это в Мариетте⁵. По федеральной автостраде 75/85 до развилки, съезд 261. Заблудиться невозможно.

В эпоху навигаторов на смартфонах Эллиот по-прежнему предпочитал объяснять дорогу на словах, даже если путь лежал в места, где Пейтон бывала прежде. Она никогда не высказывала недовольства. И на этот раз лишь кивнула и что-то черкнула на бумажке. Видимо, это было связано с возрастом: Эллиот не вырос с мобильником возле уха и Google Maps под рукой. Пейтон привыкла к причудам начальника и относилась к ним с участием.

– Раз уж зашла речь о самолетах, – сказала она, – хочу спросить, как ты отнесешься к такому предложению. Один из американцев, Лукас Тернер, прибыл в Мандеру без симптомов. Если исходить из того, что Тернер находился с больным в близком контакте и это действительно геморроидальная лихорадка, он, вероятнее всего, тоже заболеет.

– Резонно.

⁵ Город в штате Джорджия.

– Я хочу заранее подготовить специальный план ухода и лечения. Если Тернер заразился, в Мандере его не вылечить. Можно, конечно, отправить в больницу Дэни-Бич или государственную больницу имени Кеньятты в Найроби, однако мне ни та, ни другая не нравится: мы рискуем распространить инфекцию на местный персонал и по всему региону.

– Хочешь вывезти его в Штаты?

– Хочу.

Эллиот приподнял брови.

– Ты чего придумала?

– Я предлагаю, чтобы одновременно с нами в Найроби вылетел санитарный самолет и ждал наготове в Мандере. Если у Тернера сильно поднимется температура, отправим его в Эмори.

Больница Университета Эмори находилась поблизости от ЦКПЗ на Клифтон-роуд. Персонал центра мог легко добраться до нее пешком. В больнице имелся специальный изолятор, позволявший содержать пациентов с лихорадкой Эбола и прочими биопатогенами четвертого уровня риска. В США имелось всего четыре таких объекта. Их с большим успехом использовали для лечения американских граждан, заразившихся Эболой во время эпидемии 2014 года.

– Ну, не знаю... Эвакуировать в США пациента с неопознанным инфекционным заболеванием? Стоит этой новости просочиться, пресса всех до смерти перепугает.

– Эвакуация может спасти парню жизнь. Тем же самолетом мы доставим взятые у инфицированных кровь, слюну и пробы тканей. Проанализируем их в нашей специальной лаборатории четвертого уровня. В таком случае образцы и анализы не попадут в Найроби, инфекция не произведет в Кении панику, огласка им тоже ни к чему. Мы не только спасем жизнь больного, но и гораздо быстрее разберемся, с чем имеем дело.

Эллиот покивал головой и с шумом выдохнул воздух.

– Сначала надо получить разрешение директора. Если что-то пойдет не по плану, это ему придется разгребать навоз и общаться с прессой. С моей, конечно, помощью.

– Спасибо.

– А как насчет второго американца?

– С ним дело хуже. Он прибыл в Мандеру уже в критическом состоянии, я против его эвакуации в США: полет займет восемнадцать часов, а то и больше, он может скончаться по дороге. Этому пациенту остается надеяться, что организм сам справится с инфекцией. Я захвачу с собой ZMapp.

ZMapp – единственное известное лекарство от Эболы. Оно помогло вылечить нескольких медиков, подхвативших заразу в 2014 году, но его клинические испытания на людях пока не проводились. О побочных эффектах никто ничего не знал.

Эллиот кивнул.

– Если хочешь, я возьму у членов его семьи письменное разрешение на использование препарата.

– Да-да, пациент может оказаться в таком состоянии, что не сможет дать его сам.

– Родственников я разыщу. – Эллиот бросил взгляд на разбросанные по столу бумаги. – Команду себе набрала?

– Почти. Готов к совещанию?

– К таким вещам, сколько кофе ни пей, невозможно подготовиться.

Глава 6

Шагая по мраморному полу фойе, Десмонд догадался, почему на него смотрели полицейские. Он первым посмотрел на них. Природный инстинкт подсказывает человеку ответить взглядом на пристальный взгляд, и у блюстителей порядка это свойство, должно быть, развито особенно остро. Люди в полицейской форме чувствуют преступников и угрозу буквально кожей.

Седоволосая женщина оказалась довольно немощной, она шла по фойе медленно, с одышкой. Десмонд отвел взгляд от полицейских, сделал шаг в сторону и бодро обогнал старушку. Она направлялась в другую сторону от вращающегося стеклянного турникета – к обычной двери с серебристой полосой поперек. Посыльный за стойкой что-то искал на доске с ключами, не обращая внимания на приближающегося посетителя.

Десмонд распахнул дверь и, окунувшись в холодный ноябрьский воздух, пропустил старуху вперед.

– Vielen Dank⁶, – прошамкала та, проходя мимо.

Десмонд открыл перед женщиной дверцу такси, а сам сел в следующую машину.

Полицейские все еще находились в отеле, но радиообмен на канале охраны вдруг взорвался лихорадочной активностью: в любую минуту кого-нибудь могли послать на поиски Герхарда. Вместо одного охранника они обнаружат целых четыре недвижимых тела, одно из которых уже никогда не пошевелится.

Водитель такси спросил по-немецки, куда ехать, из чего Десмонд сделал вывод, что в отель редко заглядывали иностранные туристы и бизнесмены и обслуживал он в основном немцев. Еще одна подсказка, еще одна частица мозаики, позволяющая установить, кто он и что делал в Берлине.

Десмонд чуть не ответил «Bahnhof» – «На вокзал», однако вовремя прикусил язык. Когда обнаружат избитых полицейских и мертвеца, объявят общегородскую облаву. Охрану вокзалов и аэропортов – а возможно, автострад и речных маршрутов тоже, – резко усилят.

Надо все обдумать, разузнать побольше о том, что с ним случилось. Ответ, вероятно, следовало искать здесь же, в Берлине.

Десмонд по-немецки попросил водителя просто ехать прямо.

Машина не сдвинулась с места. Таксист с недовольным видом посмотрел на пассажира в зеркало заднего вида. «Нужен адрес», – сказал он по-английски.

– Пожалуйста, поезжайте. Я с подружкой поругался, мне нужно немного проветриться. Хочу осмотреть город.

Водитель включил счетчик и отъехал от отеля. Десмонд с облегчением вздохнул.

Следующий вопрос: куда теперь? Главное, не болтаться на улицах. У приехавших с проверкой блюстителей порядка явно не было описания его примет, иначе полицейские в фойе его сразу бы опознали. Очевидно, охранник не соврал – кто-то действительно сделал анонимный звонок насчет шума в номере. Но кто? А может быть, искали Гюнтера Торне? Если его гибель наделала много шума, полицию мог вызвать обитатель соседнего номера.

В машине память Десмонда выдала картинку-воспоминание: он идет через какой-то склад, звуки шагов на бетонном полу отзываются эхом. Высоко над головой – металлические фермы, проходы уставлены квадратными кабинками, обмотанными молочно-белым пластиком. До ушей доносится тихое, регулярное попискивание электрокардиографов. В отдельных кабинках стоят больничные кровати. У постелей пациентов различного цвета кожи, разного пола и возраста висят пластиковые мешочки с прозрачной жидкостью. Как эти люди оказались в странной, наскоро оборудованной больнице?

⁶ Большое спасибо (нем.).

Кабинки проверяют сотрудники в защитной одежде. В проходе стоит каталка, доверху нагруженная трупами в черных мешках. Двое работников выносят из ячейки очередной мешок с телом и бросают его на верх кучи.

На Десмонде такой же защитный костюм. В нем жарко. Ощущение замкнутого пространства вызывает отвращение, он с нетерпением ждет, когда костюм можно будет снять.

Память поплыла – вот он уже стоит в офисе с окнами из прессованного стекла, из которых открывается вид на ряды закутанных в белый пластик кабинок. В помещении толпятся люди, все стоят к нему спиной, смотрят на огромный экран с картой мира. Главные города отмечены красными точками. Весь экран покрыт кривыми линиями, соединяющими города, – маршрутами авиарейсов. Стоящий рядом светловолосый мужчина со шрамами на лице нетопливо произносит:

– Очень скоро мир станет другим. Не сбейся с пути. Ближайшие несколько дней будут самыми трудными в твоей жизни. Но когда все закончится, мир поймет истину – что мы спасли человеческий род от вырождения.

Воспоминание оборвалось так же внезапно, как появилось. Десмонд по-прежнему сидел в берлинском такси, за окном мелькали городские улицы.

Он остро ощутил, что пора определиться, что предпринять дальше. Нужно побольше разузнать о городе. Он вытащил из кармана бумажку в двадцать евро и просунул ее за пластмассовый барьер безопасности.

– Вы бы не могли рассказать мне немного о Берлине? Я здесь впервые.

Водитель, колебавшись, заговорил. Пожилой берлинец с гордостью рассказывал о своем городе, который почти тысячу лет играл ключевую роль в европейской истории.

Десмонд расспрашивал его о планировке, маршрутах въезда и выезда, крупнейших районах, их характере. Водитель завелся, говорил почти без передышки, охотно отвечал на вопросы.

Берлин растянулся на 880 квадратных километров, по площади он больше Нью-Йорка и в девять раз больше Парижа. Он представлял собой одну из шестнадцати федеральных земель и состоял из двенадцати городских районов. Каждым из них управлял совет из пяти человек с мэром во главе.

Десмонд отнес эти сведения к разряду хороших новостей. Берлин был огромен, в таком месте легче скрыться от преследователей.

Таксист поведал, что новый Hauptbahnhof⁷ является крупнейшим железнодорожным вокзалом Европы, что в городской черте протекают несколько рек, а мостов – свыше 1700 – больше, чем в Венеции. В городе пользовались популярностью речные туры, во многие места можно было попасть по воде.

Десмонд поинтересовался туризмом. До падения Берлинской стены в 1989 году водитель проживал в восточной части города. Он с радостью отметил, что с тех пор Берлин стал главным туристическим центром Германии, одним из трех крупнейших во всей Европе. За последний год в городе с коренным населением три с половиной миллиона побывали почти тридцать миллионов гостей. Нашествие туристов вызвало напруг на рынке жилья, местным жителям стало трудно снимать приличные квартиры. Многие риелторы и прочие оборотистые типы подписывали аренду квартир на год и больше, а потом сдавали их туристам на веб-сайтах типа Airbnb. Городскому сенату недавно пришлось принять закон, обязывающий квартиросъемщиков ставить владельца жилья в известность о субаренде. И все равно из двенадцати тысяч сдаваемых в субаренду квартир зарегистрированы и сдаются в законном порядке меньше трети.

Десмонд прокрутил в уме услышанное, и у него созрел план. Он вынул из кармана единственный предмет из прошлой жизни – купон химчистки. Десмонд прикинул, не попросить

⁷ Главный вокзал (нем.).

ли водителя отвезти его по адресу, но полиция могла быстро разыскать таксиста и установить место высадки. Для начала следовало замести следы.

– Что в Берлине больше всего притягивает туристов?

– Бранденбургские ворота. Или, может быть, рейхстаг. Они недалеко друг от друга, так что без разницы.

– Высадите меня там, хорошо?

Через пятнадцать минут Десмонд расплатился с таксистом и вылез из машины. В нее тут же сел новый пассажир. «Будьте осторожны», – пожелал на прощание водитель и укатил прочь.

От Бранденбургских ворот Десмонд быстрым шагом дошел до Тиргартена, старейшего в Берлине и одного из самых крупных в Германии городского парка площадью больше двух квадратных километров. Некогда здесь находились охотничьи угодья берлинской знати, с тех пор парк оставался нетронутым. Десмонд прошел его насквозь по пешеходной дорожке и, выйдя на Тиргартенштрассе, остановил рикшу. Покатавшись двадцать минут, он заметил еще одного рикшу, из коляски которого вылезал пассажир. Десмонд остановил водителя, казалось, не ведавшего усталости, расплатился и пересел к другому рикше. Прodelав маневр еще раз, он взял такси и показал водителю купон химчистки.

– Вам знаком этот адрес?

Таксист кивнул.

– Это в Веддинге, район Митте.

– Где-где?

– В центре города.

– Отлично. Едем туда.

Через двадцать минут Десмонд стоял перед химчисткой – узким помещением с фасадом из прессованного стекла. Дома в этом районе выглядели запущенными, но на улицах бурлила жизнь: на тротуарах толпились местные молодые люди и иммигранты со всего мира. Над ними в воздухе висело облако табачного дыма, еще выше края крыш облепили спутниковые тарелки. Из открытых окон второго этажа доносились звуки радио- и телепередач на иностранных языках – похоже, арабском и турецком.

За стойкой химчистки сидел и зашивал рубашку низкорослый лысый азиат в круглых очках. Хозяин салона отложил в сторону шитье, поднялся с табуретки и коротко кивнул Десмонду.

– Я пришел забрать свои вещи.

– Ярлык?

– У меня нет ярлыка.

Азиат сел за компьютер, стоящий на стойке.

– Имя?

– Десмонд Хьюз.

Десмонд повторил свое имя по буквам.

– Удостоверений?

Десмонд промолчал, размышляя, как лучше отреагировать.

– Удостоверений нет – вещь нет, – сказал азиат.

Десмонд извлек удостоверение сотрудника полиции, которое взял у полицейского в номере.

– Я веду следствие. Мы разыскиваем человека по имени Десмонд Хьюз.

Азиат слегка вскинул руки.

– Хорошо-хорошо.

Хозяин лавки повторил за ним имя, проверил его по буквам, ввел в компьютер и покачал головой.

– Ничего нет. Десмонд Хьюз нет.

Десмонд засомневался. Может быть, он неправильно истолковал намек, и в химчистке ему следовало не забирать вещи, а с кем-то встретиться?

– Сколько человек здесь работают?

Азиат заметно испугался.

– Нисколько. Один я.

– Послушайте, это не имеет никакого отношения к вашему заведению или работникам. У вас здесь есть еще кто-нибудь, с кем бы я мог поговорить?

– Нет. Никого нет.

Десмонд оглянулся через плечо на стеклянный фасад – мимо лавки проезжала патрульная машина полиции. Он отвернулся, дожидаясь, пока та скроется из виду.

Из хозяина салона невозможно было вытянуть хоть еще одно слово. Может быть, купон оказался у Десмонда случайно и не имел отношения к тому, кто он и что с ним происходило?

– Ладно, благодарю вас. Вы мне очень помогли, – наконец сдался он.

Десмонд передвигался по улице вместе с группами прохожих, стараясь не оказываться в прямой видимости людей, находящихся в проезжающих мимо машинах. Через два квартала он заметил магазин сотовых телефонов, где приобрел одноразовый смартфон. В Европе ими пользовались все, туристы и временные рабочие нередко таким образом экономили на роуминге. Покупка телефона и предоплаченной сим-карты заметно сократила запас наличных. Скоро деньги закончатся. Десмонд сделал мысленную пометку пользоваться мобильником только в крайних случаях, пока не решит проблему финансов.

Он купил у уличного торговца донер-кебаб, с жадностью проглотил его и нырнул в переполненное кафе с бесплатным вай-фаем. Убедившись, что поблизости нет видеокамер наблюдения, способных отследить его действия и разговоры, заперся в одиночной туалетной кабинке. Инстинкт подсказывал сделать поиск в интернете на свое имя, раскопать тайну собственного происхождения и посмотреть, кто такая Пейтон Шоу. Но сначала следовало позаботиться о выживании, перестать светиться на улицах.

Таксист был прав. В Берлине сдавалась целая куча квартир на одну ночь и больше, однако многие веб-сайты типа Airbnb требовали регистрации и оплаты кредитной картой. Не пойдет. Он нашел сайт, на котором владельцы жилья сами оплачивали размещение вакансий, и начал отмечать подходящие варианты. В Веддинге нашлось несколько пригодных квартир – по большей части обшарпанных, зато дешевых.

Десмонд набрал номер одной из них поблизости. Недолго думая, он затараторил с новоанглийским акцентом, очень непохожим на его собственный нейтральный выговор жителя Среднего Запада.

– Ой, привет! Это вы сдаете квартиру на Амстердамер-штрассе?

– Да, я, – ответил невыразительный женский голос.

– Она свободна на ближайшие три дня?

– Да.

– Чудесно, чудесно. Знаете ли, я в Берлине по делам и не отказался бы от помощи. Приехал на поезде, проснулся, а все мои вещи – тютю, все подчистую – багаж, ноутбук, бумажник, паспорт, деньги, кредитные карты, все пропало. Эти твари даже обручальное кольцо с пальца сняли.

– Какой ужас, – вяло удивилась женщина.

– Жена прислала мне немного денег, я ищу место, где остановиться. Мы можем встретиться? Вот увидите – у меня честное лицо! – Десмонд издал придурковатый, нервный смешок под стать назойливому акценту.

– Хорошо.

Хозяйка квартиры сказала, что сможет показать квартиру только через три часа. Десмонд согласился и дал отбой. Похоже, толкаться на улицах больше не придется.

Он открыл браузер и прочитал заголовки ведущих немецких новостных порталов. «Бильд» о нем ничего не сообщала, зато новостная строка поверх шапки «Шпигель онлайн» вопила:

Берлинская полиция объявила общегородской розыск американца, подозреваемого в убийстве и нападении на двух полицейских.

Десмонд кликнул на линке и прочитал статью. Охотой управляло Landeskriminalamt⁸, сокращенно ЛКА, – управление полиции, отвечающее за расследование серьезных преступлений и проведение облав. ЛКА координировало действия нескольких подразделений. Прочитав их перечень, Десмонд расхотел оставаться в городе.

Spezialeinsatzkommando, или оперативная группа особого назначения, ожидала в полной готовности к проведению рейдов по вызову. Mobiles Einsatzkommando – члены подвижной оперативной группы ЛКА – направлялись для усиления розыска во все районы города. Wasserschutzpolizei – речная полиция – вела наблюдение за водными магистралями. Zentraler Verkehrsdienst, или дорожная полиция, задействовала для поиска беглеца патрули на улицах и автострадах (Autobahnpolizei). Даже Diensthundeführer, кинологи из Конкорда, вынюхивали его след.

Чтобы найти подозреваемого, полиция Берлина была готова перевернуть город с ног на голову.

Хотя в статье упоминалось его имя, никакие подробности биографии не приводились. Это одновременно и радовало, и удручало. Им будет труднее его найти, но кто он такой, по-прежнему оставалось загадкой.

Десмонд открыл на смартфоне приложение с картами и нашел нужный адрес. Несмотря на объявленный розыск, Веддинг выглядел как подходящее место, чтобы на время затаиться. И все-таки беглеца не покидало ощущение, что он упустил какое-то важное звено и ключ к разгадке ребуса следует искать в химчистке.

* * *

Магазин секонд-хенда находился в трех кварталах. Десмонд повесил два наряда на дверь примерочной – оба турецкого производства и менее броские, чем его собственные брюки цвета хаки и офисная рубашка.

Спустив брюки, он замер как истукан. От ступней до колен его ноги обвивали ожоговые шрамы. Сливочно-белые прожилки нарощеного мяса напоминали древесные корни. Шрамы были старые и свидетельствовали о каком-то ужасном происшествии. Десмонда страшно раздражала собственная неспособность вспомнить, какой такой пожар опалил ему ноги. Он осмотрел все свое тело. С правой стороны повыше лобка и пониже линии ребер обнаружился круглый выпуклый шрам. Зажившая огнестрельная рана? По туловищу и рукам были разбросаны шрамы-черточки меньших размеров – очевидно, следы ножевых ранений. В номере отеля его настолько занимала ссадина на левой стороне головы, что он больше ни на что не обратил внимания. Теперь ему не терпелось узнать, откуда он явился и что за образ жизни вел в прошлом.

Пока он задумчиво смотрел в пол, его внимание привлек розовый ярлычок, приколотый скрепкой к инструкции для стирки с изнаночной стороны брюк. Точно такие же ярлычки он видел всего час назад на пластиковых мешках с одеждой... в химчистке!

Ярлык заказа нашелся.

⁸ Земельное управление криминальной полиции (нем.).

Десмонд аккуратно отцепил его и тщательно обыскал рубашку и брюки, но больше ничего интересного не обнаружил. Он продал свою одежду магазину: ему требовались деньги, да и полиция наверняка уже имела его фотографии в старом наряде. Объявление на входе уверяло, что все вещи перед выставлением на продажу проходят тщательную чистку. Оставалось надеяться, что так оно и было, иначе собаки могли взять след прямо в магазине. На вырученные деньги он купил бейсбольную кепку, солнечные очки и рюкзак. В примерочной Десмонд сложил в рюкзак все свое имущество – запас одежды и запасные обоймы от полицейского пистолета.

Через десять минут Десмонд вновь стоял на пороге салона химчистки. Прежнего азиата не было на месте, за стойкой сидел молодой парень, тоже азиатской внешности. Склонившись над учебником, он делал в нем пометки карандашом.

Десмонд вошел и молча пододвинул ярлык к приемщику. Парень прошел вдоль ряда мешков с одеждой, несколько раз сверяясь с ярлыком. Через несколько минут он, качая головой, вернулся за стойку.

– Вы забираете с опозданием. Придется оплатить штраф.

– Сколько?

– Три евро в сутки.

– Насколько я опоздал?

Деньги и так подходили к концу, их едва хватало заплатить за три дня аренды паршивенькой квартирки, а до встречи с хозяйкой оставалось меньше часа.

Парень поискал в компьютере номер ярлыка.

– Заказ был готов две недели назад. Сорок два евро плюс оплата самой чистки. Вместе с налогами – пятьдесят пять.

Если соглашаться, оставшихся денег не хватит заплатить за три ночи. Десмонд прикинул, не козырнуть ли опять полицейским удостоверением. Нет, могли возникнуть проблемы. Он предпочел молча отсчитать деньги и терпеливо ждать, пока приемщик копался где-то в глубине салона, как показалось – целый час.

Приемщик появился с прозрачным мешком, надетым поверх дорогого на вид темно-синего костюма. Десмонд едва удержался, чтобы не разодрать мешок и не обследовать содержимое прямо в салоне. Время, назначенное хозяйкой квартиры, быстро приближалось, поэтому он закинул костюм на плечо и отправился к месту встречи.

У потрепанного трехэтажного здания Десмонд застал молодую женщину лет тридцати с сигаретой. На ступеньках перед входной дверью сидели четыре смуглых подростка и о чем-то спорили на незнакомом языке.

– Вы и есть Ингрид? – спросил Десмонд, продолжая имитировать новоанглийский акцент.

– Да.

Женщина затушила сигарету и пожала угодливо протянутую руку.

– Меня зовут Питер Уилкинсон. Это я говорил с вами по телефону. Как я рад, что вы согласились встретиться так быстро!

Хозяйка повела его наверх по извилистой узкой лестнице. Квартира оказалась крохотной, зато чистой.

– Превосходно! – воскликнул Десмонд. – Видите ли, костюм – фактически все, что у меня осталось. Костюм нужен мне для завтрашней встречи. Вдобавок, – хихикнул он, – у меня кончаются деньги.

Женщина покачала головой.

– Без предоплаты вы здесь не сможете остановиться.

– На одну ночь у меня хватит. – Он протянул ей сложенные вдвое купюры. – Остальные потом отдам.

Ингрид заколебалась.

– Если завтра не смогу заплатить, освобожу квартиру. Даю слово. Жена высылает еще один перевод. Гарантирую. Договорились?

Ингрид посмотрела в сторону.

– Ну, хорошо. Но завтра я приду с бойфрендом. Либо оплатите, либо придется съехать.

– Никаких проблем. Благодарю вас еще раз.

Как только за хозяйкой закрылась дверь, Десмонд разорвал пластиковый мешок и обыскал костюм. Нашивка с внутренней стороны пиджачной полы сообщала, что он сшит в ателье «Ричард Андерсон» по адресу Сэвил-Роу, дом 13. Еще один намек? Десмонд пощупал вышивку, под ней ощущалась небольшая выпуклость.

Сердце екнуло. Внутри костюма было что-то зашито.

Глава 7

В штаб-квартире ЦКПЗ в Атланте Пейтон ломала голову над главной загадкой мандерской эпидемии – пациентами. Ей казалось, что она поняла, в чем было дело.

Два молодых американца основали бесприбыльную организацию под названием CityForge – «Кузница городов». Новый стартап ставил перед собой задачу помогать сельским общинам развиваться, предоставляя средства на инфраструктуру и консультации глав городов из развитых стран. Средства поступали от частных лиц через веб-сайт компании. Инвестиции производились в обмен на муниципальные облигации: если поселок начинал процветать, спонсоры получали финансовую выгоду. Поселковые власти тратили деньги на электрификацию, школы, ремонт дорог, здравоохранение, интернет, санитарию, охрану порядка и прочие жизненно важные нужды.

В рамках модели CityForge местных руководителей обучали фиксировать на видео ход перемен. По этим видеозаписям за процессом изменений следили наставники в развитых странах. Играющие эту роль советники, мэры, начальники полицейских участков и прочие могли наблюдать за преобразованием поселка в режиме реального времени и своевременно делать подсказки. А частные спонсоры смотрели реалити-шоу о том, как их деньги способствуют улучшению условий местных жителей.

Идея пришла в голову двум студентам университета в Чапел-Хилл накануне выпуска. После выпускной церемонии в мае прошлого года они решили осуществить концепцию на практике. Все лето ушло на рекламирование стартапа и сбор средств среди друзей, родственников и единомышленников. На эти средства они организовали поездку в Кению, где собирались поэтапно задокументировать отбор первых поселков для проекта CityForge. По непонятным Пейтон причинам оба решили не стричься и не бриться в течение всей поездки.

Доктор кликнула на вкладке «Группа поддержки» с именами участников и названиями организаций. Среди спонсоров проекта значилась Icarus Capital. Пейтон видела это название всего пару часов назад, когда была дома, – инвестиционная фирма Десмонда Хьюза. Он в этом как-то замешан? Странное совпадение, однако, как она ни старалась, так и не смогла найти видимую связь.

Мысли о Десмонде выводили ее из равновесия. С трудом удалось сосредоточиться.

Еще одна вкладка на странице CityForge содержала карту всех остановок двух энтузиастов. За каждой точкой-остановкой было закреплено по крайней мере одно видео посещения какого-нибудь поселка и опроса местных жителей. В основном американские ребята напирали на то, как новая инфраструктура изменит деревенскую жизнь. В нескольких местах съемки продолжались уже после их отъезда. Самые последние ролики были загружены старейшинами поселков, желающими привлечь спонсоров.

Журнал путешествий – мечта эпидемиолога. Пейтон надеялась, что один из видеороликов был снят в очаге заболевания. В таком случае сферу его распространения можно определить с высокой точностью.

Сдерживание – ключ к ликвидации эпидемии. Для этого, во-первых, необходимо изолировать всех инфицированных, а во-вторых, провести их опрос и составить список всех лиц, с кем они вступали в контакт, – то, что называют отслеживанием. Затем Пейтон с коллегами начнут отсеивать контакты. Если человек, с которым контактировал больной, тоже заболел, его изолируют и в свою очередь выявят, с кем он встречался. Если же симптомы не проявятся, после проведения анализов такое лицо будет оставаться в карантине, пока Пейтон и ее люди не убедятся, что опасность миновала. В случае с Эболой карантин составлял 21 день. К тому моменту, когда все контакты будут выявлены, останутся только две группы: инфицированные и помещенные в карантин.

Список контактов будет стремительно расти. С каждым часом воздействию патогена подвергаются все больше людей. Время – самый важный элемент; как правило, исход борьбы с эпидемией определяют первые несколько дней после обнаружения вспышки.

Пейтон записала в блокнот имена американцев, Стивена Кобба и Лукаса Тернера, а также англичанина, Эндрю Блэйра. Напротив она вывела большой «икс». «Икс» – переменная величина, то неизвестное, что предстоит установить. В какой-то момент англичанин вступил в контакт с одним из двух или обоими американцами. Не исключено также, что все трое вступили в контакт с пока не установленным носителем заболевания, который продолжает его распространять. Крайне важно выяснить, где они побывали и с кем встречались. Поэтому журнал путешествия был очень кстати.

Если выполнить эту задачу как следует, Пейтон и ее коллеги смогут начертить «дерево контактов» с «корневищем» в лице первичного носителя – того, кто заболел раньше всех. Его еще называют «нулевым пациентом».

Это была настоящая детективная работа – отследить патоген до источника, изолировать всех, кого он затронул, и либо вылечить пациентов, либо ждать, пока эпидемия выдохнется сама собой.

Но даже имея в своем распоряжении журнал путешествий, Пейтон и ее команда не могли обойтись в Кении без серьезной поддержки.

Доктор набрала телефон Джозефа Руто, начальника отделения ЦКПЗ в Найроби. Руто заканчивал поздний обед, разница во времени между столицей Кении и Атлантой составляла восемь часов.

Пейтон ввела коллегу в курс дела, оговорившись, что после утреннего совещания планы могут поменяться. Начальник отделения показался ей компетентным, преданным делу человеком – уже неплохо для начала.

Когда она повесила трубку, часы показывали шесть утра. Пейтон не торопилась со следующими звонками, не желая нарушать утренний сон подчиненных. В ближайшие дни спать, возможно, придется только урывками.

Она позвонила дежурному ЦЧО и попросила связаться с агентами Службы сбора эпидемиологических данных.

– Со всеми? – переспросил дежурный.

– Со всеми, кто прикреплен к штаб-квартире ЦКПЗ. Передайте им, чтобы явились на инструктаж к семи утра. Они должны быть готовы к отправке в командировку через четыре часа. Работать придется либо в Найроби, либо в сельских районах Кении.

– Вас понял, доктор Шоу.

ССЭД представляла собой двухлетнюю спонсорскую программу, которую ЦКПЗ ввел в 1951 году. Ее запустили в разгар холодной войны для противодействия биотерроризму. К настоящему времени программа превратилась в самую престижную и желанную интернатуру в области прикладной эпидемиологии, готовящую лучших в мире охотников за болезнями. От кандидата требовалось быть врачом с клиническим опытом не менее года, ветеринаром, ученым уровня доктора наук в области медицины либо специалистом сферы здравоохранения со степенью магистра. В службе на данный момент состояли 160 сотрудников, из них 70 процентов – женщины.

Во время интернатуры сотрудники ССЭД нередко работали в полевых условиях на передовой линии борьбы с эпидемиями. Во время вспышки Эболы в 2014 году на ее подавление бросили всех 158 интернов. Они выполняли свой долг в семнадцати странах, восьми штатах, Вашингтоне и Центре чрезвычайных операций ЦКПЗ, сообщая отработав 6903 дня – почти девятнадцать лет. Пейтон надеялась, что ликвидация новой эпидемии займет значительно меньше времени.

Она была одним из ведущих полевых эпидемиологов ЦКПЗ, а также инструктором ССЭД, и относилась к своим обязанностям с большой ответственностью. Обучаемым ею интернам ССЭД, вполне вероятно, придется принимать самостоятельные решения во время очередной крупной эпидемии либо координировать действия госорганов дома или за границей. В прошлом программу закончили нынешний директор ЦКПЗ, бывший и новый главный санитарный врач, несколько начальников отделов и управлений, а также многие эпидемиологи штатов и местных санитарных служб.

Ей не довелось поработать с каждым отдельным интерном, зато теперь для этого появилась хорошая возможность. Пейтон начала просматривать список личных дел, чтобы подобрать себе команду.

* * *

В семь утра Пейтон стояла за кафедрой аудитории «А» корпуса № 19 ЦКПЗ. Четверть сотрудников ССЭД были прикреплены к органам санитарного контроля штатов и городов, они следили за презентацией по видеосвязи. Те, кто работал непосредственно в штаб-квартире, сидели в зале. На Пейтон смотрели сто двадцать пар глаз.

– Доброе утро. Я проведу инструктаж о вспышке, как мы считаем, вирусной геморроидальной лихорадки в небольшом кенийском городе. Слушайте внимательно. Некоторые из вас отправятся в командировку сегодня же, другие пока будут поддерживать операции Центра из штаб-квартиры и – в зависимости от того, как пойдут дела – могут быть отправлены туда позднее. Делайте пометки, задавайте вопросы, собирайте сведения. Возможно, от этого будет зависеть ваша собственная жизнь.

Итак, вот, что нам пока известно...

Глава 8

В восемь утра конференц-зал ЦЧО был набит битком. В нем собрались сотрудники нескольких управлений ЦКПЗ, а также представители Госдепартамента и Агентства международного развития.

Пейтон сидела за столом рядом с Эллиотом Шапиро. Отобранные для командировки интерны ССЭД в аудитории «А» наблюдали за конференцией с экрана.

Представив присутствующих, Эллиот кратко ввел их в курс дела. Следующим взял слово представитель Госдепартамента Дерек Ричардс.

– С нашей точки зрения, эта эпидемия вспыхнула в самое неудобное время и в самом неудобном месте. Позвольте ознакомить вас с обстановкой.

Ричардс щелкнул мышью. На экране появился снимок обгоревшего здания.

– Август 1998 года. Перед посольствами США в столице Кении Найроби и столице Танзании Дар-эс-Саламе взорваны начиненные взрывчаткой грузовики. В Найроби погибли двести тринадцать человек, четыре тысячи получили ранения. Ответственность за атаку была возложена на «Аль-Каиду». Именно из-за этого ФБР впервые включило бен Ладена в список наиболее разыскиваемых террористов. Менее двух недель спустя администрация президента Клинтона в рамках операции «Безграничная досягаемость» нанесла удары крылатыми ракетами по Судану и Афганистану. Бен Ладен не пострадал. В ответ движение Талибан предложило ему убежище. Что было потом, вы знаете.

Госдеп решил не восстанавливать разрушенное посольство в Найроби. Вместо него мы построили новое – через дорогу от миссии ООН. Так безопаснее.

За несколько лет после теракта обстановка в Найроби стала только хуже. Повсюду в стране высока преступность, особенно беспокойно в крупных городах – Найроби, Момбасе, Кисуму и приморской курортной зоне. В одном Найроби ежедневно угоняют с применением насилия десятки автомашин. С мая 2014 года правительства США, Великобритании, Франции и Австралии предостерегают своих граждан от поездок в Кению. Соединенные Штаты пошли еще дальше, сократив персонал посольства в Найроби. Британцы закрыли свое консульство в Момбасе. Эти предостережения нанесли жестокий удар по индустрии туризма Кении. Европейцы практически совсем перестали туда ездить.

Однако наибольшую озабоченность у нас вызывает «Аш-Шабаб» – исламская террористическая группировка, базирующаяся в Сомали, но имеющая ячейки по всей Кении. Они задались целью превратить Сомали в государство исламских фундаменталистов. Их можно назвать восточноафриканским ИГИЛ. Они жестоки, хорошо организованы и неутомимы. Для борьбы с ними Африканский союз держит в Сомали две тысячи двести военнослужащих. Успехи пока незначительны.

Ричардс еще раз щелкнул мышью. Появилась карта Сомали и Кении с выделенными зонами террористической активности.

– В марте 2016 года разведка сообщила, что «Аш-Шабаб» планирует крупное нападение на силы США и Африканского союза в регионе. ВВС нанесли удар по тренировочному лагерю «Аш-Шабаб» на севере Сомали, используя пилотируемую авиацию и беспилотники MQ-9. Нам удалось уничтожить около ста пятидесяти боевиков, в том числе второго по важности лидера группировки. Можете не сомневаться, что «Аш-Шабаб» спит и видит, как отомстить. В качестве цели подойдет любой работающий в Кении американец. Поэтому персоналу посольства США запрещено выезжать за пределы Найроби и даже посещать некоторые районы города без особого на то разрешения.

«Аш-Шабаб» вряд ли станет считаться со статусом нонкомбатанта. В апреле 2015 года они совершили нападение на студентов Университета Гариссы, отсортировав и расстреляв христиан. Погибло сто сорок семь человек.

В заключение я хотел бы сослаться на решения, недавно принятые медицинскими и гуманитарными организациями, которые, как я знаю, вы все уважаете.

Ричардс полистал бумаги, эту часть выступления он, очевидно, не помнил наизусть.

– В мае 2015 года «Медики без границ» по соображениям безопасности эвакуировали свой персонал из лагеря беженцев Дадааб. Они отправили в Найроби сорок два сотрудника и закрыли два из четырех медицинских пункта. В июле 2014 года «Корпус мира» полностью приостановил работу в Кении и эвакуировал весь персонал – опять же по соображениям безопасности.

Ричардс посмотрел на Эллиота и жестким, даже агрессивным тоном сказал:

– В Госдепе понимают, что вспышка опасная и эпидемия может охватить новые районы. Мы официально рекомендуем американскому персоналу ограничиться предоставлением поддержки и координацией действий, не покидая Найроби. Кенийцы и сотрудники ВОЗ, работая в полевых условиях, рискуют значительно меньше. По сути дела, присутствие американского персонала подвергает их еще большему риску.

Если вы решите действовать за пределами Найроби, мы рекомендуем делать это исключительно под охраной подразделений кенийских вооруженных сил, имеющих боевой опыт и вооруженных артиллерией. Мы также советуем подождать, пока Национальное бюро воздушно-космической разведки не выведет свой спутник на геостационарную орбиту над зоной, где вам предстоит работать. А также крайне настоятельно рекомендуем дожидаться входа в зону досягаемости корабля ВМС с отрядом быстрого развертывания на борту.

Пейтон закусила губу. Им давали разумные советы, но такая подготовка потребует много времени, в особенности запрос на спутник, – о волоките в космической разведке ходила дурная слава.

– И как быстро все это можно организовать? – спросил Эллиот.

– Трудно сказать. О силах быстрого реагирования и отправке корабля предстоит советоваться с Министерством обороны, но можно уверенно предположить, что подходящие суда имеются в Аденском заливе, Аравийском море или Индийском океане. О выделении спутника надо просить бюро космической разведки.

– Хотя бы предположительно?

– Трех суток должно хватить. Тем не менее я бы советовал вообще не ехать в Мандеру, а если очень надо, не торопиться. Сомали – недееспособное государство. Наше посольство в этой стране закрылось еще в 1991 году, за два года до битвы за Могадишо. Это когда сбили наш «Черный ястреб», помните? Если «Аш-Шабаб» обнаружит вас и вступит в бой с кенийской армией, все может повториться сначала. Мы держим пару сотен морпехов в аэропорту Могадишо, но смогут ли они прийти вам на помощь в экстренном случае – большой вопрос. У ЦРУ в Сомали тоже есть люди, однако их статус неизвестен.

Эллиот переглянулся с Пейтон. Они работали вместе так давно, что угадывали мысли без слов. Пейтон подтвердила коротким кивком – «мы оба знаем, что надо делать».

– Ну, хорошо, – сказал Эллиот, – давайте направим заявки в Министерство обороны и Бюро космической разведки и попросим рассмотреть их как можно быстрее. Я попрошу директора сделать необходимые звонки.

– Вы соглашаетесь подождать? – уточнил Ричардс.

– Нет, мы отправимся в Мандеру при первой же возможности.

Ричардс недоуменно покачал головой.

Эллиот вскинул руки.

– Послушайте, если мы не остановим вспышку в пределах Мандеры, нам придется бороться с эпидемией в Найроби и Момбасе, потом в Каире, Йоханнесбурге и Касабланке. Не остановим ее в Африке, придется иметь с ней дело дома – в Атланте, Чикаго, Нью-Йорке и Сан-Франциско. Трое суток могут составить разницу между локальной вспышкой и глобальной пандемией, между десятком смертей и миллионами жертв. Инфицированные, возможно, в эту минуту садятся в автобусы, поезда и самолеты. Нам неизвестно, кто они и куда направляются. Не исключено, что они уже на полпути в крупные города мира, не ведающие о грозящей опасности и патогене, который вот-вот проникнет в их пределы. Единственный шанс остановить эпидемию – это сдержать ее. Мы должны выдвигаться немедленно, у нас нет трех дней. Наши люди – самые подготовленные в мире. Им положено быть на месте немедленно. Наше название – Центр по контролю и профилактике заболеваний. Болезни невозможно контролировать распоряжениями по телефону.

* * *

После окончания конференции Пейтон провела личную встречу с отобранными интернами ССЭД.

– Вас ознакомили с обстановкой. Если кто-либо из вас сомневается, ехать или не ехать, лучше скажите об этом сейчас. Я обещаю не делать пометок в личном деле. Просто назначу другого кандидата и никому ничего не скажу.

* * *

В час дня Пейтон спустилась на первый этаж и нервным шагом пересекла фойе, гадая, скольких кандидатов недосчитается.

Прошло несколько секунд, прежде чем ее глаза привыкли к яркому свету.

Картина постепенно прояснилась. Интерны все до одного стояли перед микроавтобусами с дорожными сумками под ногами. Пейтон кивнула, группа расселась по машинам и отправилась на авиабазу резерва ВВС Доббинс.

Не прошло и часа, как они вылетели в Найроби.

* * *

Человек, следивший за Пейтон Шоу из-за сетчатого забора авиабазы, проводил глазами взлетающий транспортный самолет ВВС. Когда машина скрылась из виду, наблюдатель отправил сообщение: *«Объект направляется в целевую зону»*.

Глава 9

В крохотной квартирке в берлинском районе Веддинг Десмонд аккуратно отпорол нашивку с внутренней стороны пиджака. Этикетка «Сэвил-Роу» отвалилась, открыв содержимое тайника – две дебетовые карты «Виза».

Карты пришлись кстати, у Десмонда практически закончились деньги, но он рассчитывал на большее. Например, найти хоть какой-то намек на то, кто он такой, зачем приехал в Берлин и, главное, что с ним случилось до того, как он очнулся в отеле «Конкорд» со стертой памятью.

Присмотревшись к картам, он заметил на каждой тонкую царапину после десятой цифры. Нетренированному наблюдателю она показалась бы случайной, однако царапина была на обеих картах – это уже закономерность. На первой карте рядом с меткой обнаружили четыре царапины поменьше, на второй – справа от вертикальной линии, прямо над цифрами – таких царапин было две.

Еще один код? Если так, то он скорее всего был такого же типа, как и на купоне химчистки, – несложный подстановочный шифр. Надо добавить четверку к каждой из десяти цифр на первой карте и двойку – на второй карте. Полученные десять цифр напоминали американский телефонный номер.

Десмонд достал смартфон и набрал номер, складывая цифры в уме. Пошли гудки. Первый. Второй. Третий. Сработал автоответчик. Ему ответил собственный голос.

– Если ты набрал этот номер, то уже знаешь, что делать. Если еще не понял, лучше сообщай побыстрее.

Услышав сигнал записи, Десмонд замешкался. Мысли обгоняли одна другую. Каково назначение речевого почтового ящика? Служить цифровым тайником для передачи сообщений кому-то еще? Или же он сам должен проверить оставленные сообщения? Десмонд решил сделать и то, и другое.

– Это Десмонд. Мне нужна помощь.

Он чуть не назвал номер своего мобильного, но вовремя остановился. Почтовый ящик могли взломать те, кто подослал в его номер Гюнтера Торне. Полиция тоже могла его обнаружить. Назвать новый номер телефона – все равно, что нацепить себе на спину мишень. Полиция легко отследит звонок до ближайшей вышки и засечет его местонахождение. Нужно приготовить собственный цифровой тайник – в не вызывающем подозрений легкодоступном месте.

Быстро сообразив, он проговорил:

– Оставьте сообщение на берлинской странице веб-сайта Craigslist, в разделе «Требуется помощь», скажите, что вам нужен гид. В объявлении используйте слово «бандит». Поторопитесь.

Звонок ничего не прояснил, а лишь породил новые вопросы. Надеясь получить на них ответ, Десмонд набрал второй номер и опять услышал собственный голос.

– Вы дозвонились в Labyrinth Reality. Если вы о нас слышали, то знаете наше мнение о телефонах: использовать их для болтовни – наименее интересное занятие. Вы держите в руках не телефон, а компьютер, ориентирующийся в пространстве. Поиграйте с ним – он того стоит.

Раздался писк. Десмонд оставил аналогичное сообщение и на этом номере.

Labyrinth Reality?... В интернете обнаружился веб-сайт молодой компании. Адрес – в Сан-Франциско, однако номер телефона не тот, что был указан в шифре. Десмонд кликнул на раздел «Персонал». С фотографий смотрели сплошь незнакомые лица. Ни одного человека старше двадцати-тридцати лет. Очки от «Уорби Паркер», татуировки. Все фотографии – «без лести», сотрудники за столами для настольного тенниса, сотрудники в рабочих креслах, сотрудники с дурашливо вскинутыми руками. Подписи и биографии – с юмором.

Десмонд кликнул на «Инвесторах» и прочитал список фирм – Seven Bridges Investments, Icarus Capital, Pax Humana Fund, Invisible Sun Securities, Singularity Consortium. Названия фирм показались ему знакомыми, но в памяти ничего не шевельнулось.

Labyrinth Reality выпускала территориально-ориентированное мобильное приложение, которое следовало использовать в режиме дополненной реальности. Пользователю достаточно было поднести телефон к определенному месту, и он мог увидеть цифровой слой изображений и виртуальных предметов, невидимых невооруженному глазу. Приложение обогащало восприятие видеороликами и текстом, связанными с географической локацией. С его помощью можно было играть в корпоративные игры типа «подбери все предметы» или геокэшинг⁹. Им пользовались гиды, проводящие туры по Чикаго и Сан-Франциско. Приложение поставлялось в виде открытой платформы, что позволяло как разработчикам, корпорациям и организаторам конференций, так и частным лицам создавать свои собственные варианты «лабиринтов реальности».

Баннер наверху страницы предлагал скачать программку. Десмонд щелкнул на линке. Когда он запустил загруженное приложение, появилось окно диалога с вопросом, желает ли он присоединиться к приватному или общедоступному лабиринту. Он кликнул на приватном, система попросила его ввести пароль. Немного подумав, Десмонд ввел второй номер телефона, по которому ответила Labyrinth Reality.

На экране зажглась надпись: «Добро пожаловать в Зал теней Лабиринта реальности!» Появились два символа: слева – фигура зверя с головой быка и туловищем человека, справа – воина в доспехах с мечом и щитом. Текст под ними предлагал выбрать себе одну из ролей – Минотавра либо Героя.

Десмонд задумался. Этот вопрос в несколько иной форме занимал его все время после пробуждения: кто он на самом деле? Чудовище, совершившее убийство в номере отеля? Он без колебаний набросился на охранника и полицейских. И у него это хорошо получилось – очевидно, ему не впервой драться за свою жизнь и свободу. Покрытое шрамами тело наводило на ту же мысль. Где-то в подвалах памяти пряталось подтверждение, что в прошлом ему доводилось совершать дурные поступки, хотя на ум не приходило ничего конкретного.

И в то же время он считал себя положительным человеком. Или попросту хотел им быть.

Эта мысль решила исход дела: он отправится в поход по лабиринту таким, каким желал быть, а не тем, кем был на самом деле.

Десмонд щелкнул на фигурке Героя. Экран побледнел, появилось сообщение: «Идет поиск входа...»

Через минуту текст сделался красным и замигало новое сообщение: «Вход не обнаружен. Продолжайте поиск, Тесей. Ни за что не сдавайтесь».

Что все это значило? Десмонд сделал несколько запросов в поисковике, стараясь нащупать какие-нибудь зацепки. Впервые образ лабиринта появился в древнегреческой мифологии. Дедал и его сын Икар построили лабиринт как место заточения получеловека-полузверя Минотавра, который обитал в самом его центре. Дедал превосходно владел ремеслами и искусствами, он сделал лабиринт настолько запутанным, что чуть сам в нем не заблудился.

В эту минуту Десмонд понял, что оправдались его наихудшие опасения, появившиеся, когда он услышал по телефону свой голос: он застрял в лабиринте собственного изготовления. Но почему? Был ли у него свой Минотавр – существо либо какая-то тайна – и как с ним следовало поступить: спрятать от всего мира или взять под защиту? Или он и есть то самое чудовище, что вызывает у него страх?

Десмонд понял еще одну вещь. Если это он построил лабиринт, то наверняка понимал, что однажды наступит момент, когда придется в него войти, что утратит память – либо по

⁹ Туристская игра – нахождение тайников, спрятанных другими участниками игры, по меткам навигационных систем.

собственному выбору, либо по чужой воле. Может быть, лабиринт – это изощренная резервная копия? И она приведет его туда, где ему нужно быть? Вернет ему память?

Десмонд поднялся и убрал раскладную кровать во встроенный в стену шкаф. Появилось немного свободного места. Комната была совсем маленькая – не более трех с половиной на шесть метров. Напротив стены с кроватью размещалась незамысловатая кухня: столешница с раковиной, небольшой холодильник, плита, микроволновка. И телевизор. Санузел без единого квадратного сантиметра лишнего пространства был до потолка отделан кафелем.

Десмонд подошел к окну, выглянул на улицу. Часы показывали шесть вечера, внизу толпился народ. Пласты табачного дыма смешивались с выхлопом автомобилей, автобусов и мотоциклов. Ядовитая смесь поднималась вверх, все вокруг окутывая сизым туманом. Солнце на ноябрьском небосводе висело низко, клонилось к закату.

Десмонд обернулся. Хозяева квартиры прикрепили к днищу убираемой в стену кровати большое зеркало, из-за него помещение выглядело просторнее, чем на самом деле. Десмонд посмотрел на свое подтянутое жилистое лицо, светлые волосы до бровей – образ совершенного незнакомца. В Берлине его внешность не бросалась в глаза. Будь он в бегах в Шанхае или Египте, ему пришлось бы несладко, но внешность все равно надо менять. Он решил заняться этим, как только стемнеет.

Однако прежде надо разобраться в происходящем. Он не мог избавиться от ощущения, что должен обязательно что-то сделать, но не мог взять в толк, что именно.

Десмонд еще раз взвесил все, что знал: он сам приготовил номера телефонов и записал приветствие, надеясь, что потом их обнаружит. Второе сообщение речевой почты привело его в свой частный лабиринт. А первое к чему привело? Слова в записанном им сообщении – «Ты знаешь, что делать» – не давали ему покоя. Что такого он должен был знать?

Кредитные карты, очевидно, были приобретены заранее, а соответствующие номера телефонов зарегистрированы позднее. Поиск в интернете выявил, что первые три цифры телефонного номера соответствовали линии Google Voice. Эта услуга предоставлялась бесплатно и включала в себя интерактивную панель управления, с которой пользователи могли проверять голосовую почту, переводить номер на другие телефонные линии и много чего еще.

Вот оно что! Голосовой почтой можно пользоваться через мобильное приложение Google Voice. Десмонд загрузил его на сотовый и безуспешно попытался ввести несколько паролей.

Что он упускал?

Десмонд еще раз обыскал костюм, однако новых тайников или чего-то особенного не обнаружил. Он присел на маленький деревянный стул у окна и задумался. На полу валялся скомканный пластиковый мешок из химчистки. Сквозь прозрачный материал Десмонд заметил приколотый внутри мешка розовый клочок бумаги.

Он вскочил, разорвал пластик и поднес бумажку к глазам. Она оказалась копией-оттиском квитанции химчистки. Получатель значился под именем Джекоб Лоуренс.

Десмонд схватил телефон и ввел имя и фамилию в качестве пароля в приложении Google Voice. К его облегчению, пароль сработал.

Приложение открыло доступ к голосовому почтовому ящику, содержащему три сообщения – все с одного и того же номера. Первое пришло два дня назад. Десмонд прочитал его в письменной форме.

Кажется, за мной следят, хотя не уверен. Не звони мне. Встретимся там, где встречались в первый раз. Завтра, в десять утра.

Десмонд кликнул на втором сообщении, оставленном вчера в полдень.

Где ты был? Мою квартиру обыскивали. Если не позвонишь, пойду в полицию.

Последнее сообщение пришло сегодня, в одиннадцать утра.

Ты – во всех новостях. Неужели ты в самом деле его убил? Позвони, или я заявлю в полицию – я не шучу. Передам им все, что ты мне рассказал, все, что знаю о тебе. Я оставил папку с записями у коллеги. Если со мной что-нибудь случится, все сведения через час будут переданы в полицию.

Мысли Десмонда пустились наперегонки. Кто человек, оставивший эти сообщения, – друг или враг? Ясно одно: ему известна истинная личность Десмонда.

Он настроил свой телефон так, чтобы тот использовал номер Google Voice, и проверил, подключен ли он к беспроводной сети в квартире. Лучше, если звонок пойдет через серверы Google. Речевое сообщение поступило с добавочного берлинского номера. Десмонд щелкнул на нем в приложении и услышал сигнал вызова.

Ответил мужчина. По-английски, но с немецким акцентом.

– Что случилось?

– Надо встретиться, – ответил Десмонд.

– Нет. Мне нужен ответ. Немедленно. Это ты убил этого человека?

– Нет, – машинально ответил Десмонд, сам не ведая, правда это или ложь.

– Это как-то связано с «Зеркалом»?

С «Зеркалом»? Слово мгновенно показалось знакомым. «Зеркало» что-то значило для Десмонда, только он не мог припомнить, что именно.

– Ты слушаешь?

– Да, – отозвался Десмонд. – Я все объясню при встрече.

Наступила длинная пауза.

– За мной кто-то следит. Отсуживаюсь у подруги. Я ей все рассказал. У нее есть записи наших прежних разговоров. Если это ты... обыскивал мою квартиру и со мной что-нибудь случится, она сообщит в органы.

– Я понял. Поверь, я тебя не трону. Я сам жертва.

Опять пауза.

– Где? Во сколько?

Десмонд прикинул несколько вариантов. Он устал, а к встрече следовало хорошо подготовиться.

– Завтра в полдень, у Бранденбургских ворот. Стой в туристической зоне, держи в руках плакат «Турфирма „Зеркало“ – цена по договоренности». Надень синий бушлат, голубые джинсы и черную неприметную шапку.

– Ты хочешь устроить встречу в общественном месте?

– Так надежнее. Телефон оставь дома. Приходи один. Без оружия.

Собеседник негодуя фыркнул.

– И это говорит человек, которого разыскивают за убийство!

– Факт розыска не означает подтверждения вины. Хочешь получить ответ – приходи завтра на встречу.

– Хорошо.

Дав отбой, Десмонд начал готовиться, продумывая каждую мелочь, стараясь предугадать любую неожиданность. Если правильно разыграть партию, можно, наконец, выяснить, что происходит.

Глава 10

Закончив вечерний обход, доктор Элим Кибет вернулся в кабинет, снял застиранный белый халат и сел писать сообщение в Министерство здравоохранения Кении.

Получателю сего.

Наше положение ухудшилось. Я вновь призываю вас как можно быстрее прислать помощь.

Американец, прибывший утром с симптомами пока еще не установленной геморроидальной лихорадки, умер. У нас нет нужного оборудования, чтобы произвести вскрытие или обработать останки. Я попросту опечатал помещение и запретил в него заходить.

Смерть больного сильно огорчила его спутника. Что более тревожно – у этого молодого человека, чье имя Лукас Тернер, поднимается температура. Она достигла 38°. Боюсь, она будет расти и дальше, и вскоре проявятся симптомы, похожие на те, что были обнаружены у его покойного товарища.

Я веду подробное описание наблюдений и проинструктировал персонал каждый час делать по одному фотоснимку. Честно говоря, ведение документации о заболевании – все, что я сейчас в состоянии делать. Я также потратил немало времени, чтобы зафиксировать подробности путешествия двух американцев, в том числе мест, которые они посетили, и лиц, с которыми они общались. К тому же я расспросил Лукаса о том, как проявлялись симптомы у его друга. Надеюсь, это поможет эпидемиологам, расследующим данную вспышку. Я вышлю записи, как только у меня появится свободное время.

Пациент-англичанин, которого привезли из аэропорта, по-прежнему в критическом состоянии. Вряд ли он доживет до утра.

Вдобавок мы столкнулись с новым кризисом – нехваткой персонала. Придя сегодня утром, я обнаружил, что на работу не вышло больше половины сотрудников. Как я уже упоминал, у нас нет снаряжения, чтобы ухаживать за такими пациентами. Я велел медсестрам надевать защитные халаты, бахилы, маски, очки и две пары перчаток, но боюсь, что этих мер недостаточно. К тому же запасы средств личной защиты скоро закончатся.

Прошу вас еще раз...

– Доктор Кибет! – крикнул медбрат за дверями кабинета.

Через несколько секунд дверь распахнулась. Медработник стоял, согнувшись пополам, упревая руки в колени и тяжело дыша.

– Прибыли новые зараженные, – с трудом выговорил он.

Элим схватил халат, и они вдвоем побежали в приемный покой. На пороге Элим остановился как вкопанный, не веря своим глазам.

Десять человек, сплошь местные жители, очень больные. Одежда покрыта пятнами пота и рвоты. На него смотрели налитые кровью глаза с пожелтевшими белками.

Медбрат вынул градусник изо рта ближайшего пациента и повернулся к Элиму:

– Сорок градусов!

Эпидемия перекинулась на местные села. Элим с ужасом понял, что не сможет им помочь.

Глава 11

Когда борт набрал высоту, Пейтон вытянулась на нескольких креслах сразу, пристегнулась ремнями и заснула.

Накануне ночью удалось поспать только четыре часа, весь последующий день прошел в суматохе. И все же она включила будильник всего на полчаса. Очередная задача требовала свежих, не пытающихся отключиться мозгов.

Самым, пожалуй, ценным ее навыком, приобретенным за годы работы в ЦКПЗ, было умение быстро засыпать где угодно. Эпидемиолог оттачивала его годами. Главный враг сна – мысли. Когда Пейтон вступала в схватку с эпидемией, ее ум не останавливался ни на минуту, мысли лезли в голову одна за другой. На втором году командировок она освоила метод засыпания, которым всегда с тех пор пользовалась. Когда наступало время отдыха, она закрывала глаза, приказывала уму не думать и сосредоточивала внимание на дыхании. При этом втягивала воздух животом, а не грудью, на каждом выдохе переводила внимание на кончик носа, обдувая его свободно и равномерно выпускаемым воздухом, и вела счет вдохов-выдохов. Ей редко приходилось считать дальше сорока.

Когда в кармане зазвенел сигнал будильника, женщина поднялась и сделала несколько легких упражнений.

У Пейтон была возможность лететь самолетом скорой помощи, а не военным транспортником. Она променяла комфорт на возможность остаться со своей командой. Работа не прекращалась даже в полете. Пейтон настояла, чтобы свободные места на медицинском самолете заняли три работника ЦКПЗ старшего возраста. Им предстояло действовать в Найроби на вспомогательных ролях; все трое лично явились поблагодарить за предоставленные удобства.

Эллиот тоже решил лететь самолетом ВВС. Внутри имелся большой грузовой отсек и отдельная зона для пассажиров, где двенадцать рядов кресел располагались по центру и еще два – по бокам. Перед рядами кресел находился большой простенок с лекционной доской и двумя узкими проходами по обеим сторонам.

Доску скорее всего использовали для инструктажа личного состава боевых подразделений и постановки боевых задач. От Пейтон требовалось практически то же самое. Случайный наблюдатель действительно мог бы спутать ее отряд с группой «морских котиков», готовящихся к забросу в тыл врага.

В салоне сидели люди, одетые в форму цвета хаки, похожую на ту, что носят в ВМС США, вплоть до знаков различия. Однако ее подчиненные не являлись флотскими офицерами. Они состояли в другом виде вооруженных сил, причем не менее важном.

Пейтон, будучи сотрудницей ЦКПЗ, одновременно являлась офицером Военно-медицинской службы США. В корпус военных медиков – один из семи видов вооруженных сил – входили лучшие профессионалы от медицины (шесть остальных видов ВС включали в себя сухопутные войска, ВМС, ВВС, морскую пехоту, береговую охрану, а также офицерский корпус Национальной администрации по океану и атмосфере). В военно-медицинском корпусе Службы здравоохранения США состояли более шести тысяч человек. Они носили похожую на военно-морскую форму – синюю выходную, белую летнюю, полевую цвета хаки. Офицерские звания в корпусе были такие же, как в ВМС и береговой охране: от лейтенанта до адмирала.

Офицеры-медики служили в Агентстве охраны окружающей среды, Управлении по контролю качества пищевых продуктов и медикаментов, Министерстве обороны, Национальном институте здоровья, Министерстве сельского хозяйства, береговой охране, ЦКПЗ и многих других организациях. Они нередко первыми откликались на катастрофы внутри страны и спешили на ликвидацию последствий ураганов, землетрясений и эпидемий. В 2001 году, после атаки террористов 11 сентября, офицеры военно-медицинской службы работали в Нью-Йорке.

В 2005 году, после ураганов «Катрина», «Рита» и «Вильма», более двух тысяч офицеров военно-медицинской службы разворачивали полевые госпитали и ухаживали за жертвами.

В ЦКПЗ на постоянной основе работали восемьсот сотрудников, одновременно являвшиеся офицерами военно-медицинской службы. Посетители нередко путали их с офицерами ВМС.

Пейтон имела воинское звание капитана второго ранга, Эллиот – контр-адмирала. Из 160 интернов ССЭД 102 состояли на военной службе в качестве офицеров военно-медицинского корпуса.

Корпус был неплохо представлен и в самолете: из 63 присутствующих 51 были офицерами. Подобно Пейтон, они облачились в служебную форму цвета хаки со значком вида Вооруженных Сил в левой петлице и знаком различия – в правой.

Пейтон собрала волосы в хвостик, разгладила помятую форму и подошла к лекционной доске.

На нее внимательно смотрели шестьдесят три пары глаз, в которых светились нервозность и возбуждение, но прежде всего – доверие, абсолютная вера в ее способность провести их через предстоящее испытание целыми и невредимыми и передать необходимые навыки. Пейтон остро чувствовала этот груз доверия и ответственности. Хотя ее профессией была эпидемиология, она прежде всего считала себя наставницей. В качестве инструктора ССЭД она готовила подопечных ко всякого рода испытаниям, с которыми те могли столкнуться после окончания интернатуры. Перед ней сидело будущее поколение руководителей службы здравоохранения. Когда-нибудь один из них, возможно, займет ее место и возглавит очередную экспедицию ЦКПЗ, департамент здравоохранения штата или города либо будет выполнять жизненно важные исследования в Национальном институте здоровья.

Пейтон дорожила своей ролью – во-первых, из-за ее важности, во-вторых, потому что в профессиональной жизни ей самой везло на хороших, неравнодушных учителей. Пятнадцать лет назад она сидела среди таких же начинающих медиков. Ее лицо сливалось с морем других лиц, а Эллиот выступал перед ними, произнося похожие слова. Она помнила, как нервничала в первой командировке. Даже сейчас ощущался налет той нервозности. Иногда к ней примешивался азарт от предстоящей экспедиции, сопоставления всех за и против, охоты за источником заболевания, жажды найти его прежде, чем грянет катастрофа. Она жила ради таких дней, как этот. В разгар кризиса Пейтон чувствовала себя естественнее, чем во время рутинной работы в Атланте.

Полет был длинный, разница во времени между Кенией и Атлантой составляла восемь часов, поэтому Пейтон решила разбить инструктаж на две части. Первая должна содержать основы – вещи, которые бывалые работники ЦКПЗ знали наизусть. Многие интерны ССЭД их тоже знали, но напомнить никогда не мешало; кроме того, так было легче установить контакт с аудиторией. Для многих офицеров эта командировка за пределы США была первой, они, разумеется, нервничали. Повторение уже известного придаст людям уверенности в себе.

Пейтон взяла с подставки синий фломастер.

– Итак, начнем. В Найроби мы разделяемся на две группы. Одиннадцать человек будут осуществлять поддержку операции на месте, остальные поедут со мной в Мандеру и – если понадобится – в близлежащие районы. Однако все должны наизусть знать правила пользования средствами индивидуальной защиты в командировках. Я сейчас обрисую обстановку в целом. Конкретные задачи поставлю ближе к моменту прибытия.

Пейтон быстро объяснила, как пользоваться накидками, комбинезонами, капюшонами, очками, бахилами, перчатками и прочей защитой от заразных субстанций.

– Не исключено, что все вы так или иначе окажетесь в зоне досягаемости патогена. Оставшийся в Найроби персонал, возможно, будет привлечен в зараженную зону на усиление. Во-первых, запомните: в костюмах будет жарко. Кения – тропическая страна. От Найроби до эква-

тора всего восемьдесят восемь миль. Хотя сейчас там зима, на полуденном кенийском солнце вы вспотеете прежде, чем успеете надеть костюм, а потом вспотеете еще больше.

Во-вторых, то, что вы увидите, произведет на вас впечатление. Некоторые из нас всю жизнь не могут привыкнуть к виду человеческих страданий. В этом нет ничего зазорного. Вы увидите людей, живущих в нищете, в условиях, с которыми вам прежде не приходилось сталкиваться. Если вас захлестнут эмоции, возьмите перерыв. Поставьте в известность коллег, отойдите в сторону, переведите дух. Однако что бы вы ни делали, ни в коем случае не снимайте костюм! Проверка и правильное надевание костюма – важное дело, но еще важнее правильно его снять. После вступления в контакт с пациентами на поверхности костюма, капюшона, очков, перчаток и обуви могут оставаться вирусы и бактерии. Неосторожно снимая защитные средства, вы подвергаете свою жизнь опасности. Когда будете снимать костюм, не то-ро-пи-тесь! Это непросто, больше одного часа на такой жаре никто не выдерживает. К концу этого часа вы захотите выскочить из костюма, как пробка. Еще раз повторяю: не торопитесь. Это вопрос жизни и смерти.

Теперь дальше. Какова задача нашей экспедиции? Кто скажет?

Интерны ССЭД, в основном молодежь от двадцати до тридцати с небольшим лет, сидели в первых рядах. Постоянные работники ЦКПЗ – постарше и побывавшие в десятках командировок – сидели дальше и помалкивали, предоставляя молодым коллегам возможность отвечать на вопросы и набираться ума.

Первой отозвалась молодая женщина во втором ряду по имени Ханна Уотсон, с рыжеватыми волосами, завязанными в хвостик на затылке. Как и Пейтон, девушка была одета в военную форму цвета хаки.

– Сдерживание эпидемии и лечение больных.

– Молодец. – Пейтон записала ее ответ большими буквами на лекционной доске. – Что еще?

– Идентификация, – крикнул Миллен Томас, ветеринар индийского происхождения, сидевший в нескольких рядах от Ханны.

Пейтон кивнула и записала его ответ на доске.

– Правильно. Рано или поздно нам захочется узнать, с чем конкретно мы имеем дело. Что еще?

– Нарращивание местного потенциала, – сказал один из интернов ССЭД в гражданской одежде.

– Совершенно верно. Мы едем идентифицировать, сдерживать и лечить заболевание, но мы также должны помочь кенийцам нарастить собственный потенциал для подавления эпидемий. ЦКПЗ вложил в Кению миллионы долларов, чтобы создать систему обнаружения, наблюдения и реагирования на вспышки болезней.

В битве с пандемиями, – продолжала Пейтон, – у нас есть лишь одна надежда – остановить вспышку в самом начале. Без кенийцев мы не справимся. Поэтому те, кто будет работать в полевых условиях, должны обучать кенийских эпидемиологов, а те, кто в Найроби, поддерживать и тренировать сотрудников Министерства здравоохранения и Центра чрезвычайных операций Кении.

– Итак. – Повернувшись к доске, Пейтон обвела слово «идентификация». – Как распознать заболевание?

– С помощью лабораторных анализов, – сказала черноволосая девушка.

– Да. Мы можем провести анализ на Эболу с помощью ReEBOV – комплекта для экспресс-анализа на антигены. Результат будет готов через пятнадцать минут. Точность составляет примерно девяносто два процента для инфицированных и восемьдесят пять процентов для здоровых. Что еще?

– Симптоматика. Течение болезни, – ответил чернокожий парень в первом ряду.

– Правильно. Если составить последовательную картину симптомов, можно с уверенностью судить о том, с чем мы столкнулись. Истории болезней будут поступать к нам из разных мест. Задача остающихся в Найроби – взять все эти отчеты и выявить четкую характеристику болезни. Нас интересуют тенденции и сходства. Допустим, это Эбола. Какие у нее симптомы?

Интерны заговорили наперебой:

- Высокая температура.
- Сильные головные боли.
- Понос.
- Рвота.
- Боли в желудке.
- Усталость и слабость.
- Кровотечение.
- Появление синяков и ссадин.

Пейтон быстро писала на доске.

– Хорошо. Пациенты в больнице Мандеры имеют почти полный набор этих симптомов. Местный врач также сообщил, что обнаружил сыпь. То есть Эбола это или нет, пока не ясно. Возможно, мы имеем дело с совершенно новым филовиром или аренавирусом. Известно, что этот вирус смертелен и что заболевание было обнаружено в двух местах. Инкубационный период Эболы у человека составляет от двух до двадцати дней. В среднем симптомы у инфицированных проявляются на восьмой-десятый день после контакта с вирусом. Дальше. Если это Эбола, как мы ее лечим?

- Ее не лечат, – сказала врач в третьем ряду.
- С помощью ZMapp, – возразила рыжая девушка.

– Вы обе правы. Утвержденного курса лечения Эболы не существует. Вакцина пока не создана. Если пациент заболел, мы просто даем побольше жидкости, электролитов и подавляем вторичные инфекции. По сути дела, пациент остается с заболеванием один на один в надежде, что его иммунная система сама победит вирус. У примерно половины это получается – смерть от Эболы в среднем наступает в пятидесяти случаях из ста.

Необходимо помнить, что на данный момент известны пять разновидностей вируса Эболы – Заирский, Берега Слоновой Кости, Суданский, Бундибугио и Рестон. Эболавирус Рестон – единственный, который распространяется воздушным путем. Его так называли, потому что он был обнаружен в Рестоне, штат Виргиния, всего в нескольких милях от Белого дома. Человечеству сильно повезло, что этот вирус вызывает заболевание только у низших приматов. Во время вспышки Рестона, которая произошла в питомнике, заразились несколько ученых. К счастью, ни у одного из них болезнь не прогрессировала. Будь эболавирус Рестон смертельным для людей, нас сегодня осталось бы на планете куда меньше. Зато четыре остальных вида Эболы – в числе самых опасных патогенов на Земле. Хуже всего Заирский, он убивает до девяноста процентов инфицированных.

ZMapp – единственное лекарственное средство, способное излечивать Эболу. Оно хорошо показало себя в опытах на приматах. Во время вспышки Эболы в Западной Африке в 2014 году мы произвели лечение семи американских граждан препаратом ZMapp и лекарством ТКМ-Ebola, подавляющим гены вируса методом РНК-интерференции. Увы, двое из них умерли, зато пятеро выживших из семи заболевших все же дают расклад лучше обычного. Мы везем с собой ZMapp, но в очень малом количестве, и я еще раз подчеркиваю – это лекарство не одобрено Управлением по контролю за пищевыми продуктами и лекарствами и дает неоднозначные результаты на людях. Кто может сказать, что за лекарство ZMapp?

– Моноклональные антитела, – выкрикнул кто-то.

– Правильно. ZMapp – это моноклональные антитела, или мкАТ. Точнее, тройка мкАТ. Как ни странно, они содержатся в табачных листьях и способны связывать белки Эболы

подобно иммунной системе пациента. Как это может повлиять на лечение новых пациентов в будущем? Кто скажет?

Пейтон взяла паузу и обвела взглядом группу. Никто не ответил.

– Изучение антител, вырабатываемых организмами оставшихся в живых пациентов, ведет к разработке новых лекарств и способов борьбы с вирусом. Поэтому крайне важно вести записи наблюдения за выздоравливающими пациентами. Кстати, сейчас проводят как раз такие исследования – изучение иммунной системы людей, выживших во время эпидемии Марбурга несколько лет назад. В худшем случае – заражения ключевого персонала в Кении – можно попытаться перелить им кровь или плазму выздоравливающих пациентов.

Выздоровевшие в состоянии оказать неоценимую помощь в разработке вакцины. «Мерк» уже проводит испытания новой вакцины от Эболы. Она обещает быть очень эффективной, хотя сохраняется ли иммунитет на всю жизнь, пока неизвестно. Вакцина не утверждена госорганами и не способна защитить от всех видов Эболы, поэтому идентификация в нашем случае – очень важное дело. Если мы действительно столкнулись с Эолой, «Мерк» получит разрешение на выпуск вакцины в экстренном порядке и спасет жизнь многим из тех, кто не был инфицирован. Призовой вопрос: может ли кто-либо назвать другой препарат для лечения Марбурга и Эболы, проходящий сейчас испытания?

Окинув группу взглядом в ожидании ответа и не дождавшись его, Пейтон продолжала:

– Малая РНК-интерференция. Сулит большие успехи, но до выхода на рынок еще далеко. Хорошо. Поговорим теперь о сдерживании. Что при этом главное?

– Отслеживание контактов, – подала голос Ханна.

– Именно. Наша задача – установить «нулевого пациента» и составить «дерево контактов». Работа не из легких. В иные дни вам будет казаться, что контакты растут лавинообразно, каждый день в списках будут появляться сотни новых имен. Не отчаивайтесь и продолжайте работать. Со временем, если мы начнем брать верх, число контактов начнет сокращаться. Что известно о способе передачи Эболы?

– Через физиологические жидкости, – сказал врач во втором ряду.

– Хорошо. Что еще?

– Вирус зоонозный.

– Правильно. Эбола и все прочие филовirusы зоонозны, то есть способны передаваться от животных людям и обратно. Зоонозные инфекции – большая проблема в Центральной Африке. Зоонозный характер в этом регионе имеют семьдесят два процента всех инфекционных заболеваний. Чтобы остановить распространение эпидемии, недостаточно изучать контакты только между людьми. Кто из вас ветеринары, поднимите руку.

Поднялись четыре руки. Трое были в светло-коричневой форме военно-медицинского корпуса, четвертый – в гражданском.

– Каждый из вас будет приписан к одной из полевых групп, отслеживающих контакты. На что вы должны обращать внимание?

– На летучих мышей, – хором сказали ветеринары.

– Верно. А кем являются летучие мыши?

– Млекопитающими, – откликнулся один из интернов-ветеринаров.

– Резервуарными хозяевами, – ответил другой.

– Вы оба правы. Природный резервуарный хозяин Эболы все еще неизвестен, но мы почти уверены, что африканские крыланы способны переносить вирус без появления симптомов. Стоит вирусу перекинуться с летучей мыши на человека – пиши пропало. Поэтому нас будут интересовать все, кто соприкасался с летучими мышами или их пометом. Возможно, кто-то заходил в пещеры и ел мясо крылана либо другого животного, вступавшего в контакт с летучей мышью. Вполне вероятно, что, когда мы выявим «нулевого пациента», окажется, что он подхватил вирус именно от летучей мыши.

– Как мы поступаем с людьми, демонстрирующими симптомы болезни? – спросила Пейтон всю группу в целом.

– Изолируем! – хором ответили ей.

– А с людьми, которые находились с ними в контакте, но не проявляют симптомов?

– В карантин!

– Правильно. В таком случае длительность карантина с момента первого контакта с вирусом составляет двадцать одни сутки. Если у человека за это время не проявились симптомы, такого мы выписываем.

Пейтон еще раз обвела зал взглядом.

– Вопросы?

Все промолчали. Доктор вернула фломастер на подставку лекционной доски.

– Прекрасно. Теперь давайте поделимся на две группы. Нам еще многое надо успеть до прибытия.

Глава 12

Десмонд готовился к намеченной на завтра встрече.

По улице и после заката ходило много народу. Он надел шапку и одежду из магазина секонд-хенда и шел быстрым шагом, избегая визуального контакта с другими прохожими. Все необходимое для встречи удалось купить в аптеке.

Вернувшись в квартиру, в крохотном кафельном санузле Десмонд срезал машинкой для стрижки волос светлую шевелюру, оставив не больше полсантиметра. Покрасив волосы в черный цвет, он присел на разложенную кровать.

Пока волосы сохли, Десмонд достал одноразовый смартфон и занялся поиском в интернете самого себя – у него чесались руки сделать это с момента покупки телефона.

Первое «попадание» – новости в «Шпигель онлайн». Полиция разыскала водителя такси. Более того, американские власти устроили обыск в его квартире в Сан-Франциско. Значит, он все-таки американец или, по крайней мере, жил в Америке.

Второй результат поиска вывел его на веб-сайт Icarus Capital, где он значился как сооснователь и менеджер компании. Он быстро пробежал собственную биографию, однако речь в ней шла в основном о карьере – успешных инвестициях, публичных выступлениях, целом перечне общественных обязательств. Оказывается, он даже шефствовал над Калифорнийским симфоническим оркестром. Ни одно из упомянутых названий ничего не всколыхнуло в памяти.

Десмонд щелкнул на вкладке «Инвестиции» и прочел список компаний: Rapture Therapeutics, Phaethon Genetics, Rendition Games, Cedar Creek Entertainment, Rook Quantum Sciences, Extinction Parks, Labyrinth Reality, CityForge, Charter Antarctica.

Rapture Therapeutics! Он уже видел это название сегодня утром в отеле на удостоверении мертвого немца.

Десмонд перешел на веб-сайт Rapture Therapeutics.

Компания работала в сфере биотехнологий и занималась неврологическими препаратами. Начала с того, что помогала пациентам контролировать депрессию, шизофрению, раздвоение личности и прочие психологические недуги. Последним открытием Rapture Therapeutics стало средство для устранения бляшек в мозгу, созданное на основе генетически модифицированного белка.

Интересно, не связана ли их работа с тем, что случилось с ним? Его собственная фирма вложила деньги в Rapture Therapeutics. Может быть, он обнаружил что-то такое, чего ему не положено было знать? Какое-нибудь клиническое испытание, закончившееся провалом?

Заинтригованный новыми сведениями, Десмонд прочитал еще несколько страниц веб-сайта Rapture Therapeutics. Похоже, компания стояла на пороге крупного прорыва. Два года назад Rapture Therapeutics получила лицензию на изготовление лекарства, способного победить болезни Паркинсона, Альцгеймера и Хантингтона, амилоидную дистрофию и целый ряд других нейродегенеративных расстройств.

Потенциально революционное средство было обнаружено случайно. В 2004 году израильская исследовательница Бека Соломон, проводя опыты по лечению болезни Альцгеймера, наткнулась на вещество, которое уменьшало количество характерных для этого заболевания бляшек в мозгу на невероятные восемьдесят процентов. Такой эффективности не демонстрировал ни один имевшийся на рынке препарат.

Соломон испытывала совершенно другое лекарство. Она вызывала болезнь Альцгеймера у мышей с заданными генетическими свойствами и затем вводила им через нос взятые у человека антитела. Проблема состояла в том, что лекарство не могло преодолеть гематоэнцефалический барьер и добраться до бляшек в областях мозга, пораженных болезнью. По наитию, которое, возможно, войдет в историю как одно из наиболее ярких проявлений научной удачи,

Соломон решила прикрепить антитело к вирусу M13, чтобы таким образом преодолеть гематоэнцефалический барьер.

M13 – особый тип вируса под названием «бактериофаг», поражающий исключительно бактерии. Сам M13 поражает лишь один тип бактерий – *Escherichia coli*, или кишечную палочку. К удивлению Соломон, прикрепленное к M13 антитело блестяще проявило себя в ходе опытов. Но еще более исследовательницу удивило, что в группе мышей, обработанной одним лишь вирусом M13, тоже наблюдалось невероятное улучшение. Похоже, что положительный исход был вызван вирусом M13, а не прототипом испытываемого лекарства.

Через год после начала лечения мыши, которым ввели вирус M13, в среднем имели вчетверо меньше бляшек по сравнению с контрольной группой. Последующие опыты показали, что M13 способен растворять и прочие амилоидные агрегаты, например, характерные для болезни Альцгеймера тау-белковые клубки и амилоидные бляшки при других заболеваниях, в том числе альфа-синуклеин (при болезни Паркинсона), хантингтин (при болезни Хантингтона) и супероксиддисмутазу (при амиотрофическом боковом склерозе). Фаг M13 действовал даже против амилоидов прионной инфекции – класса заболеваний, к которому относится болезнь Крейтцфельда – Якоба. Поразительное открытие указывало на гигантский прорыв в борьбе с нейродегенеративными заболеваниями.

С этого начался длительный процесс изучения, как именно M13 совершает эти чудеса. После нескольких лет исследований ученые установили, что ключом к удивительным свойствам вируса является группа белков под названием GP3, которая содержится в головке бактериофага M13. Белки GP3 позволяют M13 прикрепляться к кишечной палочке и вскрывать бактерию, как «молнию», после чего ДНК вируса проникает внутрь бактерии и начинает репликацию. По счастливой случайности GP3 оказались способны точно так же вскрывать скопления неправильно свернутых белков, возникающие при болезни Альцгеймера, Паркинсона, Хантингтона и прочих расстройствах.

Десмонд переварил информацию в уме. У него не осталось сомнений, что Rapture Therapeutics была важной частью головоломки. В конце концов, обнаруженный мертвым в номере берлинского отеля Гюнтер Торне – их сотрудник.

Может быть, все прояснится завтра, во время встречи?

Десмонд закрыл веб-сайт Rapture Therapeutics и вернулся к результатам поиска. Ничего нового. Десмонд Хьюз не значился среди популярных фигур соцсетей, остальные ссылки вели к статьям о компаниях, с которыми он работал, либо видеороликам его интервью и выступлений. Казалось, вся его жизнь ограничивалась работой и узким мирком высокотехнологических стартапов.

Десмонд сделал поиск на Пейтон Шоу. Когда он позвонил ей, женщина его узнала. Хорошо бы и ему теперь узнать, кто она такая и чем занимается. Если это выяснить, возможно, получится разгадать загадку собственной личности.

Согласно сведениям поиска, Пейтон Шоу работала ведущим полевым эпидемиологом ЦКПЗ. Интересное дело. Она тоже как-то связана с Rapture Therapeutics? Вряд ли. Ее сфера деятельности – инфекционные заболевания.

Десмонд вывел на экран видеовыступления Пейтон Шоу на саммите руководителей американской системы здравоохранения несколько месяцев назад. Женщина стояла на широкой сцене с белым задником. Атласная белая кожа, темно-каштановые волосы до плеч. Вполне европейская внешность, хотя на генеалогическое дерево явно забрались предки из Восточной Азии. Тонкая женская фигурка передвигалась по сцене с легкостью и грацией, свойственной тем, кто регулярно занимается йогой или танцами.

Однако больше всего Десмонда привлекли глаза женщины. Большие и яркие, они излучали необычайное достоинство. Пейтон отнюдь не была красавицей, на которую оборачиваются мужчины, но чем больше Десмонд смотрел на нее, тем сильнее ощущал непреодолимое

притяжение. Очарование Пейтон зиждилось на уверенности в своих силах, спокойном отношении к себе. Прослушав ее выступление, Десмонд сделал еще один вывод: Пейтон невероятно умна. Он не мог вспомнить, какой тип женщин привлекал его прежде, но, если бы кто-то попросил сделать выбор прямо сейчас, он предпочел бы похожую на Пейтон Шоу.

На экране за спиной оратора появилось изображение полевой больницы в сельской местности, где-то в тропиках, вдалеке от цивилизованного мира.

– Человечество ведет войну, – говорила Пейтон невидимой аудитории. – Глобальную войну, начавшуюся с первого шага, сделанного нашими далекими предками. Эта война не признает ни границ, ни договоров, ни перемирий. Наш противник – среди нас. Он невидим, бес смертен, приспосабливается к любым переменам и постоянно испытывает нашу оборону на прочность. Он наносит удар там, где мы его меньше всего ждем. Убивает и калечит людей без всякой жалости. Наш извечный противник находится и в этом помещении. Внутри вас. И внутри меня. Этот враг – патогены, которые все мы носим в своем организме.

Обычно мы живем в зыбком равновесии с бактериями и вирусами, как внутри организма, так и во внешней среде, в мире природы. Но время от времени война вспыхивает с новой силой. Старый, долгое время пребывавший в спячке патоген вдруг пробуждается к жизни. Именно с этими явлениями – эпидемиями и пандемиями – мы и ведем борьбу. Они – наше поле боя.

Успех человечества определяется победой в каждой отдельной схватке. Ставки очень высоки. Во всем мире болезнь – единственный враг, перед которым сплачиваются люди всех рас и национальностей. Когда начинается пандемия, мы объединяемся вокруг одной задачи – выживания человечества как вида.

История борьбы с пандемиями знает взлеты и падения, затишья и ураганы. Ураганы нам всем хорошо известны, они занесены в учебники истории. Это наши проигранные битвы, темные времена, когда человечество таяло на глазах, когда сокращалось население, заставляя людей дрожать от ужаса и ждать смерти.

На экране появилась фотография жителей Европы с покрытыми шишками телами.

– В третьем веке Антониновская чума выкосила треть населения Европы. И когда численность населения только-только начала восстанавливаться, в шестом веке почти половину всех европейцев уничтожила Юстинианова чума. От бубонной чумы умерли порядка пятидесяти миллионов человек.

С 1340 по 1350 год чума опять изуродовала лик Европы, навсегда изменив ход мировой истории. К этому времени население мира по оценкам составляло около четырехсотпятидесяти миллионов человек. «Черная смерть» унесла жизни по крайней мере 75 миллионов. Некоторые ученые дают цифру потерь в двести миллионов. Представьте себе гибель от четверти до половины населения мира всего за четыре года.

Европа из-за размеров городов, плотности населения и оживленности торговых маршрутов неоднократно становилась очагом пандемий. И не только Европа.

Картинка на экране сменилась на конкистадоров, встретивших на берегу океана туземцев. На заднем плане были видны вставшие на якорь деревянные суда завоевателей.

– Представьте себе Новый мир на момент появления европейцев. Все слышаны о сегодняшних невзгодах коренных народов Соединенных Штатов, но вообразите, каково пришлось народам Новой Испании, сегодняшней Мексики. В 1520 году оспа уничтожила почти восемь миллионов. Двадцать пять лет спустя загадочная вирусная геморрагическая лихорадка унесла жизни пятнадцати миллионов человек, или около восьмидесяти процентов населения. Вы можете себе это вообразить? От неизвестной болезни умирают восемь из десяти. Для сегодняшней Америки это означало бы двести сорок миллионов человек. Мы пока не смогли установить, какой именно патоген прошелся по Мексике в шестнадцатом веке, но хорошо известно, что он вернулся через двадцать лет, в 1576 году после двухлетней засухи. И без того истощенное население потеряло еще два миллиона жителей. По сей день у нас нет сведений о том, что

вызвало пандемию. Но гораздо важнее, что мы не знаем, вернется ли она и когда это может произойти.

На экране, появилась черно-белая фотография полевого госпиталя с рядами железных коек, на которых под шерстяными одеялами лежали пациенты.

– «Испанка» или, проще говоря, эпидемия гриппа 1918 года. Она произошла меньше ста лет назад. По некоторым оценкам, в контакт с патогеном вступил каждый третий человек в мире. Из тех, кто слег с гриппом, умер каждый пятый – в общей сложности около пятидесяти миллионов. Только за первые шесть месяцев эпидемии умерли двадцать пять миллионов человек.

Итак, через всю историю человечества красной нитью проходит одна и та же тема: заболевание, смерть, болезнь иссякает сама собой, затем следует восстановление. Всякий раз мы становимся крепче, и человечество продолжает свое шествие. Однако в наше время мы связаны друг с другом как никогда прежде. Население Земли в четыре раза превышает существовавшее на момент глобальной пандемии гриппа в 1918 году. Урбанизация шагнула далеко вперед. Мы продолжаем разрушать естественную среду обитания животных. Крыланы, крысы, белки, птицы и прочие носители возбудителей зоонозных заболеваний все чаще вступают в контакт с людьми.

Спросите любого эпидемиолога, и вы услышите: произойдет ли очередная глобальная пандемия – вовсе не вопрос. Вопрос – когда. Вот почему ваш труд так важен. Вы стоите на передовом рубеже борьбы с инфекционными заболеваниями. От ваших действий будет зависеть, когда начнется новая пандемия. Ваши решения на местном уровне определяют, удастся ли сдержать очередную вспышку, или она охватит весь мир. Рискую показаться паникершей, я утверждаю: кое-кто из вас в определенной точке своей карьеры окажется в ситуации, когда от его решений будет зависеть жизнь миллионов, если не миллиардов. Так что не волнуйтесь и расслабьтесь.

В зале засмеялись, Пейтон тоже улыбнулась. Видео закончилось.

Смывая краску с волос над раковиной, Десмонд размышлял над словами Пейтон. Он намазал лицо, шею и уши бронзантом, сделав кожу более смуглой. Чем доктор могла помочь в его положении?

Надо позвонить ей еще раз. Может быть, она даст недостающую зацепку. Звонок означал риск, но риск оправданный.

Десмонд открыл приложение Google Voice и набрал номер в Атланте.

После трех гудков включился автоответчик. Десмонд решил оставить сообщение.

– Привет. Это Десмонд. Я звонил раньше. Извини, что напугал тебя. Пейтон, мне очень надо с тобой поговорить. Перезвони.

Он оставил свой номер без уверенности, что ему ответят.

Когда бронзант подсох, Десмонд снова вышел из квартиры. Завтра понадобятся деньги. В магазине электроники он купил на предоплаченную «визу» два планшета и тут же заложил их в ломбард. Вырученные деньги заткнули дыру в бюджете, позволив заняться планом на завтра.

В магазине спорттоваров он приобрел пять предметов, которые могли понадобиться, если дело запахнет жареным. Покупки могли вызвать подозрения, тем более что платил он наличными, однако Десмонд решил покинуть Берлин, не дожидаясь появления серьезных проблем.

Вернувшись в квартиру, он растянулся на откидной кровати. День выдался долгим, а следующий мог оказаться еще дольше.

Десмонд залез под одеяло и уставился в потолок с отстающей штукатуркой. Старая батарея отопления, бурча, пробудилась к жизни, нагревая воздух в ледяной комнатке. Исходящее от батареи количество тепла не шло ни в какое сравнение с холодом, проникавшим в щели плохо заклеенных окон. Постепенно холод победил, заполнив все помещение. Сколько Десмонд ни кутался в одеяло, мерз все больше.

Как ни странно, засыпание на холоде пробудило новое воспоминание. Он бредет по снегу. Холодная сыпучая масса достает до щиколоток. Вдали виднеется дом. От него навстречу полной луне, постепенно растворяясь, поднимается курчавый столб дыма, напоминающий веревку с растрепанным концом. Снег валит все гуще, скрывая за белой пеленой дым и деревянный домик впереди.

Вскоре снег по колено заставляет остановиться. Ноги горят от изнеможения, отрывать их от земли требует невероятных усилий. Легкие режет холод. Хочется прилечь и отдохнуть. Но лечь на землю означает верную смерть. Надо идти. На глаза наворачиваются слезы, стекают по щекам, замерзают. Он что-то несет в руках – тяжелый, холодный предмет; от сохранности этого предмета зависит его жизнь.

За белой стеной показывается оранжевый маяк надежды – свет из окон дома. Убежище так близко. Представление о тепле в доме придает сил для нового рывка, хотя больше всего хочется лечь на снег и послать все к черту.

На крыльце Десмонд, задыхаясь, собирается с силами, чтобы пройти последние шаги до двери. Он воображает, как та открывается, человек в доме замечает его, подхватывает, подводит к теплему очагу. В то же время Десмонд понимает: так не будет. Обитающий в доме демон не станет этого делать. Скорее всего хозяин дома греется у огня, надеясь, что мальчишка, который всегда был для него обузой, мертв, погребен под снегом в полях и не вернется.

Мысль об этом окончательно укрепляет волю Десмонда к жизни. Он делает шаг вперед, толкает дверь, роняет предмет, который держал в руках, и смотрит на мужчину, сидящего с бутылкой янтарной жидкости у ног перед пылающим, сложенным из камня камином.

Даже не посмотрев на него, монстр грубо, с английским акцентом рявкает:
– Закрой чертову дверь, малец!

Десмонд захлопывает дверь, стаскивает с себя покрытую снегом шубу и быстро подходит к огню. Его обдаёт жаром, он отодвигается и, рухнув на деревянный пол, начинает снимать промерзшую одежду. Дрожа, он посматривает на мужчину с немым вопросом: «Почему ты не пришел за мной? Неужели тебе все равно?»

Мужчина пренебрежительно фыркает, смотрит на огонь и за горлышко притягивает к себе бутылку. Сделав большой глоток, он подает бутылку Десмонду.

– Выпей. Лучше средства от холода нет.

Десмонд медлит, потом берет бутылку и отхлебывает. Жидкость сначала обжигает горло, но по мере продвижения к желудку теряет остроту, вызывая приятное оцепенение. Несмотря на свое жалкое состояние, мальчишка сразу согревается. Боль отступает. Через секунду он делает еще один глоток виски.

Воспоминание уплыло, оставив после себя привкус спиртного во рту.

Лежа в квартире посреди Берлина и ежась от холода, Десмонд понял, чего ему сейчас больше всего хотелось, – приложиться к большой бутылке виски. Он представил, как выходит из квартиры, спускается по лестнице, покупает напиток. Вообразил, как делает первый глоток, разливающий по телу теплоту и желанное расслабление, обещающий хороший сон и успешное завершение всех дел.

Десмонд уже хотел было встать с кровати, как разум вдруг напомнил: он больше не пьет. И почему не пьет, тоже напомнил: алкоголь однажды чуть не погубил его. Хотя подробности забылись, много лет назад он дал клятву никогда больше не поддаваться соблазну.

В этот момент наступила ясность: он – человек слова, особенно если учесть, что обещание давал себе сам, без принуждения. Нет, он не будет пытаться согреться с помощью бутылки спиртного ни этим, ни другим вечером. Он вытерпит холод, боль во всем теле, мучительные воспоминания, не рассчитывая на чью-либо помощь. Так бывало уже не раз.

День второй

900 инфицированных
13 умерших

Глава 13

После утреннего туалета доктор Элим Кибет надел непроницаемую накидку, бахилы, маску, очки и две пары перчаток. Выйдя в коридор, он не узнал сонную сельскую больницу. Везде кипела деятельность. Все, кто еще не разбежался, были заняты делом.

Элим открыл дверь и поздоровался с американским пациентом по имени Лукас Тернер. Болезнь подкосила молодого человека ночью. Несмотря на неудобства и плохое состояние, Лукас вел себя крайне вежливо. Элим знал, что запах хлорки, исходящий от его костюма, шибал в нос, но Лукас не жаловался. Он взял из рук Элима бутылку с этикеткой «ПРР» и, сделав несколько глотков, зажмурился.

– Да-да, – подтвердил Элим. – Вкус ужасный.

Лукас лишь кивнул в ответ.

– Я отправил еще одну просьбу о помощи. Скоро кто-нибудь приедет, уверен.

Щеки Лукаса порозовели, вокруг глаз начали появляться красные круги. Он заговорил надтреснутым голосом.

– Не могли бы вы написать сообщение моим родителям? Мой телефон разряжен.

Лукас взял со столика лист бумаги с адресом электронной почты и несколькими фразами.

Элим протянул руку, однако Лукас не торопился отдавать листок.

– Не знаю... Может, лучше вставить его в целлофановую обложку или сфотографировать...

– Очень разумное предложение, мистер Тернер.

Элим снял наружную перчатку с правой руки, вытащил из кармана телефон и сделал снимок.

За столом в кабинете он набрал сообщение родителям Лукаса:

Тема: сообщение от вашего сына Лукаса

Уважаемый господин / уважаемая госпожа!

Я – врач лечебно-диагностического центра Мандеры, который в настоящее время лечит вашего сына. Он попросил меня передать вам следующее сообщение.

С уважением,

Доктор Элим Кибет

** далее следует сообщение от Лукаса **

Милые мама и папа!

Не беспокойтесь. Я знаю, что вы не находите себе места.

После моего последнего письма у меня началась лихорадка. Неизвестно, та ли это болезнь, что была у Стивена, но здешние доктора и сестры делают все, что в их силах. Я не испытываю боли.

Я хочу, чтобы вы знали: я вас люблю и ценю все возможности, которые вы мне предоставили. Я очень счастлив. Мне повезло, что я занимался тем, во что верил, и увидел места, где мало кто бывал.

Я считаю, что моя жизнь имела направление и смысл. Не стесняйтесь краски и не волнуйтесь. Мы скоро увидимся.

Я вас люблю. Прошу вас – не переживайте.

Лукас

Элим отправил сообщение и начал звонить: комиссару округа Мандера, директору окружного отдела здравоохранения, в Национальный центр по преодолению стихийных бедствий – всем, кто готов слушать.

Покончив со звонками и опустившись в кресло, Элим понял, что у него поднялась температура. Он задрал рубашку и замер: волдыри были не очень велики, но вполне заметны. Сыпь. Врач заразился тем же патогеном, что свел в могилу одного из американцев.

На пороге появился администратор больницы. Доктор быстро опустил рубашку.

– Элим, к нам гости.

Люди вошли в здание через главный вход, прикрывая глаза рукой от солнца. Рядом с больницей стояли три больших грузовика. Они только что остановились – клубы бурой пыли еще не успели осесть, не позволяя Элиму разглядеть знаки различия на бортах.

Из облака пыли вынырнули несколько фигур в защитных костюмах, но с армейским оружием. Они взяли больницу в кольцо и выжидающе остановились. Через несколько секунд появилась вторая группа людей в СИЗ и направилась прямо к Элиму.

* * *

Достигнув Африканского Рога, судно «Кентаро Мару» начало медленно двигаться вдоль побережья Сомали к Кении. Оно держалось на приличном расстоянии от берега, вне зоны досягаемости пиратов, хотя корабль был хорошо оснащен для отражения таких нападений.

Коннер Макклейн в своей каюте наблюдал по передаваемому с беспилотника изображению за подъезжающими к лечебно-диагностическому центру Мандеры грузовиками.

За его спиной открылась дверь, в коридоре послышалось эхо шагов. Коннер даже не обернулся в сторону гостя. Тот некоторое время постоял молча, наблюдая видеотрансляцию.

– Думаешь, мальчишку повезут в Америку?

– Повезут.

– Мы обнаружили Десмонда Хьюза. Он все еще в Берлине. Его доставят через несколько часов.

– Будьте крайне осторожны. Если вы его недооцените, даже пожалеть не успеете.

Когда дверь закрылась, Коннер открыл почту и отправил несколько сообщений. Настало время запускать второй этап операции.

Еще один экран отображал число случаев заражения по всему миру.

Как и ожидалось, оно росло.

Глава 14

«Шпигель онлайн»:

Экстренный выпуск новостей

Берлинская полиция обращается с призывом оказать ей помощь в розыске Десмонда Хьюза, американского гражданина, который подозревается в убийстве, а также нападении на двух офицеров полиции. Хьюза (на фото) в последний раз видели поблизости от Бранденбургских ворот. Если у вас есть какая-либо информация, немедленно позвоните по «горячей линии» полиции – (030) 4664–8.

Вчера утром около 7:30 двое сотрудников полиции в форме и охранник отеля были отправлены на проверку сообщения о шуме в номере Хьюза. Вскоре после того, как они вошли в номер, Хьюз напал на сотрудников полиции и угрожал применить оружие к охраннику. Хьюз ограбил всех троих, похитил пистолет и удостоверение полицейского и покинул место преступления на такси, которое полиция уже разыскала. Водитель такси охарактеризовал Хьюза как спокойного человека, выдающего себя за туриста. Он расспрашивал водителя о городской планировке и маршрутах въезда и выезда. Городские власти считают, что Хьюз все еще находится в Берлине. Он вооружен и чрезвычайно опасен.

Несколько часов назад местные правоохранительные органы произвели обыск шикарной виллы Хьюза в окрестностях Сан-Франциско, штат Калифорния. Они установили, что дом ранее подвергся ограблению со взломом и в нем царил беспорядок.

Глава 15

Десмонд почти не сомкнул глаз. Его мысли занимали предвкушение завтрашнего разговора и желание окончательно выяснить, что с ним приключилось.

На рассвете он достал сотовый и начал собирать информацию, готовясь к новому дню. Его волновало, не следят ли те, кто прислал Гюнтера Торне в его гостиничный номер, за улицами. Полиция Берлина точно следила. Одна из групп преследователей уже могла знать о встрече с загадочным человеком, с которым Десмонд поддерживал связь через Google Voice. Значит, сегодня предстояло состязаться в хитрости, а если его обнаружат, – в выносливости. На встречу нельзя идти неподготовленным. Он потратил несколько часов на подгонку всех элементов плана и к полудню отправился в сердце Берлина.

Десмонд надел черные солнечные очки и натянул кепку до бровей. Его внешность совершенно не выделялась на фоне местных жителей и туристов. Неторопливым шагом, глядя прямо перед собой, он прошел по обсаженной деревьями Унтер-ден-Линден. Глаза за темными очками оценивали каждого прохожего и каждую машину.

В конце Унтер-ден-Линден находилась площадь Паризер-плац – открытый для пешего, но закрытый для автомобильного движения прямоугольник, за ней – Тиргартен с его пышной зеленью и пешеходными дорожками. На площадь выходили посольства США и Франции, посольство Великобритании тоже было неподалеку. Если полиция или подославшая в гостиничный номер Гюнтера Торне группа его выследит, можно на крайний случай укрыться в одном из посольств.

Десмонд на минуту задержался и взглянул на самый популярный и характерный монумент Берлина, символ германской истории – стоящие на противоположном краю площади Бранденбургские ворота. Он прочитал о них накануне вечером. Ворота были построены в 1780-е годы по указанию короля Пруссии, государства-предтечи Германии, Фридриха Вильгельма II. Ворота были задуманы как точка въезда на бульвар Унтер-ден-Линден, на другом конце которого находился дворец короля Пруссии. Монумент высотой двадцать и шириной шестьдесят пять метров был сложен из песчаника и подражал афинским пропилеям¹⁰. Он состоял из двенадцати резных колонн – по шесть спереди и сзади. Во время Второй мировой войны здания на Паризер-плац разбомбили до основания, Бранденбургские ворота тоже сильно пострадали. Их восстановили только в 1957 году, однако обновленные ворота редко кто посещал, потому что они находились внутри пограничной зоны берлинской стены, куда не допускали жителей ни Восточного, ни Западного Берлина. Вместе со стеной Бранденбургские ворота стали символом раздела германской нации и ее столицы.

Именно на фоне этих могучих колонн президент США Рональд Рейган призвал в 1987 году: «Мистер Горбачев, снесите эту стену». Однако снесли ее сами немцы 9 ноября 1989 года, после того, как Восточная Германия разрешила своим гражданам посещение Германии Западной. А еще через полтора месяца канцлер Западной Германии Гельмут Коль прошел через Бранденбургские ворота навстречу премьер-министру Восточной Германии Гансу Модрову. Этот жест окончательно скрепил воссоединение Германии после сорока пяти лет раскола.

Полуденное солнце освещало монумент, отбрасывая тени на людскую толчею Паризер-плац. Десмонд решил про себя, что история ворот – добрая примета и что грядущие события позволят ему вернуть себе свободу.

¹⁰ Парадный, архитектурно оформленный вход, ворота, монументальное сооружение, образованное колоннадами и портиками, в Древней Греции.

* * *

В нескольких сотнях метров вышел из такси и направился к Паризер-плац человек по имени Гарин Мейер. На нем были темно-синий бушлат, джинсы, бейсбольная кепка и солнечные очки-авиаторы. Достав из рюкзака блокнот, он раскрыл его и поднес к груди, показывая страницу с надписью печатными буквами: «Турфирма „Зеркало“».

Простояв несколько минут, человек начал нервно озираться.

* * *

В белом грузовом фургоне, припаркованном неподалеку от Паризер-плац, двое агентов с наушниками склонились над экранами компьютеров, наблюдая за мужчиной с объявлением.

– Точки Один и Два, объект задержался. Приготовиться к преследованию и, если попытается уйти, к захвату.

На канале связи послышались щелчки – подтверждение, что указания приняты к сведению.

– Точка Три, подтвердите установление маячка на объекте.

На линии еще раз щелкнуло.

Им было хорошо известно, куда и зачем направлялся Гарин Мейер. Если все пройдет согласно задуманному, он должен был вывести их на Десмонда Хьюза.

* * *

Перед Гарином остановился бегун, затянутый в флуоресцентный спандекс, завязал шнурок, сунул ему визитную карточку и убежал прочь.

Гарин прочитал надпись на карточке, положил блокнот в рюкзак и трусцой пересек площадь. Он быстро сел в тележку рикши с холщовым тентом, которая сорвалась с места и помчалась по Паризер-плац в направлении пешеходных дорожек Тиргартена.

* * *

– Объект в движении, – передала Точка Один по радио. И через некоторое время добавила: – Пересел. Объект теперь на рикше с синим верхом.

Двое в фургоне слышали пыхтение бегущих агентов.

– Я его потерял, – сказала Точка Два.

– Точки Три и Четыре, доложите.

– Говорит Точка Три, объект вижу. Он опять пересел у розария.

Длинная пауза.

– Уезжает.

– Говорит Точка Шесть, – отозвался женский голос. – Я его вижу. Проезжает мимо памятника Бисмарку.

Женщина-агент тяжело задышала, перешла на бег, потом остановилась.

– Объект покинул рикшу. Внимание, в повозку рикши сел человек в похожей одежде – бушлат, джинсы. Туфли, очки и шапка – другие. Настоящий объект движется пешком.

Дыхание агента успокоилось.

– Он идет в Энглишер Гартен, к чайному домику. Жду инструкций.

– Точка Шесть, ведите наблюдение и сопровождайте, – произнес агент в фургоне. – Точки Пять и Семь, подтягивайтесь к чайному домику. Возможно, встреча назначена именно там. Следите за появлением Десмонда, будьте готовы к захвату.

* * *

Чайный домик в Энглишер Гартен – английском парке, входящем в состав Тиргартена, был под завязку набит туристами. Гарин протиснулся между ними и зашел в мужской туалет. Последний рикша передал ему еще одну карточку:

В туалете найди «Зеркало» и ожидай инструкций.

Гарин не совсем понял, что это означало, однако в туалете обнаружилось объявление – лист бумаги был приклеен скотчем к дверце второй кабинки:

Не работает. Сантехническая фирма «Зеркало».

Гарин осторожно приоткрыл дверцу.

* * *

Точка Шесть заметила Гарина Мейера, выскочившего из чайного домика и побежавшего к стоянке такси. Агент быстро пошла за следом, на ходу говоря в микрофон:

– Объект покинул здание, садится в такси, номерной знак BWT 393.

Старший в фургоне распорядился:

– Передачу объекта подтверждаю. Точки Пять и Семь, начинайте преследование. Воздух Один, вы видите такси?

– Так точно, Альфа, цель подсвечена. Мы – на хвосте.

Когда машина такси отъехала от бордюра, Точки Пять и Семь завели мотоциклы и двинулись за ней на расстоянии, чтобы не привлекать к себе внимания. Через двадцать минут объект вылез из такси и вошел в небольшое кафе на Рейхсштрассе, в нескольких кварталах от Олимпийского стадиона, построенного к играм 1936 года. Наблюдаемый сел за столик в глубине помещения и достал телефон.

* * *

Два мотоциклиста остановились в ожидании, над ними завис вертолет. Через полчаса один из агентов в фургоне сказал:

– Думаешь, мы спугнули Хьюза?

– Возможно.

– Будем звонить?

– Нет. Подождем еще пару минут.

Оба страшились звонка начальству и того, что за этим последует. Коннер Макклейн не обрадуется.

Объект поднялся и прошел в туалет. Выждав пять минут, старший агент сказал:

– Точки Пять и Семь, задержать объект. Повторяю: зайти в кафе и задержать объект.

Земля Два, подайте фургон для эвакуации.

Двое агентов зашли в кафе, прямоком отправились к туалетной комнате и, выхватив пистолеты, ворвались в нее.

Внутри никого не оказалось.

* * *

Агенты в фургоне на Паризер-плац нервно переглянулись. Старший достал мобильник и набрал номер.

Коннер Макклейн на борту «Кентаро Мару» ответил на звонок одним словом:

– Докладывайте.

– Мы его упустили.

Коннер вздохнул и отодвинулся от стола, взглянул на большой настенный экран. Вокруг крупнейших городов всего мира расплзались красные пятна.

– Слушайте меня внимательно. Десмонд Хьюз умнее вас. Он умнее меня и любого известного мне человека. Наш единственный шанс поймать его – вынудить сделать что-либо такое, к чему он не готов и чего не мог предвидеть. А теперь доложите, как собираетесь его искать. Только быстро!

– Я не отключаюсь. – Агент в фургоне убрал звук в гарнитуре, чтобы переговорить с напарником. Потом ответил: – Мы могли бы просмотреть записи с камер наблюдения агентов рядом с кафе на Рейхштрассе и чайным домиком, проверить всех, кто скрывает внешность...

– Хьюз об этом уже подумал. Помните, что я сказал? Он умнее вас. Думайте нешаблонно. Чем вы его можете выманить?

Старший команды снова приглушил микрофон. Через минуту он ответил:

– Боюсь, у нас ничего нет.

– Но вы знаете человека, который пришел на встречу с Хьюзом и скорее всего говорит с ним прямо сейчас.

– Наши контакты помогают нам отследить мобильник Мейера...

– Хьюз и об этом подумал. Свой телефон Мейер оставил дома. Шевелите мозгами. Что вам еще известно?

– Э-э...

– Вам известно, что Мейер напуган. Он, скорее всего, возьмет другой телефон, одноразовый, и на всякий пожарный кому-нибудь даст свой номер – любовнице или человеку, которому доверяет. Найдите этого человека, и вы найдете Гарина Мейера. Если поспешите, можете застать на месте и Десмонда Хьюза, – в этом случае все останутся живы-здоровы. Так что советую подсуесться.

* * *

Гарин Мейер надеялся увидеть Десмонда Хьюза в туалете чайного домика, но в кабинке никого не оказалось.

Гарин вошел в нее, опустил защелку и стал ждать.

Кто-то в соседней кабинке подsunул под разделительную стенку сверток в коричневой бумаге. Сверху была прикреплена записка:

Переоденься. Просунь свою одежду в соседнюю кабинку. Выйди из чайного домика и сядь в такси с номерным знаком ВФК 281.

Гарин достал из свертка смену одежды и пару туфель. Несмотря на тесноту, он быстро переоделся и засунул снятую с себя одежду под разделительную стенку.

Через мгновение из соседней кабинки кто-то вышел. Раздался шепот, но Гарин не разобрал слова. Дверь туалета скрипнула.

Выждав двадцать минут, Гарин поднялся, вышел из чайного домика и сел в такси. Водитель тронулся с места, не спрашивая адрес.

* * *

Десмонд Хьюз сидел за уличным столиком кафе «Эйнштейн» на Унтер-ден-Линден, в нескольких кварталах от Паризер-плац и Бранденбургских ворот, и листал газету «Ди Вельт». На нем по-прежнему были темные очки и натянутая до бровей бейсболка, делающие его неотличимым от потока туристов. За внешним спокойствием скрывалось нарастающее тревожное ожидание.

Его внимание привлекла фотография в газете – больные африканцы, лежащие на подстилках в длинном помещении. Над ними склонились медработники в защитных костюмах из ткани «тайвек». Заголовок гласил: «Опять Эбола?»

Десмонд быстро прочитал статью. В ней цитировались слова Йонаса Беккера, врача, работающего во Всемирной организации здравоохранения. Его недавно отправили в Кению разобраться с сообщениями о вспышке болезни, похожей на Эболу. Однако Десмонду бросилось в глаза не это имя, а Пейтон Шоу. Беккер работал в связке с Пейтон Шоу, как и ранее, во время вспышки Эболы 2014 года в Западной Африке. Йонас отзывался об американском докторе как о «лучшей в мире охотнице за болезнями». «Я почитаю за честь, – говорил Беккер, – сотрудничать с Пейтон Шоу и Министерством здравоохранения Кении в деле ликвидации новой вспышки. Я уверен, что, как и несколько лет назад в Западной Африке, нас ждет успех».

«Пейтон Шоу – ключ к пониманию всей этой истории», – подумал Десмонд.

В сообщении, найденном в отеле, говорилось «Скажи ей». О чем сказать? Предупредить о вспышке? В уме вновь возникли вчерашние обрывки воспоминаний – как он идет по огромному складу, поделенному на замотанные в пластик кабины. Все это каким-то образом было связано. Разрозненные части постепенно складывались в общую картину.

Перед столиком остановился человек в вязаной шапочке и больших темных очках. Наклонившись над сидящим, он произнес:

– Ну ты и хитрец, Десмонд.

Глава 16

Бульвар Унтер-ден-Линден кишел гуляющими. Направляясь к Бранденбургским воротам и Паризер-плац, они обтекали столики кафе «Эйнштейн», не обращая внимания на Десмонда и стоящего рядом человека.

Гость присел, однако не положил руки на стол, – одну держал под столом, другую сунул в карман пиджака.

– Это ты его убил? – спросил он.

Десмонд медленно опустил газету на стол и слегка отодвинулся.

– Что я тебе рассказал по телефону?

– Ты не ответил на мой вопрос.

– На тебя под столом направлен пистолет. Если ты не тот, с кем я говорил по телефону, я тебя пристрелю, потом выясню, кто тебя послал, найду их и потребую ответа уже от них.

Его собеседник замер.

– Ты сказал мне, чтобы я надел синий бушлат, джинсы, темные очки и шапку. И держал объявление «Турфирма „Зеркало“» на Паризер-плац.

– Где твоя одежда?

Незнакомец сглотнул слюну. Он по-прежнему сильно нервничал.

– Засунул ее в соседнюю кабинку в туалете чайного домика.

– Как тебя зовут?

На лице человека проступило замешательство.

– Говори.

– Гарин Мейер.

Всю предыдущую ночь и все утро Десмонд размышлял, что скажет незнакомцу. В конце концов он решил рассказать все без утайки. Ему срочно требовались ответы на главные вопросы, а времени оставалось все меньше.

– Гарин, вчера утром я очнулся в номере отеля «Конкорд». Этот человек лежал мертвый в гостиной. У меня огромная ссадина на ребрах и шишка на голове, и я ничего не помню о том, что случилось накануне, – кто я, что со мной произошло, обстоятельства его смерти...

Гарин недоверчиво покачал головой.

– Врешь.

– Не вру. Я нашел в кармане записку с твоим номером телефона.

Гарин прищурился и отвел взгляд, словно взвешивая, поверить или нет.

– Что ты от меня хочешь?

– Ответа. Я пытаюсь установить, что со мной случилось.

Гарин искренне удивился.

– Ты ждешь ответа от меня?

– А что такого?

– Потому что это ты обязан мне ответить, – Гарин осмотрелся по сторонам. – Ладно, с меня хватит.

Он хотел подняться, но Десмонд наклонился вперед и схватил его за руку.

– Ты сказал, что за тобой следят. Что, если эти же люди убили Гюнтера Торне?

Гарин насторожился.

– Ты в самом деле готов уйти, не выслушав меня?

Гарин шумно выдохнул и опустился в кресло.

– Вот и хорошо. Начнем сначала. Как мы познакомились? Чем ты занимаешься?

– Я занимаюсь журналистскими расследованиями, пишу для «Шпигеля». Ты первый связался со мной несколько недель назад.

– С какой целью?

– Хотел обсудить одну статью, которую я написал. О возможном сговоре транснациональных корпораций во множестве сфер, от фальшивых тендеров и манипуляций с валютами до несанкционированных клинических испытаний. Ты сказал, что я наткнулся на айсберг, а вижу только его верхушку. Предложил встретиться. Обещал дать мне материал для важнейшей в моей жизни – или даже, как ты сказал, важнейшей в истории человечества – публикации.

– О чем?

– О проекте «Зеркало».

Название вызвало в душе безотчетный страх. Но, как Десмонд ни силился, он не смог вспомнить, что за ним стояло.

– Что конкретно означает «Зеркало»? – спросил он.

– С твоих же слов, это проект, начатый еще две тысячи лет назад. Научный замысел беспрецедентного размаха. Ты говорил, что лучшие умы в истории человечества работали над «Зеркалом», и сейчас проект близок к завершению. По сравнению с ним, утверждал ты, Манхэттенский проект и создание ядерной бомбы – просто опыты на уроках в средней школе.

– «Зеркало» – оружие?

– Не знаю, ты не говорил. Наша встреча должна была состояться четыре дня назад. Ты собирался рассказать остальное, я – написать статью и опубликовать ее в инете. Ты сказал, что это единственный способ помешать осуществлению проекта. Люди из проекта якобы проникли на все уровни государственного управления по всему миру, их можно остановить, лишь сорвав с них маску.

– Кого «их»?

– Ты не сказал.

– Значит, ты понятия не имеешь, что скрывается под этим названием или каково назначение «Зеркала»?

– Я хотел бы знать, но увы... По телефону ты обмолвился только, что очень скоро ученые, создавшие «Зеркало», используют его для установления господства над всеми людьми, навсегда изменив будущее человечества.

Десмонд не мог скрыть разочарования. Он проснулся утром в надежде получить ответы на свои вопросы. Гарин Мейер, похоже, проснулся с такой же надеждой. У журналиста вопросов было не меньше, чем у Десмонда.

– Что я еще говорил? Вспомни, даже если это показалось тебе мелочью.

– Ты говорил, что «Зеркало» состоит из трех частей – Rook, Rendition и Rapture.

Десмонд немедленно вспомнил о Rapture Therapeutics. Мертвец из его номера работал в отделе безопасности этой фирмы. Что касалось двух других названий... он где-то их тоже видел.

Гарин сунул руку в карман и достал телефон с откидной крышкой.

– Я же говорил – никаких телефонов!

– Да, но тебя разыскивают из-за убийства. Это – одноразовый, взял на случай, если возникнут неприятности. Номер знает только моя невеста.

Гарин открыл телефон, поднес к уху и некоторое время с растущей тревогой слушал. Затем быстро-быстро заговорил по-немецки, шепотом. Десмонду пришлось напрячь слух, прежде чем до него дошел смысл сказанного: «Не беспокойся. Все будет хорошо. Я люблю тебя. Мы скоро увидимся».

Что еще за фокусы? Десмонд осмотрелся по сторонам, вглядываясь в каждое лицо, машину, мотоцикл; он насторожился, как животное в прериях, почуявшее, что на его территорию вторгся хищник.

Гарин нажал несколько кнопок на телефоне.

– Дай мне телефон.

Журналист сглотнул слюну и, не поднимая головы, продолжал набирать текст.

Десмонд потянулся через стол и выхватил телефон, обратив на себя внимание нескольких человек за соседними столиками. На экране было открыто окно текстовых сообщений, в котором Гарин успел написать лишь одну строчку: «Кафе Эйнштейн».

– Извини, – сказал он. – Они схватили мою невесту. Обещали убить ее, если я не скажу, где мы, и не задержу тебя до их приезда.

За спиной Гарина на другой стороне улицы, взвизгнув шинами, рванул с места белый фургон, за ним – два мотоцикла. Они направлялись прямо к кафе.

– Прости и ты меня, Гарин.

Десмонд вырвал под столом кольца из трех дымовых гранат. На улицу повалил густой дым. Он вытащил из рюкзака две последние гранаты, выдернул кольца и швырнул их в разные стороны на улицу. Проезд загрозила дымовая завеса. Люди кричали и толкались, пытаясь побыстрее покинуть кафе.

Десмонд бросил телефон Гарина на стол и тоже побежал, прикрывая рот ладонью и держа наготове пистолет в опущенной руке. Он быстро свернул с Унтер-ден-Линден, стараясь оторваться от преследователей.

За спиной раздался скрип шин по мостовой, скрежет столкновения. Рев мотоциклов оборвался.

За квартал от Унтер-ден-Линден, на Миттельштрассе, Десмонд запрыгнул в такси, которое оплатил заранее и попросил ждать наготове. Араб за рулем, бросив подозрительный взгляд в зеркало заднего вида, тронулся с места, направляясь по адресу, который ему назвал незнакомец.

Десмонд понимал – на улицах его быстро найдут. Если добраться до Дворца слез и речных кораблей на Шпрее, еще можно надеяться на спасение.

Машина такси сделала поворот.

Десмонд не успел заметить приближения черного почтового фургона, который врезался в такси со стороны водителя. Он ударился головой об оконное стекло.

Отчаянно стараясь не потерять сознание, Десмонд нажал на ручку двери и вывалился наружу. Перед глазами все расплывалось. Он сунул руку в карман за пистолетом. Так просто его не возьмут.

По тротуару затопали ботинки. Ему наперерез бросились три фигуры в черных бронежилетах с автоматами. Десмонд вскинул пистолет, однако кто-то перехватил руку. Второй человек прижал к его рту тряпку.

Постепенно чернота стала абсолютной.

Глава 17

Всемирная организация здравоохранения совместно с Министерством здравоохранения Канады поддерживает Глобальную сеть медико-санитарной информации, сокращенно – ГСМСИ. Эта сеть спасла жизнь миллионам.

В 2003 году ГСМСИ выявила ТОРС¹¹ в Гонконге прежде, чем местные органы сообразили, что происходит. Благодаря ГСМСИ и настойчивости нескольких медицинских работников, в том числе врача, распорядившегося уничтожить полтора миллиона цыплят и взрослых кур с подозрением на вирус, ТОРС вошел в историю как местная эпидемия, а не глобальная пандемия.

В 2012 году ГСМСИ обнаружила тревожные сигналы новой вспышки респираторного заболевания – на этот раз в Иордании. Система опять не ошиблась, определив возбудителя как коронавирус ближневосточного респираторного синдрома, или MERS-CoV, прежде чем тот успел распространиться по всему миру.

По сути, в отношении эпидемий ГСМСИ выполняла ту же функцию, которую сейсмометр и шкала Рихтера выполняют в отношении землетрясений. ГСМСИ ежедневно вела сбор данных, поступающих от местных, провинциальных, региональных и национальных служб здравоохранения. Чтобы не пропустить сообщения о новых вспышках заболеваний, они даже отслеживали треп в соцсетях и блогосфере.

Через несколько часов после прибытия команды Пейтон в Кению ГСМСИ зарегистрировала первый «подземный толчок». Данные, сопровождающие тревожный сигнал, поступили сразу из нескольких мест – официальных и неформальных источников в разных точках мира. Симптомы, однако, были одинаковыми. Люди во многих частях света заболевали странной респираторной болезнью.

Аналитик Министерства здравоохранения Канады потратил всего несколько минут, чтобы передать сигнал тревоги и написать:

Респираторный сигнал – Ноябрь-22-A93. Характер: сильный, универсальный, соответствует инфекционному заболеванию, переносимому между континентами в короткое время. Патоген в настоящее время неизвестен, скорее всего – штамм гриппа, возможно, новый. Рекомендации: продолжать мониторинг и расследование местными органами здравоохранения.

Персонал Глобальной сети предупреждений о вспышках болезней и ответных действий ВОЗ зарегистрировал сигнал тревоги – уже не первый за день.

¹¹ Тяжелый острый респираторный синдром.

Глава 18

Из своего кабинета Элим видел солдат, патрулирующих территорию больницы. Внутри здания расхаживали фигуры в защитных костюмах. Эти люди несколько часов допрашивали его, других сотрудников и молодого американца Лукаса Тернера, никому не давая передышки.

Англичанин умер четыре часа назад. Лихорадка и усталость сделали его апатичным, однако в последние часы жизни он не хотел лежать на кровати, рвался вон из палаты, кричал, никого не узнавал, не слушал уговоров. Элим начал было надевать защитный костюм, чтобы навестить больного, но ему не позволили этого сделать. Зато в палату пациента зашла группа непрощенных гостей. Они установили видеокамеры на столе и в углу. Не оказав пациенту никакой помощи, чужаки покинули помещение, опечатали его и больше не появились, пока тот не затих, после чего принесли из грузовика черный мешок и бесцеремонно затолкали в него труп.

Увидев незнакомцев, Элим поначалу обрадовался, думая, что больница спасена. Теперь он подозревал, что все они стали заложниками и покинут это место так, как покинул его англичанин.

Глава 19

За два часа до посадки транспортного средства ВВС в Найроби Пейтон подошла к лекционной доске во второй раз.

– Слушайте сюда! Скоро посадка, поэтому давайте освежим в памяти методические наставления. Мы по-прежнему не знаем, с каким патогеном имеем дело. Положение прояснится через дней пять. Возможно, позже. Поэтому будем считать, что это Эбола.

Те, кому предстоит работать в Найроби, должны возвращаться в номера отеля не позднее, чем за час до заката солнца. Поужинайте вместе, сделайте переключку и – по комнатам. Двери – на замок, и чем-нибудь подоприте изнутри. Если кого-то нет на месте или кто-то опаздывает, немедленно разыскивайте. В случае подозрений – звоните в посольство США и ЦЧО. Похищения людей в Кении не редкость.

Обстановка в полевых условиях может быть разной. Сверяйтесь с «Установленным порядком действий», полученным на инструктаже, и следуйте моим указаниям. Для тех, кто будет работать в поле: питаться исключительно сухими пайками! Вы встретите крайне гостеприимно настроенных людей, они захотят отблагодарить вас за помощь и будут предлагать вам еду. Им подчас больше нечего предложить. Эту еду, вполне вероятно, не опасно есть, но я все равно приказываю вам отказываться. Извинитесь и скажите, что начальство не разрешает. Вопросы есть?

Несколько секунд царило молчание, потом одна женщина спросила:

– У нас что-нибудь организовано на День благодарения?

Вопрос застал Пейтон врасплох. Она успела позабыть о празднике.

– Э-э, да. Тех, кто останется в Найроби, скорее всего пригласят в наше посольство или в ЦЧО Кении. Я наведу справки и сообщу старшим групп. Главное, соблюдайте меры безопасности. Для тех, кто будет работать со мной в поле, мы тоже что-нибудь придумаем. Еще вопросы?

– Означает ли это некоторое послабление в правилах, и что в четверг нам будет разрешено ловить и поедать дичь с аборигенами? – спросил офицер военно-медицинской службы по имени Фил Стивенс.

– Для вас мы можем сделать исключение, доктор Стивенс. Назовем это блюдо «мясной рулет из крылана». Вкус, говорят, умереть и не встать.

Дождавшись, когда стихнет смех, Пейтон продолжила более серьезным тоном:

– Два совета из личного опыта. Если это ваша первая командировка, после приземления позвоните родным и близким. Кто бы это ни был: супруг, супруга, мать, отец, братья, сестры – они будут волноваться, что бы вы им ни говорили. Скажите, что все хорошо и что действительность не так страшна, как показывают в кино. Второй совет – насчет развлечений.

Это упоминание всегда имело должный эффект. Большинство мужчин наострили уши и приготовились слушать.

– Найдите себе хорошую книгу.

Внимание мужской половины заметно ослабло.

– Я серьезно. Впереди много дней упорной работы. Вам нужна отдушина, способ, как отвлечься от реального мира, расслабиться и ни о чем не думать. Временами вам захочется вернуться в номер отеля или палатку и напиться. Не делайте этого. В здешних местах быстро наступает обезвоживание. Трезвость мысли – залог вашей безопасности. Напиться успеете дома. Если у вас нет программы для чтения электронных книг, можно загрузить приложение на смартфон. А если читать лень, загрузите на телефон аудиокнигу. Я сбилась со счета, сколько раз я засыпала, слушая хорошую книгу. Учтите, загружать книги разрешается только через вай-фай. И ни в коем случае не смотреть Netflix, Amazon Prime, YouTube или какой другой видеоматериал через спутниковую связь. Это обойдется в целое состояние. Сколько это

точно стоит, сказать не могу, но два года назад один интерн ССЭД запоем смотрел телесериалы, «съев» огромное количество трафика. Когда пришел счет, люди в бухгалтерии попадали в обморок. Они явились к Эллиоту и пригрозили ограничить доступ к смартфонам или ввести лимит на данные. Дело дошло до самых верхов. Хотя Эллиот отвертелся, мы до сих пор на подозрении. Просто запомните: если будете смотреть Netflix, нас лишат доступа к спутнику, а дети в Африке будут умирать намного чаще. Ясно? Если есть доступ к вай-фаю – на здоровье, но только не через спутник.

И последнее: мы едем в Кению, чтобы остановить вспышку, нас пригласили отчасти потому, что другие отважные американцы до нас приезжали в Кению и навели там мосты и связи. Некоторые все еще работают в кенийском офисе ЦКПЗ и развивают эти отношения. Не забывайте об этом.

Для ЦКПЗ настоящий период особенно сложен. Я переговорила с Джо Руто, руководителем представительства ЦКПЗ в Кении. В начале 2015 года было обнаружено, что пропали несколько миллионов, переданных в дар Научно-исследовательскому медицинскому институту Кении, или НИМИК. Аудит вскрыл бесхозяйственность и обман на многих уровнях внутри НИМИК. Деньги не смогли вернуть, из-за чего пришлось уволить тысячи честных сотрудников. Несколько дней перед зданием НИМИК шли демонстрации протеста. Хотя ЦКПЗ не контролирует, кто и как использует средства, многие демонстранты и уволенные сотрудники обвинили в своих бедах нас. Наша командировка может стать шагом к восстановлению добрых отношений.

Каждый из вас – представитель не только ЦКПЗ, но и Соединенных Штатов Америки. Ваши поступки могут повлиять на отношения нашей страны с этим регионом. Они возымеют последствия как для вас самих, так и для тех, кто прилетит оказывать помощь во время новой вспышки. Я не предлагаю вам ходить на цыпочках или уклоняться от решений; я советую делать все, чтобы к тому моменту, когда мы покинем эту страну, наши отношения стали лучше.

* * *

Когда пилоты объявили о заходе на посадку в аэропорт имени Джомо Кениятты, половина состава ЦКПЗ дремала, пользуясь последней возможностью поспать. Свет в пассажирском отсеке был приглушен, темноту нарушали лишь свет нескольких мониторов ноутбуков и лампы для чтения. Спящие были завернуты в шерстяные одеяла, их стопки лежали на полу отсека.

Пейтон заснула на ряду из пяти кресел. Проснувшись, она обнаружила, что ее ноги перепутались с ногами другого человека, лежавшего в том же ряду. Она встретила взглядом с Филом. Тот быстро поднялся, протянул руки и помог ей встать. На мгновение их взгляды задержались друг на друге, но тут же оба принялись собирать вещи и готовиться к посадке, которая прошла на удивление мягко.

Пейтон разгладила на себе форму, забросила на плечо дорожную сумку и спустилась по рампе из самолета.

Они прибыли ночью, за диспетчерской башней аэропорта мигали городские огни. Порыв теплого ветра сбросил на лицо прядь блестящих черных волос.

На твердом покрытии аэродрома стояли в ожидании двенадцать японских внедорожников. Из второй машины вышел Йонас. Выражение на его лице заставило Пейтон остановиться.

Она почуяла недоброе.

Глава 20

Колонна черных внедорожников продвигалась по Найроби, собираясь в пробку на светофорах и растягиваясь в промежутках, напоминая ползущую между небоскребами черную змею.

Пейтон и Йонас Беккер, ее напарник от Всемирной организации здравоохранения, сидели на заднем сиденье второй машины. В аэропорту Йонас лишь успел намекнуть на важные новости, но не захотел делиться ими в присутствии чужих.

– Как долетели? – спросил он.

– Нормально. Долго только.

– Поспала?

– Немного.

– Извини, что разбудил тебя так рано.

– Ничего, мне положено вставать раньше других.

В отеле Йонас, как делал много раз прежде, предложил донести сумку Пейтон. Как обычно, она отклонила предложение.

Отель ничем не выделялся, зато находился в безопасной части города, поблизости от американского посольства. Стоянку охраняли кенийские военные, окружающие улицы патрулировала полиция Найроби.

Как только дверь номера закрылась, Йонас произнес:

– Вирус разошелся по деревням.

Он расстелил на кровати карту и указал на три обведенных в кружок района неподалеку от Мандеры. Пейтон достала ноутбук, подключила вай-фай и вызвала на экран дорожный журнал сотрудников CityForge.

– Эти двое американцев снимали на видео и публиковали свое путешествие, – пояснила она. – Надо сверить их маршрут с картой района заражения.

Йонас запустил пальцы в короткие каштановые волосы и отвернулся, словно не решался заговорить. Рост Пейтон составлял метр семьдесят, Йонас был выше всего на пару сантиметров, отчего их взгляды встретились почти на одном уровне. Стараясь найти подходящие слова, он облокотился на комод из темного дерева.

– В чем дело? – спросила Пейтон.

– Американец, у которого появились первые симптомы, Стивен Коллинз, умер, пока вы летели. Британский сотрудник авиакомпании тоже мертв. – Йонас сделал паузу. – У второго американца, Лукаса Тернера, симптомы той же болезни.

Этого Пейтон страшилась больше всего. До нее не сразу дошло, что Йонас сказал не «Эбола», «Марбург» или «желтая лихорадка», а попросту «болезнь».

– Вчера Минздрав Кении прислал свою группу, – добавил Йонас. – Они развернули в Мандере пункт лечения Эболы.

– Чьи-нибудь анализы успели проверить?

– Проверили всех – американцев, англичанина, большинство местных жителей. Ни одного положительного результата на Эболу.

– Чем пользовались?

– ReBOV. Совершенно ясно, что мы имеем дело с новым патогеном. Экспресс-тест на антитела ReBOV мог дать ложноположительный либо отрицательный результат в одном из десяти случаев, но когда группа испытуемых достаточно велика, на него можно положиться.

То, что абсолютно все показали негативную реакцию на Эболу, окончательно развеяло сомнения – они столкнулись с незнакомым переносчиком инфекции.

Тщательно подготовленный план Пейтон полетел в тартарары. Никто не мог предсказать, подействует ли ZМarr на новый патоген. Эвакуация Лукаса Тернера в Эмори теперь оборачивалась огромным риском: кто знает, что они привезут в США?

Йонас и Пейтон сообща наметили тактику поиска после прибытия в Мандеру, решив направить группы специалистов в аэропорт и окрестные деревни, затем позвали в номер отеля советников по безопасности, чтобы те дали оценку общего плана действий.

Представитель вооруженных сил Кении, полковник Магоро, сообщил, что армейская бригада отправилась в округ Мандера вчера утром и уже разбила лагерь. Кенийское правительство готово поместить в карантин, если понадобится, все население округа.

Офицер безопасности ООН сказал, что войска Африканского союза на юге Сомали поставлены в известность и оборудуют пропускные пункты на приграничных дорогах. Эфиопов тоже ввели в курс дела, они принимали такие же меры.

В номере сидели двое сотрудников американского посольства. Один из них представлял Госдепартамент. Он внимательно слушал, задавал много вопросов и посоветовал полковнику Магоро усилить отряды, которым предстояло охранять людей Пейтон за пределами Мандеры. Полковник без возражений согласился.

Второй американец назвался сотрудником службы безопасности посольства. Он тоже не пропускал ни слова, но все время молчал. Офицер ЦРУ, предположила Пейтон. Когда все двинулись на выход, он подал ей карточку с номером телефона в Найроби.

– Если возникнут неприятности, звоните, не мешкая. Мы сделаем все возможное.

Проводив посетителей, Йонас свернул карту и уложил вещи, явно не торопясь уходить.

– Выходит, День благодарения придется пропустить, а? – наконец спросил он.

– Да уж.

– Родители недовольны?

– Нет. Они знают, что я бы не уехала из-за пустяка.

– Понимаю... У тебя ведь есть сестра?

– Да, старшая. Мэдисон.

– Племянники, племянницы тоже есть?

– И те, и другие. У Мэдисон в прошлом году родился второй ребенок – девочка. Назвали Оливией.

Йонас кивнул с прежним неуверенным видом. Пейтон удивила его неожиданная заинтересованность в ее личной жизни. За многие годы они прекрасно сработались, но отношения между ними никогда не выходили за профессиональные рамки.

– А у тебя? – спросила она.

– По мне в Женеве никто не скучает. В Гейдельберге тоже. Родители умерли несколько лет назад. Сестра живет в Лондоне, занята карьерой, детьми, ей не до меня, – Йонас начал возиться с сумкой, потом добавил: – Выходит, краснощекий молодой человек в Атланте не считает часы до твоего возвращения?

– Давно уже не считает, – ответила Пейтон и отвела взгляд, ожидая, не скажет ли тот еще что-нибудь. Не дождавшись продолжения, она спросила: – А у тебя как?

– Точно так же. Одна работа.

– И не говори.

Йонас несколько приободрился, его нервозность пропала. Он закинул рюкзак на плечо и направился к двери.

– Ну, тогда пока. Закрывайся на замок. Увидимся утром.

– Хорошо. – Пейтон проводила коллегу озадаченным взглядом, достала из дорожной сумки и засунула под дверь деревянный клин. На всякий случай передвинула и вставила под дверную ручку стул. Рядом с кроватью поставила баллончик со слезоточивым газом, а под подушку сунула охотничий нож в ножнах.

Постельное белье, скорее всего, стирали регулярно, но одеяла всего лишь вытряхивали, из-за чего в них скапливались бактерии и насекомые десятков постояльцев. Поэтому Пейтон сняла с кровати одеяла и повесила их на комод. Она определенно не собиралась прикасаться к ним лицом, – сказывались профессиональные навыки.

Первые пять лет Пейтон сама поступала так, как сегодня советовала интернам, – звонила родителям, едва прибывала в место командировки. С возрастом она утратила эту привычку, однако, сидя на голой кровати в Найроби, решила набрать номер матери.

Лин Шоу ответила на втором гудке. Пейтон показалось, что мать только что перестала плакать.

– У тебя все в порядке? – спросила она.

– Да, милая. Ты где?

Пейтон рассказала о поездке, они поболтали о пустяках, полете, сестре, материнском увлечении рукоделием. После смерти мужа Лин Шоу в одиночку вырастила сына и двух дочерей. Пейтон сохраняла близкие отношения с матерью, им не требовалось заверять друг друга в любви. Но тут мать в конце разговора почему-то сказала:

– Я тебя очень люблю.

Повесив трубку, Пейтон задумалась: не заболела ли мать?

Почему-то вспомнился брат Эндрю. Он погиб в 1991 году в Уганде, проводя информационную кампанию о СПИДе по заданию ВОЗ и правительства Уганды. Жарким августовским днем весь поселок на территории национального парка Маунт-Эльгон в восточной Уганде поглотил лесной пожар. Эндрю, угандийский посредник и все жители деревни погибли в огне. Останки опознали по стоматологическим снимкам и личным вещам. Облачным днем в Сан-Франциско в землю опустили практически пустой гроб.

Пейтон на тот момент исполнилось тринадцать. После окончания службы к ней подошла и представилась женщина с волнистыми светлыми волосами. Она говорила с австралийским акцентом, назвалась знакомой и коллегой Эндрю. Пейтон тогда еще подумала, что они, вероятно, были не только друзьями. Женщина достала из кармана хорошо известный девочке предмет – серебряный значок, который Эндрю получил в подарок от их отца на окончание медфакультета. Женщина вручила его Пейтон со словами:

– Я думаю, Эндрю согласился бы, чтобы эту вещь отдали тебе.

Пейтон повертела значок в руках, разглядывая змею, обвившую посох. К ее удивлению, украшение не потемнело от огня.

– Разве значок нашли не на месте пожара?

– Я попросила его почистить и восстановить. Хотела передать тебе эту вещь в таком же состоянии, в каком она была у твоего брата. Все можно со временем исправить, Пейтон. Вот только сколько его понадобится, времени...

В тот сумрачный августовский день, держа значок Эндрю на ладони и убирая с лица растрепанные ветром волосы, Пейтон твердо решила: она станет врачом, будет ездить в отдаленные места, спасать людей. Может быть, потому что хотела продолжить труд брата – он служил ей примером и заменял отца, – а может быть, потому что профессия эпидемиолога, которой он владел, помогала бы сохранить близость с Эндрю даже после его смерти. Так или иначе, Пейтон не сомневалась, что ее желание стать доктором неподдельно, и впоследствии ни разу не пожалела о своем выборе.

Она почистила зубы, включила душ и стащила с себя светло-коричневое хаки. Присела голышом на сиденье унитаза, ожидая, когда нагреется вода. Мысли вернулись к Лукасу Тернеру, двадцатидвухлетнему американцу. Неизвестно, жив ли он еще, а если жив, то в каком состоянии. Поможет ли ZMarr от неизвестной геморроидальной лихорадки? Или ему станет только хуже? Переживет ли он – с лекарством или без – эвакуацию в Штаты? Все это имело значение лишь в том случае, если заранее намеченный план, одобренный Эллиотом и дирек-

тором ЦКПЗ, оставался в силе. План этот исходил из определенных предположений, но они не подтвердились. Уже ясно, что патоген – не Эбола.

В Эмори Лукасу могли оказать необходимую квалифицированную помощь, однако вместе с ним в Атланту была бы доставлена неидентифицированная смертельная зараза. Спасение одного юноши могло поставить под угрозу жизнь триста миллионов жителей. В то же время Пейтон не могла смириться с тем, что придется оставить парня в Африке один на один с инфекцией, практически бросив его на верную гибель.

По мере того, как ванная наполнялась паром, в голове начал созревать новый план.

День третий

32 000 инфицированных
41 умерших

Глава 21

Специальный выпуск новостей «Рейтер»:

Власти Гонконга и Сингапура объявили о запрете на въезд лиц с симптомами неустановленного респираторного заболевания. Чиновники на условиях анонимности заверили, что новое заболевание не является повторной вспышкой ТОРС, оно больше похоже на грипп, однако плохо поддается лечению. Сколько человек заразились в обоих городах, пока не установлено.

Глава 22

В пять утра Пейтон и Йонас со своими командами загрузились в транспортный самолет ВВС и вылетели из Найроби в Мандеру. Вслед за ними в воздух поднялись санитарный самолет и транспортник кенийских вооруженных сил.

Пассажирский отсек самолета ВВС США был набит до отказа. Семьдесят восемь человек из двух команд расселись в креслах, на полу и вдоль стен. Некоторые мужчины помоложе сидели и стояли по очереди, пока Пейтон и Йонас проводили инструктаж и ставили задачи объединенной команде.

Когда они приземлились, солнце уже вышло из-за окружающих аэропорт каменистых бесплодных холмов. Прибывших ожидал конвой военных грузовиков с брезентовым верхом. Группой, которой предстояло проводить опрос среди работников аэропорта и отслеживать контакты английского специалиста по радиолокационным системам, руководил доктор Фил Стивенс.

Когда к ним присоединился полковник Магоро, кенийские солдаты быстро разгрузили свое снаряжение и на высокой скорости провезли Пейтон и Йонаса с их людьми через Мандеру. На улицах с покрытием из спекшейся красной глины машины трясло и окутывало клубами пыли. Пейтон едва разглядела городок сквозь красную завесу позади автомобиля.

Одноэтажные домики – других было мало – располагались в хаотичном порядке. Застройка обступала Мандера-роуд, сквозную дорогу, потом редела и вновь уплотнялась в направлении центра города. По улицам бродила всякая живность: скот, верблюды, козы, подгоняемые фермерами в сторону рынка. На каждом перекрестке стояла, позабыв о футбольном мяче, и глазела на проезжающие машины детвора.

Местный проводник немного рассказал о Мандере. Из сорока семи округов Кении этот был самым бедным. По уровню образования он занимал последнее место в стране, на каждого учителя приходилось по сотне учеников. Медицинская инфраструктура тоже была хуже некуда. Жители Мандеры выживали в основном за счет земледелия и животноводства. Экономическое положение оставляло желать лучшего.

В 2013 году кенийское правительство запустило процесс делегирования власти местным органам управления. С помощью Красного Креста и ООН, а также при поддержке правительства Кении ситуация начала мало-помалу выправляться. Были запущены несколько крупных государственных проектов, в том числе реконструкция аэропорта и строительство новых зданий для органов власти, стадиона и международного рынка домашнего скота. Конвой проехал мимо некоторых из этих новостроек, где еще шла работа. Похоже, закончить успели только аэропорт да особняк губернатора.

А еще правительство обновило и отремонтировало лечебно-диагностический центр Мандеры. Усовершенствования заметно повысили безопасность пациентов, но акции местных террористов и проблемы с выплатой зарплат обратили прогресс вспять. Тем не менее округ приобрел первую машину скорой помощи и послал в Красный Крест заявку на семь новых автомобилей. В целом же больнице было далеко до того уровня обслуживания, который хотела бы предоставлять землякам администрация.

Пейтон внимательно слушала рассказ о стране, пытавшейся сделать жизнь своих граждан более сносной. Вспышка эпидемии произошла весьма некстати.

Конвой остановился перед лечебно-диагностическим центром Мандеры в самом центре города. Рядом находились две автобусные остановки, муниципалитет и почтамт. Больница представляла собой несколько запущенных одноэтажных зданий, соединенных крытыми переходами. Над воротами висел щит с названием, написанным белыми буквами на синем фоне.

Кенийское министерство здравоохранения, получив сообщение о вспышке заболевания, сразу же отправило команду медиков и военное подразделение для защиты от террористов «Аш-Шабаб» и оцепления опасной зоны. Кенийцы постарались на славу: периметр патрулировали вооруженные автоматами солдаты в биозащите.

За больницей разбили палаточный городок; Пейтон и Йонас направились к нему. Ния Океке, глава экспедиции кенийского Министерства здравоохранения, ввела их в курс дела за длинным раскладным столом. Седина уже тронула черные волосы на висках Нии. Речь кенийки была бесстрастной, четкой и внятной.

Пейтон поразило, какой объем работы местные успели проделать за столь короткое время. На белых лекционных досках, стоящих у стен палатки, выросли синие и красные «деревья контактов». Карты были размечены, снабжены рядами чисел с указанием времени.

Когда Ния закончила доклад, Пейтон попросила отвести ее к Лукасу Тернеру.

– Разумеется. Я думаю, вам также следует встретиться с еще одним человеком, – предложила Ния.

Пейтон надела защитный костюм, обрызгала его хлоркой и направилась к больнице. Вместе с ней пошли Ханна Уотсон, врач, проходившая первый год интернатуры в ССЭД, и Йонас. Пейтон ни разу не работала с Ханной в реальных условиях, однако из ее личного дела следовало, что девушка после окончания интернатуры собиралась остаться эпидемиологом в ЦКПЗ.

Ей не позавидуешь. Пейтон, как и всякий эпидемиолог, хорошо помнила свои первые командировки в места вроде Мандеры. Но иначе нельзя: Ханна должна набраться практического опыта в полевых условиях, одних занятий в классе недостаточно. Мандера предоставляла для этого идеальную возможность.

На пороге больницы Пейтон пропустила вперед Йонаса.

– Тебе ясно, что нужно делать? – спросила Пейтон Ханну, которая держала под мышкой охлаждаемый контейнер.

Молодая врач согласно кивнула. Сквозь защитные очки Пейтон заметила капли пота на ее русых бровях.

– Если станет слишком жарко или захочешь сделать перерыв, выйди наружу, отдышись. Не откладывай на потом. В минутной передышке нет ничего зазорного.

Ханна еще раз кивнула. Пейтон показалось, что напряженность в лице интерна чуть-чуть ослабла. Хорошо, если это действительно так.

* * *

Тело под костюмом буквально обливалось потом, словно температура внутри больницы была раза в два выше, чем на улице.

Ния провела Пейтон, Йонаса и Ханну в большую комнату, где на подстилках, одеялах и подушках прямо на полу лежали не меньше сорока пациентов. Сердце Ханны застучало в ускоренном ритме. Она видела фотографии палат с больными Эболой, но никакие снимки не шли в сравнение с реальностью. Время как будто остановилось, в памяти отпечатывалась каждая подробность. Вдоль узких проходов выстроились ряды пластмассовых ведер с надписями «рвота», «кал», «моча». По полу перекачивались пустые бутылки из-под ППР. Жужжащие под потолком вентиляторы проигрывали битву с адской жарой, сочившейся из закрытых окон и от тел на полу. Пожелтевшие белки глаз поворачивались вслед процессии.

С каждым шагом защитный костюм все теснее обхватывал тело Ханны, словно целлофановый пакет, из которого откачивали воздух. Прилипший к поверхности потных рук и бедер костюм только сильнее напоминал, что лишь тонкая резина отделяет ее от патогена, убивающего лежащих на полу людей. Один надрез, одно небольшое повреждение – и патоген проник-

нет внутрь. Она сама заболела и вместо помощи другим будет цепляться за жизнь, как эти бедняги.

Снаружи доносились стоны и плач пациентов... И вдруг среди жалобных звуков раздалось чудесное пение. Группа больных пела церковные гимны и народные песни. Контраст между муками и бесстрашием одновременно и вдохновлял, и отнимал остатки спокойствия.

Ящик, который несла с собой Ханна, поначалу казался легким; теперь он весил, как наковальня. Врач опустила его рядом с лежащей в углу молодой женщиной.

– Меня зовут Ханна Уотсон, я доктор Центра по контролю и профилактике заболеваний. Мне нужно взять у вас небольшое количество крови на анализ.

Женщина медленно открыла пожелтевшие, налитые кровью глаза. На лицо села черная муха, заставив ее мотнуть головой.

Ханна достала полевой комплект ReBOV, взяла капельку крови из пальца женщины и приложила ватку к месту укола. Опустив пробу в охлаждающий контейнер, она подняла с полу наполовину пустую бутылку ПРР.

– Сколько бутылок вы выпили за день? – спросила Ханна.

Женщина в ответ покачала головой.

– Вы должны много пить. Вам принести что-нибудь еще?

С трудом выдохнув, женщина сказала:

– Спасибо, доктор. Не надо.

Посмотрев по сторонам, Ханна заметила, что на одной стене кто-то написал буквы от А до F, обозначив ряды, а на другой – номера от одного до двенадцати. Она пометила в уме, что А1 не потребляет достаточно жидкости, но в остальном жалоб не имеет.

Вытащив новый полевой диагностический комплект, Ханна перешла к пациенту А2.

Через двадцать минут Ханна вышла из больницы. Ей было так жарко, что хотелось разорвать на себе защитный костюм ногтями. Горячая пленка приставала к липкой от пота коже и плавилась вместе с ней – так, по крайней мере, казалось. Однако она не забыла о предупреждениях доктора Шоу: не торопясь сняла костюм и пошла в палатку, где интерн ССЭД делал анализ проб из ряда «А».

Интерн поднял голову.

– На Эболу ни одной положительной реакции.

Ханна кивнула. Доктор Шоу уже предупредила ее. Хотя кенийцы успели сделать анализы и не нашли у пациентов вируса Эболы, на всякий случай следовало провести собственные анализы, используя комплекты от другого производителя.

К тому же доктор Шоу наверняка считала сбор анализов элементом практической тренировки в реальных условиях. Вскоре придется брать анализы у других пациентов – в окрестных деревнях. В одиночку. Поэтому Ханна была рада возможности отработать процедуру с помощью коллег.

* * *

Ния привела Йонаса и Пейтон в конец длинной палаты, где, прислонившись к стене с пожелтевшей штукатуркой и прикрыв глаза, сидел мужчина среднего возраста в пропитанной потом безрукавке. Рядом лежал аккуратно свернутый белый халат.

– Доктор Шоу, доктор Йонас, это – доктор Элим Кибет, главный врач мандерской больницы.

Доктор Кибет приоткрыл глаза, посмотрел на гостей и, слабо улыбнувшись, вытер пот со лба.

– Точнее говоря, единственный врач Мандеры. – Он перевел взгляд на Пейтон. – Мы сделали для американского парня все, что могли. Прошу прощения.

Пейтон опустилась на корточки, чтобы не заставлять доктора смотреть на нее снизу вверх.

– Мы все ценим ваши усилия, доктор Кибет. ЦКПЗ, американское правительство и особенно родители юноши.

Доктор Кибет достал из-под халата перекидной блокнот и подал его Пейтон.

– До приезда людей из министерства я успел подробно опросить мистера Тернера.

Пейтон вытерла перчатки и пролистала линованные страницы, заполненные четким почерком. Доктор Кибет ничего не упустил. У Пейтон появилась надежда, что в записях обнаружится намек, который выведет их на нулевого пациента.

– Спасибо, доктор, – сказала она и оглянулась на Нию, которая пристально смотрела на американку. У Пейтон появилось ощущение неоднозначности происходящего, но она не могла уловить, что его вызывало.

– Вы готовы к встрече с мистером Тернером? – спросила кенийка.

Пейтон, облаченной в оранжевый костюм из ткани «тайвек», показалось, что температура вдруг подскочила градусов на пять. Предстоящее решение грузом давило на плечи, затрудняя дыхание. От него зависела судьба молодого человека, а возможно, – миллионов других людей.

Глава 23

Лукасу Тернеру казалось, что он пролежал в больнице Мандеры много лет. Он помнил, что прибыл сюда всего несколько дней назад, но эти дни стали самыми длинными в его жизни.

Болезнь началась с болей в шее и высокой температуры. В остальном он чувствовал себя нормально. Прошло всего несколько часов, и его начало выворачивать наизнанку. Желудок отказывался держать пищу. Понос не давал задержаться в кишечнике ни крупинке, пылесосом опустошая внутренности.

Лукас ослабел и не мог перебороть усталость, сосредоточиться. Он то проваливался в сон, то приходил в сознание, перестал различать день и ночь. Пил раствор регидратационной соли, становившийся раз от разу все противнее. Аппетит пропал совершенно, но по настоянию доктора Кибета Лукас заставлял себя есть. Он стал этого бояться, заранее зная, что организм отвергнет пищу. Казалось, собственное тело объявило ему войну, и он ее проигрывал.

В помещении нестерпимо воняло хлоркой. Доктор Кибет дал Лукасу несколько книг в бумажных переплетах и Библию, но у него, несмотря на скуку, не оставалось сил для чтения. Он думал о родителях и сестре. Какой это будет для них удар! Лукас даже пожалел, что вообще приехал в Африку. У фантазеров и смерть глупая... Нет, так к жизни подходить нельзя, — нельзя жалеть, судить задним числом. Он шел за мечтой, и она привела его сюда, в Мандеру, что тут еще думать. Жизнь непредсказуема; в конце концов, мы способны управлять лишь собственными мыслями.

Лукас постарался переключиться на управление своими мыслями. Нельзя раскисать, даже если судьбе угодно, чтобы он умер здесь, в Мандере.

Через некоторое время доктор Кибет перестал его навещать, зато стали приходить незнакомые люди в защитном снаряжении. Они вели себя крайне осторожно. В отличие от доктора Кибета, эти не задавали никаких вопросов и не задерживались в комнате. Главврач относился к нему, как к живому человеку; новенькие — с безразличием, как к клиническому случаю.

Солнце клонилось к закату. В узкое окно Лукас видел группу новоприбывших, собравшихся вокруг костра, они бросали в огонь свои защитные костюмы. Костер изрыгал клубы черного дыма, из которых всякий раз, когда в него падала еще одна пустая оболочка, выскакивали языки пламени. Лукас повернулся к маленькому зеркалу на стене. На него смотрели налитые кровью, слезящиеся глаза. Кожа — бледная. Лицо — чужое. Лицо монстра.

* * *

Пейтон, сопровождаемая Йонасом, поспешила за Нией в палату Лукаса Тернера. Юноша спал. Пейтон не хотела его будить, но иначе было нельзя. Времени оставалось все меньше. Чтобы остановить распространение патогена, требовалось срочно найти ответ.

Ния протянула ладонь, чтобы разбудить пациента, но Пейтон мягко коснулась ее плеча и подошла к постели первой. Она села на край, взяла Лукаса за руку, осторожно потрепала его за предплечье и несколько раз повторила его имя, прежде чем тот открыл пожелтевшие, налившиеся кровью глаза. Пейтон заставила себя улыбнуться. От вида молодого юноши в расцвете лет, обессиленного от страшной болезни, защемило сердце. Он приехал в Африку в надежде сделать мир лучше, а судьба привела его сюда, в эту комнату, где он теперь умирал.

Лукас удивленно взглянул на руку доктора, словно отвык от прикосновений. Ясное дело — парень напуган, с ним обращались с чрезмерными предосторожностями, и на то есть основания. Однако ее всякий раз удивляло, сколько сочувствия способно выразить обычное прикосновение. Появившаяся в этот момент в глазах парня надежда наполнила Пейтон гордостью

за свою профессию. Она как никогда остро ощутила правильность своего выбора: она там, где нужна больше всего, и делает то, что от нее требуется.

Пейтон наклонилась и мягким тоном спросила:

– Лукас, ты меня слышишь?

Тот кивнул.

– Меня зовут Пейтон Шоу. Я – медик из Центра по контролю и профилактике заболеваний. Мы сделаем все, чтобы помочь тебе. Ты понял?

– Спасибо, – прошелестел губами Лукас.

Пейтон взяла со стола бутылку ПРР.

– Попей немного. Вкус ужасный, но что поделаешь...

Она поднесла бутылку к губам пациента. Он, морщась, сделал несколько глотков.

Доктор поставила сосуд обратно на стол и подождала, пока Лукас проглотит жидкость.

– Я прочитала в записках доктора Кибета, что Стивен заболел семь дней назад. Ты помнишь, где вы тогда находились?

Лукас прикрыл веки, пытаясь вспомнить. Покачал головой.

– Извините, все дни слились в один.

– Ничего. Ты помнишь, когда вы оба были здоровы последний раз? Или момент, когда вам было весело?

Помедлив немного, он ответил:

– В Маунт-Кении, в парке.

– Что там произошло? У вас были контакты с какими-нибудь животными? С летучей мышью? Или обезьяной?

– Нет. Определенно нет. Это была наша последняя остановка перед посещением деревень. – Он улыбнулся. – Мы устроили барбекю. Пили пиво.

Пейтон вскинула брови.

– Барбекю делали местные? Какое вы ели мясо?

– Нет-нет. Мясо пришло из дома, из Северной Каролины. И пиво было оттуда. Сварено в Роли.

– Где вы это взяли?

– Спонсор прислал.

– Спонсор?

– Десмонд Хьюз из Icarus Capital, член нашего совета директоров.

Пейтон прошиб холодный пот. Известие о причастности Десмонда к происходящему застало ее врасплох и напугало. Что он сказал по телефону? «Мне кажется, тебе грозит опасность».

Пейтон постаралась унять дрожь в голосе.

– В посылке что-нибудь еще было?

– Да. Еду положили в довесок к видеокамерам. Мы решили не везти их в багаже, чтобы не украли по дороге. Да и не хотели таскать их с собой, пока не пришло время ездить по деревням. Мы даже не могли договориться, сколько их брать. Десмонд предложил доставить камеры после того, как мы прибудем в Маунт-Кению, и отправил посылку прямо в кемпинг, где мы остановились. Барбекю и пиво мы не ожидали получить. Тем еще была записка: «Желаю удачи. Почувствуйте вкус дома».

– И все? Только маринованное мясо, пиво и видеокамеры?

– Да.

Лукас дрожащей рукой потер горло. Пейтон еще раз поднесла к его губам бутылку ПРР и дала отпить.

– Какое отношение имеет к вашей компании Десмонд Хьюз?

– Он наш инвестор, – ответил Лукас несколько отчетливее. – Мы встречались всего несколько раз. Десмонд – филантроп, вкладывает деньги в развитие новых технологий. Постоянно на взводе. Очень умный. Занимается сумасшедшими проектами.

– Например?

– Такими, что способны изменить мир. Чем угодно – от искусственного интеллекта до медицинских исследований и квантовой физики. Часто говорит: «Единственное, что люди пока не усовершенствовали, это они сами». Считает, что время уже настало, что нас ждет квантовый скачок. Готов даже себя предоставить в качестве подопытного кролика.

– Чем его заинтересовала CityForge?

– Он говорил, что третий мир имеет шанс выжить только за счет улучшения условий жизни в городах.

Пейтон насторожилась.

– Выжить?

– Это его слова, не мои. Мол, если третий мир не догонит остальных, произойдет грандиозная катастрофа, событие, угрожающее вымиранием человечества как вида. Именно поэтому, говорит, наша работа так важна.

– Интересно. Почему он так думает?

– Из-за отсутствия космического мусора.

– Космического мусора?

– Зондов других цивилизаций. Разговор шел за ужином, может, он выпил лишнего... – Лукас запнулся. – Нет, кажется, он совсем не пьет. Ну да ладно... Десмонд говорил, что самое настораживающее открытие в истории человечества – это неразрешимое противоречие между двумя фактами: с одной стороны, Вселенной миллиарды лет, с другой – поверхность Луны не усеяна обломками зондов передовых цивилизаций, существовавших до нас.

Пейтон ничего не поняла.

– Как все это связано с угрозой события, способного уничтожить человечество?

– Я и сам не знаю. Десмонд говорил, что он и еще несколько человек – единственные, кому известно, почему в космосе нет мусора. И что вскоре они испытают свою гипотезу на практике. Честно говоря, он вещал загадками. К тому же он нас сразу очаровал, и мы не задавали лишних вопросов. В его присутствии хочется замолчать и слушать. Чек на сто пятьдесят тысяч долларов тоже чего-то стоит, поэтому мы слушали да кивали. – Лукас сделал паузу. – А почему вы спрашиваете о Десмонде? Он как-то с этим связан? Он тоже заболел?

– Пока не знаю, – задумчиво ответила Пейтон.

– Мы заразились через еду? Выходит, люди в Северной Каролине тоже болеют?

– Нет. Есть надежда, что это локальная вспышка. Просто я стараюсь ничего не упустить. Ты нам очень помог, Лукас. Я скоро вернусь, хорошо?

* * *

Выйдя из больницы, Пейтон, Йонас и Ния осторожно сняли защитные костюмы и перешли в другую палатку, где Пейтон стащила с себя мокрую от пота футболку и обтерлась полотенцем. Подняв глаза, она увидела, что Ния – тоже раздетая и вспотевшая – пристально на нее смотрит. Йонас переодевался в сухую одежду, отвернувшись от женщин.

– Вы собираетесь ввести ZМарр мистеру Тернеру? – спросила Ния, не моргая глядя на Пейтон.

Та выдержала взгляд.

– Может быть.

– Я хочу получить дозу для доктора Кибета.

Теперь до Пейтон дошло, почему чиновница Министерства здравоохранения Кении настаивала на встрече с местным доктором. Нуждающемуся труднее отказать в просьбе, если знаешь его лично.

– Я не...

– Дозу я введу сама. Я лишь прошу дать мне лекарство, которое может спасти ему жизнь. Если мы не спасем его или хотя бы не сделаем все возможное для этого, будет очень трудно убедить других подвергать себя опасности. Кроме того, это было бы справедливо в отношении человека, который уже не раз рисковал собой еще до появления на его пороге больных американцев.

Пейтон натянула сухую футболку.

– Мне надо позвонить.

Она вышла, прежде чем Ния успела что-либо сказать.

В главной палатке Пейтон застала Ханну, сидящую с ноутбуком за длинным столом. Молодая врач, завидев начальницу, поднялась.

– Результаты есть?

Ханна утвердительно кивнула.

– Ни одного положительного на Эболу. Я брала пробы крови и слюны, как вы говорили.

– Хорошо. Я сейчас вернусь. Приготовь пробы к транспортировке.

В Мандере часы показывали 8:37 утра, в Атланте – 12:37 ночи. Пейтон надела на телефон спутниковую насадку и набрала номер Эллиота Шапиро. Она не любила тревожить коллег по ночам, но иного выхода не было.

– Д-да, – отозвался сонный Эллиот.

– Извини, что разбудила.

До Пейтон донеслись шорох постельного белья, шлепки босых ног по полу, стук закрываемой двери.

– Ничего страшного. Что у тебя? – спросил он приглушенным голосом.

– Это не Эбола. Кенийцы всех проверили. Мы тоже.

– Каковы симптомы?

– Классические для филовируса. Если бы не результаты анализов, я бы подумала на Эболу или Марбург. Но эта штукавина распространяется быстрее Эболы. Смертность, похоже, очень высока. Пока еще никто не выздоровел.

Эллиот выдержал паузу.

Пейтон, стараясь не повышать голоса и сохранять деловой тон, продолжала:

– Стивен Коул мертв. Лукас Тернер заразился и находится в критическом состоянии. – Ее ровный голос в конце фразы чуть дрогнул, пришлось остановиться, набрать в грудь воздуха. – Эллиот, мальчишка погибает.

– Что ты собираешься делать?

– Я хочу ввести ему ZMarr и эвакуировать в Эмори. Я бы так и с собственным сыном поступила. Беда в том, что это не Эбола. Мы даже не знаем, поможет ли ZMarr и не поставим ли под угрозу население всех континентальных штатов.

– Но?

– Но можно спасти ему жизнь и разобраться с патогеном. И быстрее разработать вакцину. Однако бюрократический кошмар...

– Грузи его в самолет и занимайся своей работой. С бюрократами я как-нибудь сам разберусь. Это по моей части.

– Хорошо. Это еще не все. Кенийцы попросили дать им дозу ZMarr для местного доктора из Мандеры.

– Сколько у тебя всего доз?

– Хватит на двенадцать пациентов.

– Сурово. Я бы разрешил, однако дозы могут понадобиться нашим людям, если они заболеют. Такое лекарство невозможно раздобыть на раз-два.

– Понимаю.

– С другой стороны, если на момент отъезда у нас останется неиспользованная доза, бедняга умрет понапрасну.

– Да, куда ни кинь – всюду клин.

– Поступай, как считаешь нужным, Пейтон. Я тебя прикрою в любом случае.

– Боже, от тебя никакого проку. Я-то думала, ты примешь решение за меня.

– Принятие серьезных решений – часть твоих служебных обязанностей, дорогуша. Вскоре решения эти станут еще сложнее. Я не намерен занимать свой пост вечно. Когда я уйду, тебе придется меня заменить.

– Мне не нужна твоя должность.

– Увы, я все равно буду настаивать на твоей кандидатуре.

– Тогда я сама уйду на пенсию.

– Глупее угрозы я не слышал. Ты поступишь так, как надо. После отправления самолета с парнем пошли мне сообщение на мобильник. Я постараюсь достать новые дозы ZMarr.

* * *

В палаточном городке Ния и три кенийских госслужащих спорили и тыкали пальцами в карту. При приближении Пейтон высокая чернокожая женщина выпрямилась и замолчала.

– Мы дадим вам дозу для одного пациента, – сказала Пейтон. – С одним условием: Министрство здравоохранения должно подписать отказ от требований, ибо лекарство передается исключительно в исследовательских целях и будет использоваться по усмотрению кенийского правительства. ЦКПЗ не будет знать, что произошло с дозой, и не обязуется предоставлять новые дозы.

Ния покачала головой.

– У нас нет времени для бумажной волокиты.

– В таком случае предлагаю позвонить прямо сейчас. Я не думаю, что у вас возникнут проблемы. Меня-то вы сумели убедить.

* * *

Пейтон извлекла дозу ZMarr из ящика, снова надела защитный костюм и вернулась в палату Лукаса. Опустившись рядом с кроватью на колени, она сказала:

– Я введу тебе лекарство. Надеюсь, оно поможет справиться с инфекцией. Я побуду с тобой немного, чтобы убедиться в отсутствии негативной реакции, ладно?

Юноша кивнул.

– Если все пойдет хорошо, мы погрузим тебя на специальные носилки и отвезем в аэропорт. Тебя перевезут в Атланту, где предоставят наилучший уход. Мы сделаем для тебя все, что в наших силах, Лукас.

Из пожелтевшего, налитого кровью глаза на щеку стекла одинокая слеза. Парень кашлянул, посмотрел доктору в глаза и прошептал «спасибо».

Пейтон положила ему на плечо руку.

– Не за что.

* * *

Когда за Лукасом пришли, чтобы отнести его в самолет, он снова качался на волнах сна. Доктор Шоу помогала ему перебраться с постели на носилки; парню захотелось встать и обнять ее. До ее приезда он был уверен, что не выживет. Теперь к нему вернулась надежда. Впервые после начала лихорадки он подумал, что шанс остаться в живых еще есть.

Лукас считал, что ему невероятно повезло.

* * *

В аэропорту Пейтон проследила за погрузкой Лукаса и собранных Ханной образцов в самолет.

– Думаете, дотянет? – спросила Ханна.

– Надеюсь, – ответила Пейтон и взглянула на рыжеволосую девушку. – Ты сегодня держалась молодцом. Когда впервые видишь больничную палату в разгар эпидемии, это страшно. Привыкнуть невозможно, однако со временем начинаешь воспринимать не так тяжело.

Глава 24

Элим Кибет пытался читать книгу, когда заметил идущую между рядами умирающих сельских жителей Нию. За ней шел человек, толкающий перед собой пустое инвалидное кресло.

Они остановились перед Элимом, Ния присела на корточки и посмотрела ему в глаза сквозь пластмассовые очки.

– Мы тебя перевозим, Элим.

Он закрыл книгу.

– Куда?

– Только что освободилась индивидуальная палата.

Сердце Элима ухнуло вниз. Это был ответ, которого он больше всего боялся. Освободившаяся палата могла означать только одно – молодой американец, Лукас Тернер, умер.

Доктор попытался встать, но ноги не слушались. Его подхватили под руки и усадили в инвалидное кресло. Потерявшие всякую надежду глаза десятков лежащих на полу людей проследили за его отбытием, сам же пациент воспринимал процесс как в бреду или тумане.

Как он и подозревал, кресло остановилось перед входом в смотровой кабинет, где он в последний раз разговаривал с Лукасом Тернером.

– Когда он умер?

– Он жив. Американцы отправили его домой.

Элим в удивлении поднял глаза.

– Отлично.

– Да, отлично. А теперь ложись на кровать.

Ния с помощником уложили Элима и вышли из комнаты, оставив после себя облако хлорной вони.

Лежа в одиночестве, Элим размышлял, как быстро может перемениться судьба человека, насколько драгоценны жизнь и хорошее здоровье. Всего два дня назад он вошел в эту комнату как практикующий врач, хозяин положения, способный лечить других, а больной американец лежал перед ним на этой самой кровати. Он и представить себе не мог, насколько иначе выглядит мир с больничного ложа.

Элим мысленно поклялся: если выживет, будет ценить каждый день жизни. И хотя он никогда не желал другим недоброго, не мог отвязаться от мысли: не пошло бы на пользу врачу, любому врачу, хотя бы однажды по-настоящему заболеть? Не станут ли врачи, хотя бы на короткий период побывав в положении пациента, предав свою жизнь и здоровье заботам незнакомого человека, более заботливыми? Он считал себя добросовестным врачом и до того, как заболел, однако теперь пообещал себе: если выживет, станет уделять пациентам еще больше внимания.

Пялясь в потолок, Элим вспомнил древнюю индийскую пословицу: «У здорового человека сотни желаний, у больного – только одно».

Открылась дверь, на пороге возникла Ния. Она принесла хорошо известные Элиму три ведра, бутылку с наклейкой «ППР» и коробку с клеймом ЦКПЗ.

Ния подошла к капельнице и начала что-то к ней прикреплять.

– Что это?

– Подарок наших американских друзей.

– Какой еще подарок?

– ZMapp.

Элим сел на кровати.

– Не надо мне его вводить.

Ния опустила руку на плечо врача, вынудив его лечь, и присела на край постели.

– Для тебя же лучше, что ты здесь больше не командуешь, доктор Кибет.

– Введи кому-нибудь помоложе, у кого вся жизнь впереди.

Ния впервые за все время улыбнулась.

– Я думаю, Элим, что ты тоже еще маленько поживешь. По правде говоря, мы даже не знаем, поможет ли ZМарр. Будем считать это экспериментом. Мы имеем дело не с Эболой, поэтому требуется подопытный кролик. Человек, понимающий принцип добровольного согласия. Человек, заслуживающий спасения.

– Людей, заслуживающих спасения, полным-полно.

– Верно. Но мы выбрали тебя. А теперь извини – работа ждет. Позови, если что.

Женщина вышла прежде, чем Элим успел возразить.

Прикрывая глаза, он вдруг осознал, что в случае выздоровления приобретет иммунитет от ужасного патогена и вновь сможет помогать другим. Сможет работать без опаски. Это – достойная цель. Ради нее стоило жить.

Глава 25

В двадцати милях от границы с Кенией, в тренировочном лагере на юге Сомали, член террористической группы «Аш-Шабаб» включил смартфон и открыл страницу крупнейшего кенийского новостного портала «Дейли ньюс». Боевик пробежал глазами заголовки в поисках чего-либо такого, что могло бы пойти на пользу организации. Один заголовок немедленно привлек его внимание: «Вспышка заболевания в Мандере».

Он выпрямился и прочитал пояснительную строку: «Медики ВОЗ и ЦКПЗ исследуют возможную вспышку Эболы в Мандере».

Боевик побежал в казарму будить остальных. У них появилась работа.

* * *

Пейтон и Йонас тряслись на заднем сиденье внедорожника, скачущего по колдобинам проселочной дороги. Двигатель ревел, толкая машину сквозь облако оранжевой пыли. Конвой состоял из шести внедорожников и двух бронетранспортеров – один возглавлял процессию, второй следовал за последней гражданской машиной. Колонну замыкала самоходная артиллерийская установка «Нора Б-52».

Руководствуясь записками доктора Кибета и веб-сайтом CityForge, Пейтон с Йонасом отследили перемещения Лукаса и Стивена. На основании опросов больных селян в лечебно-диагностическом центре Мандеры и выложенных в инете видеозаписей они определили деревню, в которой, вероятно, возникло первичное заражение.

– О чем шла речь в больнице? – спросил Йонас.

– Что?

– Все эти разговоры о Десмонде Хьюзе... Он как-то с этим связан?

– Не знаю, – ответила Пейтон. Она прикинула, не рассказать ли Йонасу о ночном звонке Десмонда, но решила промолчать.

– Ты с ним знакома?

Пейтон ответила не сразу.

– Была.

Йонас внимательно посмотрел на коллегу, словно пытался проникнуть в смысл сказанного.

– По-моему, мы что-то недоучитываем, – произнесла Пейтон.

– Что именно?

– Сама не знаю. Просто... что-то здесь не так.

– Ты думаешь...

– Я думаю, что вспышка произошла не сама по себе.

– Биотерроризм? Здесь?

– Знаю-знаю. Никакого стратегического, политического либо символического значения.

– Если только... – Йонас на минуту задумался. – Если только не требуется испытать патоген, прежде чем выпускать его в другом месте.

Пейтон не успела ответить – машина затормозила, шум двигателя затих. Облако пыли осело на землю. Пейтон бросила первый взгляд на деревню.

У нее немедленно пересохло во рту.

– Сдать назад, – с трудом выговорила она. – Передайте остальным, чтобы не подходили близко.

Глава 26

Отрывок передачи Си-Эн-Эн «Оперативный пункт»:

Доброе утро!

Спасибо, что настроились на нашу волну. Главная история дня – вспышка смертельной эпидемии в Кении. Погибли несколько десятков человек, в том числе один американец и один гражданин Великобритании. Анонимные источники в ЦКПЗ и Госдепе сообщают, что симптомы заболевания напоминают Эболу, однако результаты анализов пока еще не поступили.

Особую тревогу, однако, вызывает только что полученная новость: один из инфицированных пациентов в данный момент находится на пути в США. Руководство ЦКПЗ объяснило, что недавний выпускник Университета Северной Каролины Лукас Тернер подхватил заболевание во время путешествия по северо-востоку Кении.

Мы будем сообщать подробности по мере их поступления, но хотели бы услышать ваше мнение. Позволительно ли ЦКПЗ привозить пациентов с неопознанным смертельным заболеванием на территорию США? Шлите ваши отзывы в «Твиттере», хэштег – OutbreakInAfrica.

Глава 27

Десмонд пришел в себя привязанным пластмассовыми стяжками к самолетному креслу. Самолет летел без наклона, значит, успел набрать высоту; машину порядком трясло.

Руки Десмонда были закреплены на подлокотниках, щиколотки связаны вместе. Он чуть-чуть приоткрыл глаза. Напротив сидел мускулистый здоровяк со стрижкой бобриком, в руках – планшет, в ушах – каплевидные наушники.

У Десмонда созрел план побега. Не открывая глаза до конца, он начал шевелить головой, бормотать. Охранник отложил планшет и снял наушники. Массивная туша нависла над пленником в попытке разобрать бормотание.

Десмонд двинул головой, ударив макушкой в лоб охранника. Тот, потеряв сознание, бесформенной кучей рухнул на пол.

Десмонд подался вперед и вцепился зубами в подлокотник, пытаясь вырвать из него клоч. Если получится откусить побольше, можно высвободить руку, забрать у охранника оружие и...

Сзади за шею схватила чья-то рука, отвела назад голову и прижала ко рту тряпку. В нос и рот ударил сладковатый запах, в глазах померкло, наступила темнота.

Глава 28

При первом же взгляде на деревню Пейтон стало не по себе – слишком тихо и безлюдно. Очень подозрительно. Она приготовилась к худшему.

Пейтон, Йонас и остальные члены ее команды – все одетые в СИЗ – быстрым шагом приблизились к деревне, держа наготове диагностические комплекты, бутылки с ПРР и медикаменты. Белый палаточный городок остался позади. За голой красной равниной садилось солнце, и в его лучах врачи выглядели, как высадившиеся на поверхность Марса космонавты.

Впереди, сливаясь с солнцем, виднелись погруженные в жар два десятка глинобитных хижин с соломенными кровлями. По главной улице бродили, рассекая клубы гонимой ветром красной пыли, козы.

В первой хижине никого не оказалось. Зато во второй Пейтон обнаружила то, что предполагала увидеть, – мертвые тела. Двое взрослых, очевидно, муж и жена, лежащие на спине. Лица и грудь покрывала запекшаяся кровь. Рои мух. Рядом – трое детей, два мальчика и девочка.

Пейтон подала знак Ханне. Та вошла в жилище, опустила на землю переносной холодильник и начала собирать образцы. Пейтон опустилась на колени рядом с мертвыми взрослыми, отогнала мух, осмотрела трупы, пытаясь установить приблизительное время смерти. Судя по виду трупов, смерть наступила несколько дней назад. Плохо дело.

В хижинах на окраине обнаружились другие мертвецы, некоторые лежали прямо на улице. Возможно, жители деревни решили умереть, ощущая на лице солнечные лучи или глядя на звезды. Кто их осудит?

Собравшись было повернуть назад к палаточному городку, Пейтон краем глаза уловила движение и застыла на месте. Кто-то прятался за околлицей деревни и следил за ними.

Пейтон спросила по рации:

– Йонас, ты видел?

Швейцарский эпидемиолог уже возвращался к палаткам.

– Видел что?

Пейтон опустила на землю контейнер с образцами, приготовилась бежать. Бежать в костюме неудобно, но снимать его тем более нельзя. Она быстро послала вызов:

– Полковник Магоро, вы меня слышите?

– Да, доктор Шоу.

– Немедленно пришлите группу солдат туда, где я сейчас нахожусь. Пусть идут не напрямик, а по околице и смотрят в оба. Не светясь и не поднимая шума. Пусть займут скрытые позиции в ста метрах севернее той точки, где я сейчас нахожусь.

– Вас понял.

– Ханна, возвращайся с командой к палаткам, снимайте костюмы. Садитесь в машины и будьте в готовности к немедленному отправлению.

Йонас вернулся с полпути и молча вопросительно посмотрел на коллегу. Пейтон едва заметно повела головой в сторону кустарника. Йонас сделал шаг в этом направлении, однако Пейтон его остановила.

Через некоторое время полковник Магоро сообщил:

– Мои люди заняли позиции.

– Пусть рассредоточатся и начинают движение к деревне.

Кенийские солдаты поднялись, держа автоматы наперевес, и тихо двинулись вперед, словно загонщики, преследующие дичь. Пейтон хотелось броситься наутек, но она заставила себя смотреть на пожелтевший, местами еще зеленый кустарник. Если она ошиблась, такая ошибка может стоить жизни. На лбу выступил пот. Ей отчаянно хотелось сорвать с себя шлем, вытереть лицо и залить в костюм холодную воду.

Вдруг кусты между Пейтон и кенийскими солдатами зашевелились, и из них выскочили три фигуры. Женщина лет сорока, маленький мальчик и девочка-подросток, все страшно изможденные. Дико озираясь, они бегом бросились к Пейтон, подальше от солдат. Бегущие едва не падали. Полковник Магоро с солдатами преследовали их по пятам и что-то выкрикивали на суахили.

– Не трогайте их! – воскликнула Пейтон. – И не подходите близко. Они, возможно, заражены.

* * *

Через пятнадцать минут команда Пейтон собралась в палаточном городке. Трех жителей деревни, на случай если они уже заражены, разместили в изолированной палатке.

Пейтон сидела по другую сторону пластмассовой занавеси, наблюдая, как трое кенийцев уплетают паек из ее личных запасов. Хотя солнце уже скрылось за горизонтом, доктор не переставала потеть.

Полковник Магоро сидел рядом, готовый помочь с переводом.

Девочка, покончив с едой, тяжело отдувалась. Она взглянула на врача и, к ее удивлению, сказала «спасибо» по-английски.

– Пожалуйста, – ответила Пейтон. – Как тебя зовут?

– Халима.

– Халима, что здесь произошло? Ты можешь рассказать?

Подросток повернула голову в сторону деревни.

– Они заболели. Кашляли, чихали. Как простуда. Потом прошло. Но всем стало хуже. Они начали умирать. Очень быстро.

– Сколько человек чихали и кашляли?

– Все. Все наши. Другие тоже.

Пейтон задумалась. Если девочка говорит правду, патогенез заболевания придется переписывать заново. Чем бы ни был мандерский штамм, инфекция, видимо, сначала проявляла себя как респираторное заболевание и лишь потом переходила в стадию геморроидальной лихорадки. Вирус, крайне заразный непосредственно после проникновения в организм и крайне смертельный на следующем этапе. Идеальный убийца.

В отдалении к деревне приближалась одинокая фигура в СИЗ. Пейтон привстала, намереваясь выяснить, что там происходит, но прислонившийся к шесту палатки Йонас вскинул руку.

– Ханна. Вроде бы что-то заметила в одной из хижин. Пошла проверить.

Пейтон повернулась к Магоро.

– Пошлите за ней ваших солдат. Скажите им, чтобы в деревню не заходили. И пусть возьмут с собой приборы ночного видения.

– Хорошо, доктор.

Полковник поднялся и быстро произнес несколько слов в рацию. Спустя несколько секунд из лагеря в сторону деревни побежали десять солдат.

Пейтон поднесла к пластмассовой перегородке планшет.

– Халима, ты видела кого-нибудь из этих людей?

На экране были фото двух американцев и англичанина.

Девочка покачала головой.

– Ты можешь спросить у других?

Халима заговорила на незнакомом языке. Явно не суахили. «Местный диалект», – подумала Пейтон.

– Нет. Они тоже не видели.

- Спасибо. Ты помнишь, когда люди начали болеть? И когда умирать?
- Халима посовещалась с двумя соотечественниками.
- Примерно три или четыре дня назад.
- А кашель, чихание как давно начались?
- Трое местных жителей оживленно заспорили.
- Трудно сказать. Может, неделя, может, больше.
- Пейтон кивнула.
- Благодарю. Твои сведения помогут нам спасти жизнь другим людям.

* * *

Через десять минут Ханна вернулась в палаточный городок с каким-то черным предметом. Врач обращалась с ним крайне осторожно. На входе в камеру санитарной обработки она спрятала его в мешок.

Через некоторое время девушка опустила пластиковый мешок на стол для совещаний. Пейтон, Йонас, Миллен Томас и работники кенийского Министерства здравоохранения подались вперед.

Перед ними лежала запачканная кровью ручная видеокамера.

Ханна села за стол.

– Эти двое американцев были здесь.

– Молодец, доктор Уотсон, – похвалила Пейтон.

Рыжеволосая девушка просияла.

Пейтон указала на потрепанный откидной блокнот.

– Я смотрела записи доктора Кибета. Он подробно опросил Стивена Коллинза, пока тот еще был жив. И с Лукасом Тернером говорил до его отправки в Атланту. Оба сообщили, что кашель, головная боль, температура и усталость появились за неделю до того, как Стивен заболел всерьез.

– О, боже! – воскликнул Йонас.

– Мы имеем дело с совершенно новым, неведомым патогеном, – продолжала Пейтон. – На раннем этапе болезнь напоминает грипп. Через неделю-две становится смертельной.

– Откуда она взялась? – спросил Йонас.

– Я вижу две возможности: или она возникла здесь же, в Кении, или ее завезли американцы.

– В посылке от Десмонда Хьюза? – недоверчиво спросил Йонас.

Пейтон помедлила.

– Вполне вероятно.

Кенийцы, Ханна и Миллен за столом смущенно переглянулись.

Пейтон повернулась к главе кенийской экспедиции.

– Вы направили свои группы в деревни, из которых пациенты поступали в больницу Мандеры, если не ошибаюсь?

– Направили. Там не происходит ничего подобного – всего несколько смертельных случаев, хотя болеют почти все.

Пейтон встала и уперла руки в бока.

– Ладно, давайте взвесим, что нам известно. Наш нулевой пациент скорее всего либо Стивен Коллинз, труп которого сейчас на пути в Атланту, либо один из местных жителей, которых мы здесь обнаружили.

Впервые подал голос Миллен, ветеринар по образованию:

– Если кто-нибудь из местных жителей прикасался к летучим мышам или их помету, резервуарный носитель может быть где-то поблизости.

Сидящий в конце стола служащий кенийского Министерства здравоохранения спросил местного переводчика, нет ли в здешнем районе пещер и прочих мест обитания летучих мышей.

Переводчик сказал, что пещер очень много.

Миллен выскочил из-за стола.

– Я пошел готовиться.

Пейтон остановила его, подняв руку.

– Придержи лошадей.

Она кивнула на ярко-желтую луну.

– Отправись с утра со свежими мозгами и выспавшейся командой поддержки. Кроме того, нам еще многое предстоит сделать на месте. Вскоре температура упадет, костюмы можно будет не снимать дольше. Эпидемия Эбола в Западной Африке нас научила, что трупы, зараженные патогеном, еще опаснее живых носителей. По большей части Эбола в Западной Африке распространялась во время похоронных церемоний. Африканцы целуют на прощание своих мертвых, из-за чего вирус разбежался по деревням, как пожар.

Пейтон посмотрела на висящую на стене карту и указала на соседние деревни и главную дорогу – ведущее на юг шоссе В9.

– Йонас, полагаю, следует отправить наши отряды в эти деревни и придерживаться обычной процедуры – изоляции и карантина. По-моему, мы нашли эпицентр.

– Согласен. Я позвоню в Мандеру, выделю персонал.

– Полковник, – сказала Пейтон, – на В9 пора выставить блокпост.

Кенийский офицер молча кивнул.

– Прошу также, чтобы ваши люди вырыли яму для костра.

– Какого размера?

– Чтобы сжечь наши костюмы и все предметы из деревни, которые могут служить переносчиком патогена.

– Трупы тоже?

– Пока нет. Их мы через час или два разложим по мешкам. Что с ними делать, решим потом. Пока надо остановить распространение патогена. Если мертвые пролежали здесь хотя бы пару дней, летучие мыши, крысы и прочие животные могли успеть заразиться.

– Когда вы намерены сжигать материал?

– В идеале – в конце каждого дня.

– Я бы не советовал, – возразил полковник. – Террористы «Аш-Шабаб» наверняка уже знают о вашем присутствии в Кении. Большой костер превратит нас в мишень.

– Что вы предлагаете?

– Откопать яму, заполнить ее и как следует прикрыть брезентом. При отходе оставим двух человек, они выждут пару часов и тогда уже подожгут.

Пейтон быстро переглянулась с Йонасом.

– Нас это устроит.

* * *

Три часа работы после заката вымотали всех умственно и физически. Люди полковника Магоро свалили в свежую яму костюмы и всякую всячину из деревни – зубные щетки, игрушки, одежду, запасы еды. Яму накрыли лоскутным покровом из кусков брезента оливкового цвета, скрепленных серебристой изолентой, отчего он напоминал одеяло с декоративной прошивкой. Рядом под белым навесом стопкой были сложены мешки с трупами. С каждым часом запах смерти и разложения слабел, пока ночной ветер окончательно не развеял его остатки и не наполнил деревню свежим воздухом.

В своей палатке Пейтон села на койку и принялась втирать болеутоляющий крем в усталые мышцы ног. Она была одета в белую фуфайку без рукавов и короткие спортивные шорты, едва прикрывавшие верхнюю часть бедер. Одежда насквозь пропотела.

Несмотря на ломоту в теле, Пейтон чувствовала себя лучше, чем дома. Приходилось признать: ее домом была палатка в нищей стране, а не квартира в Атланте. Здесь она обретала абсолютный покой и целеустремленность. Ни стресс, ни долгие часы работы не выводили ее из равновесия.

Исследование эпидемий составляло смысл ее профессии и всей жизни. Поведение вирусов предсказуемо, их можно выследить и понять. Люди – другое дело, их поступки нелогичны и пагубны. Люди оставались для нее тайной за семью печатями, больным местом. Особенно мужчины.

Пейтон понимала, что подошла к главной в жизни развилке дорог – либо утомониться и завести семью, либо целиком отдаться работе. Она так и не решила, чего хочет, однако пребывание в Африке, в очаге эпидемии казалось ей совершенно естественным. Но в то же время она чувствовала пустоту в душе. И работа не могла заполнить эту пустоту, хотя и позволяла на время забыться.

Йонас откинул полог палатки и наклонился, чтобы войти внутрь. Втянув ноздрями запах крема, он сощурился и замер на пороге.

– Ух ты, сильная штука!

– Извини, надо было на улице.

– Ничего. Я бы и сам не прочь. Спина разламывается.

Йонас без спросу взял у нее из рук тюбик с кремом.

– Давай помогу. – Он выдавил немного крема на ладонь. – Где ты уже намазала?

– Руки и ноги.

– Тогда подставляй спину.

Свободной рукой Йонас предложил ей сесть на пол и развернул к себе спиной. Пейтон села, скрестив ноги, выгнув спину и отведя назад плечи. Йонас уселся сзади, вытянув ноги во всю длину, едва касаясь икрами коленей Пейтон.

Когда рука с кремом коснулась ее спины, Пейтон охнула.

– Извини, – сказал Йонас.

– Ничего. В следующий раз предупреждай.

Швейцарец медленно втер болеутоляющий состав в поясницу Пейтон, массируя пальцами мягкие ткани чуть выше ягодиц. Она почувствовала, как он приспустил ее шорты, а покончив с этим участком, оттянул кверху пропотевшую фуфайку.

– У тебя вся одежда провоняет.

Не говоря ни слова, женщина стащила с себя шорты и отбросила их в сторону, фуфайку, сняв через голову, положила на койку. Йонас не в первый раз видел ее в нижнем белье, но отчего-то сейчас этот вид щекотал ему нервы. Его руки обхватили Пейтон спереди, втирая крем в живот, двигаясь большими равномерными кругами, слегка дотрагиваясь до нижней части груди.

По телу женщины пробежала легкая нервная дрожь.

– Ты – умница, что нашла деревню, – тихо проговорил Йонас. – Мы вот-вот нащупаем разгадку.

– Я действовала наудачу. – Пейтон старалась говорить ровно, чтобы Йонас не заметил ее учащенное дыхание.

– Удача тебе часто сопутствует, я не раз замечал.

Он втер крем в бока Пейтон, покрыв им ребра до самых подмышек.

– Если подумать... Мы столько проработали вместе, а ты ни разу не рассказывала о себе.

– Нечего особо рассказывать.

- Не верю. Расскажи что-нибудь, чего я не знаю. Чем ты занимаешься в свободное время?
- Мало чем. Я почти все время на работе.
- А когда не на работе?
- Читаю. Бегаю.

Йонас выдавил из тюбика новую порцию крема, снова начал растирать спину, засунул руки под ремешок лифчика, отчего тот натянулся на груди.

- Можно задать тебе один личный вопрос?
- Конечно.

– Ты – удивительный человек. Умная, веселая, с золотым сердцем. Почему ты не завела семью?

Руки швейцарца остановились на ее плечах – Йонас ждал ответа. Пейтон вспомнила брата. Потом отца. Наконец, мужчину, который ушел от нее много лет назад.

- Я так и не встретила мужчину, который оставался бы рядом в нужную минуту.
- Я всегда был рядом, когда был нужен тебе.
- Это правда.

Йонас подтянул ноги и пересел так, чтобы быть лицом к лицу с Пейтон. Они долго сидели в полном молчании. Йонас пытался найти в глазах коллеги ответ на вопрос, к которому та была совершенно не готова. Когда он потянулся губами к ее губам, Пейтон охватил новый, неведомый страх.

* * *

В соседней палатке Ханна Уотсон тоже активно натиралась противовоспалительной мазью. Она разделась до лифчика и трусиков; пропотевшая одежда висела на веревке, натянутой между распорками палатки. Остальные вещи были распакованы и аккуратно разложены вдоль стенки. Жилая половина ее соседа по палатке представляла собой разительный контраст: личные вещи Миллена были разметаны, словно к нему наведальсь семейство медведей.

Ханна стояла в середине палатки. Расставив ноги и низко наклонившись, она втирала мазь в бедра и икры.

За спиной хлопнул полог, она увидела в промежутке между ногами Миллена, застывшего со смешанным выражением неожиданности и восхищения на лице.

- Ой, извини! – выдавил он. Миллен хотел повернуться и уйти.

Ханна выпрямилась.

- Ничего страшного. Просто... отвернись на секунду.

Она закончила натираться гелем и нырнула под одеяло.

- Все.

Миллен обернулся. Она протянула ему тюбик.

- Хочешь? Помогает.

– Нет, спасибо. Я слишком устал. – Миллен открыл пузырек с ибупрофеном и высыпал на ладонь четыре таблетки.

- Дай мне тоже. Я так вымотана, что даже читать не в силах.

- Я тоже. Но сон все равно не идет.

Ханна кивнула:

- Точно.

- Я слишком возбужден.

Девушка посмотрела на полотнище палатки.

- Я тоже. Совершенно без сил, а мысли бурлят – что будет завтра...

Миллен показал Ханне свой телефон с эмблемой приложения Audible на экране.

– Собирался слушать «Соловья»¹². Еще не начинал.

Ханна оперлась локтем на постель, выгнув в изумлении бровь.

– Что? Ты его уже читала?

– Нет пока. Но эта книга давно записана в мой СКОЧ.

– СКОЧ?

– Список книг, обязательных для чтения.

– А-а. А вот у меня нет никакого списка, – посетовал Миллен. – Я просто беру книгу и читаю.

Ханну это ни капли не удивило. Удивил ее выбор книги, что Миллен, очевидно, заметил.

– Что-то не так?

– Вот уж не ожидала, что тебе нравятся книги такого плана.

Миллен озадаченно посмотрел на изображение обложки на экране.

– То есть?

– Ну-у... высокая литература.

Миллен отшатнулся с наигранной обидой.

– К твоему сведению, я – крайне литературный человек. Я бы даже сказал залитературенный.

– Ладно-ладно, залитературенный, как эта штука работает?

– Вот как. – Миллен воткнул разъем наушников в телефон, вставил один в левое ухо, присел рядом с койкой Ханны на корточки и вставил второй в ее правое ухо. Он сел на пол и прислонился к кровати так, чтобы его голова находилась поблизости от головы Ханны, оставив небольшое пространство. Миллен нажал кнопку на телефоне. В ушах Ханны раздались слова вступления, которыми программа начинала все аудиокниги.

Ханна вытащила наушник из уха и позвала:

– Хватит геройствовать, залезай сюда.

Она отодвинулась, освобождая место на кровати. Миллен снял обувь и лег рядом.

В какой-то момент девушка повернулась на бок, к нему спиной, чтобы дать ему больше места. Вскоре она почувствовала, как рука парня обвилась вокруг ее живота и притянула ее ближе.

* * *

Когда губы Йонаса приблизились на пятнадцать сантиметров, Пейтон отвернулась.

– Извини, – сказал он, не глядя ей в глаза.

– Нет, – поспешно ответила Пейтон. – Не в этом дело. Я услышала какой-то шум.

– Какой?

Пейтон ответила не сразу.

– Вертолеты.

Она поднялась, натянула на себя одежду и выскочила из палатки. Над деревней зависли два черных вертолета. Через несколько секунд она увидела бегущих к ней солдат с автоматами.

¹² Книга американской писательницы, автора любовных романов Кристин Ханна.

Глава 29

Когда вертолеты сели, солдаты полковника Магоро отступили к палаточному городку и окружили защитным кольцом Пейтон, Йонаса и остальных медиков. Магоро выскочил из палатки, на ходу выкрикивая по радиации короткие команды.

Сквозь оседающую пыль Пейтон различила на борту вертолетов опознавательные знаки ВВС Кении.

- Что случилось? – спросила она у полковника.
- Новые очаги. Вас обоих срочно вызывают.
- Пейтон побежала в палатку собирать вещи.
- Возьмите с собой воду и еду. Лететь придется долго.

* * *

В крошечной темноте вертолеты пересекли малонаселенную полосу восточной Кении вдоль сомалийской границы. Изредка свет фар грузовика или легковой машины выхватывал участки сухой каменистой местности и покатые холмы.

Пейтон смертельно устала, но ей не терпелось завести разговор о том, что случилось или почти случилось в палатке между ней и Йонасом. Она не могла решить, с чего начать. В конце концов она убедила себя, что слишком устала, что шум вертолета слишком сильный, а надевать наушники и говорить при пилотах было неудобно. Однако подлинная причина была в другом.

Легкая вибрация корпуса вертолета действовала умиротворяюще. Пейтон откинула голову на спинку сиденья и через несколько минут провалилась в сон.

* * *

Проснувшись, Пейтон обнаружила, что ее голова лежит на плече Йонаса. Губы были влажные от слюны. Она приподнялась, чтобы их вытереть.

- Извини.
- Ничего.

Голос Йонаса был едва различим за грохотом винтов.

Они снижались, внизу мерцали огни большого города. На земле горели десятки костров.

Пейтон взглянула на циферблат. Полет занял несколько часов. Если болезнь перекинулась на крупный населенный пункт, все планы придется менять.

Улицы города были проложены, как по линейке. На них почти не было машин – одни военные грузовики, однако на улицах за барьерами толпились и кричали люди.

Пилот обернулся и показал на наушники.

Пейтон и Йонас надели свои пары.

- Куда мы прилетели? – спросила Пейтон.
- В Дадааб. Лагерь беженцев, – ответил второй пилот.

О лагере беженцев Дадааб упоминал госдеповец на инструктаже. Лагерь находился в глубине кенийской территории, близ границы с Сомали, и был крупнейшим в мире – предоставлял кров тысячам тысячам человек, большинство из которых едва сводили концы с концами. Более восьмидесяти процентов обитателей составляли женщины и дети, почти все бежали из Сомали от засухи и многолетних войн. Недавно кенийское правительство пригрозило закрыть лагерь в ответ на террористические акты «Аш-Шабаб», которые предположительно совершали

лица, завербованные в лагерях беженцев. В итоге за последний год обратно в Сомали были высланы более ста тысяч беженцев.

– Сколько инфицированных? – поинтересовалась Пейтон.

Ответил женский голос. Пейтон немедленно узнала говорящую: Ния Океке, сотрудница кенийского Минздрава, с которой она встретилась в Мандере. Очевидно, она прилетела на втором вертолете.

– Больны не менее двух тысяч беженцев. Около сотни уже умерли. Случаи есть даже в лагере гуманитарных организаций, в том числе среди работников Красного Креста и ООН.

Ния объяснила планировку комплекса: он состоял из четырех лагерей – «Ифо-2», «Дагахали», «Хагадера» и лагеря гуманитарных организаций.

В отдалении на одиночную посадочную полосу заходил транспортный самолет.

– Что вы везете?

– Солдат и припасы. Мы вводим карантин на всем комплексе.

– Чем мы можем помочь? – спросил Йонас.

– Нам нужен ваш совет. Как бы вы поступили в такой ситуации?

Пейтон с Йонасом задали еще несколько вопросов, переговорили наедине, перекрикивая шум вертолетных винтов, и наконец пришли к единому мнению насчет рекомендаций. Они предложили поделить комплекс на четыре части – карантин для подозреваемых на болезнь, изолятор для подтвержденных случаев и два вспомогательных лагеря. В первом вспомогательном лагере должны жить те, кто вступал в контакт с потенциальными носителями инфекции. Второй выделялся для сотрудников, не контактировавших с патогеном. Работникам из второго лагеря предстояло разгружать транспорт и поддерживать связи с внешним миром.

За годы борьбы с эпидемиями ни Пейтон, ни Йонас не сталкивались с таким положением, какое сложилось в Дадаабе. Приходилось на ходу импровизировать. Они предложили ввести карантин в ближайшем городе, Гариссе, и перекрыть АЗ и дорогу между Хабасвейном и Дадаабом – две основные магистрали, соединявшие комплекс с внешним миром.

Обсудив подробности, Пейтон и Йонас сели в вертолет и полетели обратно в деревню, в свой лагерь.

Йонас стащил с головы гарнитуру и наклонился к напарнице.

– Плохо дело. Беженцы хлынут, как после резни в Руанде.

– Верно говоришь. – Пейтон выглянула из иллюминатора. – Никак не возьму в толк. Дадааб слишком далеко от Мандеры и той деревни. Американцы сюда не приезжали. По крайней мере, об этом ни слова на их веб-сайте и в заметках доктора Кибета.

– Что ты имеешь в виду?

– Что-то здесь не так.

– Что именно?

– Не знаю. Надо взять передышку, не торопиться с выводами.

Догадка вертелась где-то рядом, однако измученный нехваткой сна и вертолетной тряской мозг не мог ее нащупать. Отчего-то Пейтон во второй раз за ночь вспомнила брата. Он погиб на восточной границе Уганды, в нескольких сотнях миль отсюда, в одну из ночей ноября 1991 года.

* * *

Вертолеты кенийских ВВС доставили Пейтон и Йонаса в деревню на восходе солнца. Белые палатки мерцали на солнце, ветер от винтов взлетающих вертолетов трепал волосы прибывших.

Пейтон, невзирая на усталость, позвонила Эллиоту, в ЦКПЗ и ЦЧО. Эпидемия распространилась намного шире, чем она ожидала.

День четвертый

1 200 000 инфицированных
500 умерших

Глава 30

Снова придя в себя, Десмонд обнаружил, что лежит на боку на плотно утоптанном полу крохотного помещения без крыши. С трех сторон его окружали деревянные стены, с четвертой – металлическая решетка. Сначала ему показалось, что он в убогой тюремной камере. Присмотревшись, понял, что это стойло внутри обычного сарая.

Руки и ноги были накрепко связаны. Все тело болело – даже больше, чем в то утро в Берлине. С ним не церемонились.

Приложив усилие, он передвинулся вперед. Сквозь решетку был виден центральный проход. Стояла ночь. Сколько времени провел он без сознания?

Тот, кто превратил сарай в тюрьму, постарался на славу: деревянные стены укрепили врытыми в землю арматурными прутьями. Можно попробовать их выкопать, но столько времени ему не дадут.

Физическая боль и ощущение замкнутого пространства вызвали воспоминание, которое начало воспроизводиться в уме как наяву.

* * *

Утро. Десмонду пять лет. Он рано проснулся, натянул перепачканную одежду и пулей вылетел с подворья. Когда мальчишка подбежал к первым воротам, на пороге появилась мать. – Чтобы был обратно к обеду, Дез, или я выдублю твою шкуру!

Он выскочил за ворота, сделав вид, что не услышал. Мальчишка бежал по бурой стерне, за ним по пятам – собака. Нос келпи¹³ частенько бывал красным от крови мелкой дичи, поэтому Десмонд прозвал пса Рудольфом¹⁴.

Десмонд был уверен, что ни одна собака в Австралии не бежит быстрее и не загоняет стадо лучше Рудольфа. Хотя сравнивать всех собак Австралии у него не было возможности, он не допускал каких-либо сомнений. Рудольф был «правой рукой» отца Десмонда на овцеферме, однако сегодня тот уехал, оставив Рудольфа дома с сыном. Дез был очень рад. Отец и сам справится, а участвовать в приключениях мальчишки Рудольфу интереснее.

На вершине холма Десмонд остановился и оглянулся на подворье, сарай и опоясывающий их крашеный забор. В верхней точке гряды он заметил отца на лошади. Перед всадником грязным облаком перекачивалась отара овец. Отец снял шляпу и помахал ею, зовя присоединиться.

Делать вид, что не услышал мать, – это одно, но не заметить жест отца – совсем другое. Мама сыну многое прощала.

Десмонд без колебаний направился к фигуре на лошади, а когда остановился рядом, отец сказал:

– Не уходи далеко, Дез. Вернись и помоги матери приготовить обед.

– Хорошо, папа, – пробормотал Десмонд. Слова отца немедленно превратились в кандалы, сомкнувшиеся на ногах.

– Если Рудольф кого поймает, принеси домой. – Отец достал из седельной сумки мешок и бросил его сыну. – Не скучай.

Десмонд побрел прочь с мешком в руках и Рудольфом под ногами. Он оглянулся: отец с отарой почти скрылся из виду. Штат Южная Австралия охватила жесточайшая засуха. Отцу

¹³ Австралийская овчарка.

¹⁴ Имя оленя-вожака в упряжке Санта-Клауса; традиционно изображается с красным носом.

с каждой неделей приходилось гонять овец в поисках пастбищ и воды все дальше и дальше. Жгучее солнце и безоблачные небеса постепенно уничтожали семейную собственность.

Через полчаса Десмонд добрался до зарослей, где строил свой форт. Не теряя ни минуты, он принялся таскать камни из русла пересохшего ручья и складывать из них стены, заполняя промежутки вязкой грязью. Топорик и лопата были припрятаны в кустах. Если отец узнает, рассердится. Десмонд постарался запомнить, что инструменты нужно принести домой.

Часов у него не было, время от времени он поглядывал на небо, не наступил ли ненавистный полдень. Пока Десмонд клал камень на камень, Рудольф, как и положено, охранял его. К моменту, когда солнце напомнило о возвращении домой, Десмонд был перемазан грязью с головы до ног.

Воды в русле не осталось почти ни капли. Даже руки не вымыть. Ручей пересох еще две недели назад.

Десмонд отправился в обратный путь.

Выйдя из-за деревьев на открытое место, он немедленно почуял запах дыма.

На востоке собирались темные тучи. Степной пожар двигался из направления, в котором скрылся отец, прямо к их дому.

Десмонд бросил топор с лопатой и побежал.

Рудольф залаял, не отставая от мальчишки.

С каждым шагом порывы ветра становились сильнее, хлестали по лицу. Ветер перенес огонь через гребень справа от Десмонда и швырнул его в низину. Языки пламени плясали, словно дервиши, крутились, прыгали, обвивались вокруг деревьев, окутывая их дымом и сажей.

Десмонд остановился на вершине холма, с которого прежде наблюдал за отцом, и позвал на помощь. Его окружал дым, черная пелена подступала все ближе. Когда ветер на секунду раздвинул дымный занавес, у Десмонда все похолодело внутри от ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.